

Этика успеха

Вестник
исследователей, консультантов, ЛПР
Выпуск 1

Учредители

Центр прикладной этики
Тюменского научного центра
Сибирского отделения
Российской Академии наук

Государственная
финансово-инвестиционная
корпорация "Югра"

Соредакторы

В.И. Бакштановский, В.А. Чурилов

Редколлегия

Г.С. Батыгин, Ю.В. Казаков, И.М.Клямкин,
А.Ю. Согомонов, Ю.В. Согомонов, В.И. Шпильман

Адрес редакции

Тюмень 625000, а/я1230 Центр прикладной этики. Телефон (факс) в Тюмени
(8-34-52)-24-02-26. Телефон в Москве (095)-322-97-46

Центр прикладной этики, 1994

Тюмень-Москва 1994

СОДЕРЖАНИЕ

4 Этика делового успеха (тезисы редколлегии)

Метафизика успеха

- 15 *Александр Гельман*
Перспективы и опасности
18 *Г.С.Батыгин*
Деловая аскеза?

Этика успеха: сферы дела

- 25 *И.М. Клямкин*
Историческая незавершенность советского человека
30 *С.Л. Соловейчик*
О первом и последнем в классе
36 *А.С.Панарин*
От патерналистской морали к морали успеха

Правила честной игры

- 41 *Центр прикладной этики*
Деловой этос региона-93
43 *В.И. Карасев, В.И. Шпильман*
Новая игра требует новых талантов
48 *Ю.В. Казаков*
Правила игры "четвертой власти" с тремя первыми

Модели успеха: цивилизация и посттоталитаризм

- 55 *Лев Аннинский*
Павел Корчагин как современный политический менеджер -
осуществимая идея?
58 *А.В.Кинсбургский*
100 ведущих политиков России: слагаемые политического успеха
60 *Центр прикладной этики*
От "этики характера" к "этике личности": эволюция американской модели этики
успеха (фрагментарий по книге Р.Хубера "Американская идея успеха")

Этос региональных элит

- 66 *Р.С.Гольдберг*
Нравственные искания делового человека эпохи "нового освоения"
68 *Центр прикладной этики*
Политический этос региональной элиты: модели успеха

Биография успеха

- 76 Г.Э.Бурбулис
"...Конкуренция с самим собой вчерашним"

Переводы, рефераты, рецензии

- 81 П. Бергер
Класс: лестница успеха
- 85 А.Ю.Согомонов
Новая книга о консультировании:
Кокман П., Эванс Б., Рейнолдс П.. Консультирование, ориентированное на клиента: Практическое руководство для внутренних советников и наставников

ЭТИКА ДЕЛОВОГО УСПЕХА ТЕЗИСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

"... Когда я впоследствии дважды переработал эту речь, ... я назвал ее так: "Das Spielelement der Kultur", "The Play Element of Culture" ("Игровой элемент культуры"). Устроители моих выступлений оба раза исправляли название: "...in der Kultur", "... in Culture" ("... в культуре"), но я снова зачеркивал предлог "в" и восстанавливал родительный падеж. Для меня проблема заключалась не в том, какое место занимает игра среди прочих явлений культуры, но в том, насколько сама культура носит игровой характер. Мне было важно - и этому посвящена также данная обстоятельная студия - понятие игры, если позволительно так выразиться, интегрировать в понятие культуры".

Йохан Хейзинга Homo Ludens

Этика успеха (делового успеха) - что это такое, если сразу отклонить облегчающую форму словосочетания через союз "и", а иметь в виду только родительный падеж, обозначающий стремление интегрировать понятие "этика" в понятие "успех" (деловой успех)?

Но разве сразу же не остановит попытку такой интеграции уже первое воспоминание о драме нравственных исканий человечества, постоянно воспроизводящих неразрешимый конфликт "Добра" и "Пользы"?! А можно ли не вспомнить серьезные гуманистические основания настороженности перед победительными амбициями "Человека Притязательного" и "Человека Выигрывающего", страха перед идеологией и технологией "Борьбы за Успех"?

Не бестактно ли даже рассуждать о ценности успеха в стране, обнаружившей - вдруг - свою псевдоуспешность и измученной непрекращающимися неудачами?!

По поводу первого вопроса остается лишь с доверием отнестись к историческому опыту человечества, которое не только непрерывно констатировало неразрешимость такого конфликта, но и настойчиво искало способы его решения. На этом пути предпринимались попытки выявить всечеловеческие основания морали и основания пруденциальные, отграничить "абсолюты" ("везде и всегда") от моральных релятивов ("здесь и сейчас"), этику справедливости в ее кантовском и хайкевском понимании от этики любви, этику дружбы - от этики контракта между партнерами.

По поводу второго и третьего вопроса можно найти и более обнадеживающие аргументы.

Общество, которое позавчера уверенно называло себя социалистическим, а еще вчера было уверено в самоназвании "перестроечное", сегодня вовлечено в ситуацию "футурошока", столкновения со своим неопределенным, многовариантным, непредсказуемым, рискованным будущим. Неопределенность - вместо одновариантности, риск - вместо гарантированности, инициативность - вместо патернализма и пассивности. Все это характеризует атмосферу почти намеренного и во многом решительного перехода от тоталитаризма к гражданскому обществу.

Для переходного периода характерно, что на одних и тех же географическом, экономическом, политическом и правовом пространствах сосуществуют и конкурируют "вчера", "сегодня" и "завтра" страны. В этом смысле "футурошок" дополняется "игрошочком" - сегодняшняя наша жизнь оказывается игрой еще и в том (дополнительно к известному по Шекспиру) - смысле, что в ней как в игровом моделировании время спрессовано, как бы "свернуто".

Но все это диффузное состояние проецируется еще и на пространство ценностное, этико-культурное, а стало быть, на пространство "правил игры". Есть ли в этом контексте потребности и возможности для *Этики успеха*?

Сомнение возникает уже потому, что во всем многообразии предлагаемых сегодня программ и проектов возрождения России, ее модернизации, даже в тех из них, где явно прочитывается апелляция к Личности, ее Интересу и духовным силам, слабо артикулируется сама Идея Успеха, стремление к достижению как важнейшая жизненная установка. В тех же редких случаях, когда идеология успеха влияет на жизненный выбор, она, во-первых, сосредоточена лишь на узко понимаемом феномене предпринимательства, и, во-вторых, фигурирует более как технология и праксиология, но менее всего - как специфическая *моральная философия* гражданского общества.

В то же время - при всех спорах о наличии, и, особенно, месте ценности успеха в архетипе отечественного менталитета - стихийный запрос на идею успеха дает о себе знать уже весьма настойчиво. "Свято место" пусто не бывает: вследствие своей стихийности и из-за отсутствия адекватных философских предложений запрос этот все чаще трансформируется в люмпенизированный миф об успехе как беспроектной ставке в жизненной рулетке. Госпожа Удача! И не вместе, а вместо Господина Успеха.

Такой миф совсем не случаен в контексте патерналистских ожиданий и иждивенческих настроений, подкрепляемых маятниковым колебанием реформаторских шансов. Не случаен и вовсе не нейтрален относительно той напряженной ситуации выбора, когда сам факт первого шага свободы - *реабилитация* ценности свободы выбора - еще совсем не означает *выбора свободы* (до сих пор, кажется, остающейся "еще не осознанной необходимостью").

"ИВАНЪ, самое обиходное у насъ имя, (Ивановъ, что грибовъ поганыхъ), переименованное изъ Іоанна (коихъ въ году 62), по всей азятской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русскаго. Въ сказкахъ: попъ Иванъ, Иванъ Царевичъ, Ивашка белая рубашка, Иванушка дурачекъ, занимаютъ первыя места. Вообще, Иванъ простакъ и добрякъ".

Владимир Даль *Толковый словарь живого великорусского языка*

И все же, с чем связаны хотя бы абстрактные надежды на развитие в нашей стране Культуры успеха вообще, Этики успеха - в частности? С импортом ли Американской Мечты? С прививкой "цивилизованной розы" к "российскому дичку"? С опорой ли только на национальные традиции? С конвергенцией культур в некоем Проекте с условным названием "Деловой успех на родине Иванушки Дурачка"?

Если преодолеть неизбежную иронию по отношению к последнему названию проекта, включающему эпатажную метафору, названию проекта, то обнаружится, что аллегорический ключ весьма эвристично выражает реальную и сильную традицию, передаваемую по эстафете от Сивки-бурки к "Птице-тройке", несущей в будущее ... Чичикова, к "Антилопе-гну" с Остапом Бендером, к "ЗИЛам" и "Чайкам" носителей модели делового успеха эпохи зрелого социализма, к "Мерседесам" постсоветских политиков, менеджеров, предпринимателей.

Парадоксальность развития отечественной философии успешной деятельности несомненна. Достаточно обратиться к наиболее распространенным трактовкам образа Ивана Дурака. Справедлива интерпретация его "не-ума" в антипраксиологическом смысле, когда все дела решаются, а точнее, случаются "по щучьему велению"? Несомненно. Но не убедительна ли и версия "хитрованства" Ивана-Емели, которые дурачат всех, но никому не дают обвести себя вокруг пальца? А разве менее допустимо оправдание лени как альтернативы холопству перед государственным режимом?

Здесь открывается смысл, противоположный имиджу героя не-успеванья, смысл, допускающий отношение к Ивану Дураку как к человеку, "обреченному" на

успех. Ведь не зря выдвинута версия о том, что он воплощает особую сказочную стратегию, исходящую из собственных, нестандартных решений, нередко противоречащих "здравому смыслу", но, может быть, именно поэтому и приводящих к успеху. Все дело в том, какие цели рационализируются в качестве значимых.

Если признать за символом Ивана Дурака определенный тип ценностно-рациональной рассудочности, то есть основания утверждать неперспективность попыток прямой аппликации Культуры успеха, рожденной в традициях западной цивилизации, на отечественный подзол. Действительно, что в ином случае делать с Иваном Дураком, IQ которого с точки зрения американских критериев "не оставляет никаких надежд"?!

С другой стороны, "хотя бы на равных" - это в лучшем случае игровая, а в худшем - ложная уступка, *вполне* на равных! Опыт российского предпринимательства свидетельствует, что отечественная "интуитивная" рациональность по крайней мере не хуже западного "расчета".

Было бы упрощением рассматривать нынешнюю Россию как страну пребывающую в "возрасте подростка", который еще только открывает этап своих нравственных исканий. Не меньшим упрощением было бы и утверждение о сверхэксклюзивности той трансформационной ситуации выбора, которую переживает современная Россия - с точки зрения общецивилизационных стандартов. Поэтому неизбежность кросскультурного подхода уже на стадии постановки проблемы этики успеха не должна приводить к "перестановке мест слагаемых" - речь идет о пути России в постиндустриальную цивилизацию, именно об ее поиске этого пути и об ее *вполне "взрослом"* выборе.

Россия ищет Идею. Среди прочих на такую роль может - в этом заключается наша рабочая гипотеза - претендовать и *идея успеха, идея этики успеха*. Успеха, который соотносится не просто с масштабностью дела. Успех связан с Достижениями, Благом, Высокой Рациональностью Цели, с Ответственностью как за средства, так и за результат. Поэтому, например, на прагматический вопрос "Как достичь успеха в России?", нередко задаваемый сегодня предпринимателями, менеджерами, политиками Запада, решающими для себя задачу сотрудничества с российскими партнерами, нельзя ответить вне этого поискового контекста, нельзя ограничиться разысканием и освоением неких инструментальных "секретов" и праксиологических "формул", даже если некие "консультанты" и предлагают их в качестве универсального "ключа" к успеху.

Вполне понятно было бы стремление и вопрошающих, и отвечающих на этот вопрос уклониться от "метафизики". (Ведь "дело надо делать!"). Но это трудно назвать даже неполноценным прагматизмом. Во-первых, уклонение от попытки глубокого проникновения в природу мышления и поведения современного "Ивана Дурака" не даст партнерам возможности действовать по одним и тем же "правилам игры".

Во-вторых, деловой человек Запада (и "Востока"!) приходит в Россию с определенной моделью успеха, которая "обременена" и вполне определенной "метафизикой". Только кажется, будто "искусство завоевывать друзей" ограничено технологией; в действительности за ним стоит парадигма "этики личности", nasledующая развитому типу "этики характера". Поэтому каждая "встреча" двух культур делового успеха - это и творческая встреча двух "метафизик Дела", предугадать результаты которой нам пока не дано.

В-третьих, такая "встреча" происходит на нашей территории, и потому предстоит еще решить: идет ли речь о задаче "привить цивилизованную розу к советскому дичку", или о конвергенции деловых культур (и их этических составляющих), или, во всяком случае, на сегодняшнем этапе, о *понимающем диалоге, о вновь созданном*, а не просто "апплицируемом" эталоне рациональности?

Азарт рассуждений о сложной "экспортно-импортной диалектике" культур успеха как бы не "уберег" авторов гипотезы от не менее существенного вопроса: не является ли наш сверхактуальный вызов - апелляция к Идеи Успеха - устаревшим уже на самом старте? Не отстаем ли мы от становления глобальной современной цивилизации, непрерывно трансформирующей свои ценности?

О какой, например, из версий Американской Мечты можно говорить как об аналоге наших сегодняшних исканий? О той, скажем, квинтэссенцией которой была идея "внезапного успеха, зримого воплощения большой и стремительной удачи в виде строительства игорного дома"? Или о той, в которой сегодняшний Bagny, герой одноименного кинофильма, "прорвавшись на Запад, огородил бы пустой кусок невадской земли и объявил его национальным парком. А попадись там какое-нибудь казино - снес бы решительно и быстро, как подобает пионеру"?

О какой, например, системе ценностей корпоративного успеха можно говорить как об эталоне? О таких ценностях цивилизованного бизнеса и менеджмента, как дисциплина, послушание, иерархия, карьера, достаточность, централизм и т.п.? По мнению западных экспертов эта система уходит в прошлое. Или об еще только нарождающейся сегодня, но уже намеренно культивируемой системе ценностей (свободное самоопределение, со-участие, равенство, самореализация, со-творчество, децентрализм и т.п.)?

Оставляя открытым вопрос об исторической "гонке", отметим лишь обязательное условие выбора в пользу культивирования у нас Идеи Успеха, *этики успеха* - в ее российском стиле. Не заключается ли это условие в культивировании прежде всего Метафизики Успеха? Тем более, что такого рода специфику стиля проще всего объяснить как вынужденную компенсацию неразвитости трудовой морали как в прошлом страны, так и в ее современной ситуации.

Концентрация исследователей, консультантов, самих людей дела на прецедентах деловой этики, стремления к достижению - без столь же концентрированного внимания к мировоззренческим аспектам профессионального выбора, приоритет "казусного" прагматизма перед экзистенциальной ориентацией - слишком рискованны даже для западной традиции позитивного отношения к целерациональной деятельности. Если из слов "Дело" и "Успех" уходит прописная буква (имеющая смысл лишь в соотнесении с Достижением, Благом, Рациональностью, Ответственностью), уходит как явная помеха моральной комфортности того рационализма, который исчерпывает свою заботу соблюдением "правил игры", то искаженными могут оказаться и культура взаимоотношений фирмы и потребителя, и технология лоббирования, и стиль делового общения партнеров и т.п. Короче, все известные объекты не менее традиционной гуманистической критики.

Этот риск приобретает особое значение именно в современном отечественном контексте, "отличающемся" вакуумом норм и ценностей деловой этики и потому стимулирующим в качестве первоначальной заботы развитие именно элементарной культуры Дела. Наиболее трудная задача - не впасть в односторонность, не поддаться вполне понятному соблазну "догнать" и "перегнать" западную деловую этику именно в ее гипер-праксиологической версии или, наоборот, противопоставить ей "свою" крайность свести возрождение Идеи Успеха только к метафизическому полюсу.

Генетив "этика успеха" не образуется без аксиологического возвышения этико-праксиологической "оснащенности" успешной деятельности. Не образуется этот падеж и на основе "чистой" метафизики успеха, пренебрегающей своей праксиологической конкретизацией. Их отношения в таких усеченных формах исчерпываются союзом "и".

Современный Российский Стиль Идеи Успеха представляется нам целостным отношением моральной философии Успеха и его деловой этики.

Проявление такого стиля - синкретизм *этико-аксиологических и этико-праксиологических* граней. Как раз в этой полноценной позиции "родительного падежа" нашему обществу естественнее участвовать в исторических "гонках". Как раз в этой позиции - тот вклад, который Россия может и должна внести в общецивилизационную *этику успеха*.

"Привносит ли мышление об этике больше этики в мир?"

А. Швейцер. *Культура и этика*

Этика успеха? Что - кроме запретов - способна внести она в процесс широкого освоения темы Успеха (жизненного и делового), развернутого современным гуманитарным знанием в его традиционных и эзотерических версиях, в теоретических и прикладных исследованиях, посредством учебных семинаров и консультационных практикумов, силами многообразных движений, ориентированных на самосовершенствование личности в ее жизненных исканиях, в деловой карьере. "Как уцелеть среди акул" и "Жизнь 101", "Преуспевание с радостью" и "Рожденные выигрывать"... В дополнение к карнегианским книгам эти - новые феномены нашего духовного обихода.

Но это далеко не однообразный ряд. Одни из таких книг - о технологиях успеха, за другими - сильная традиция гуманистической психологии с ее особым отношением к ценности успеха. Она, в отличие от отечественной традиции, говоря о человеке выигрывающем, имеет в виду не того, кто заставляет проигрывать ближнего, но того, кто выше всего ставит право личности на достижение. Более того, существует прямо оппозиционная тенденция в отношении ценности успеха. Так, в манифесте "О панике", принятом рядом ведущих психоаналитиков, в качестве "ценностей", выдвигаемых современными идеологиями на первый план и обнаруживающих свою "реакционную функцию", отмечена "навязчивая идея успеха и расчета".

Да, этика успеха содержит нормы запретительного характера, связанные и с праксиологическими, и с аксиологическими - вплоть до мировоззренческих аспектов морального выбора - гранями успешной деятельности. Содержит и культивирует запреты, относящиеся как к социо-контрольной функции морали в отношении к различным сторонам человеческой деятельности, так и к "внутриморальным" аспектам ценности успеха. Но все эти запреты ни в коей мере не затемяют позитивно-стимулирующей функции Этики Успеха. Реализация этой функции предполагает, разумеется, ее проблематизацию - анализ и прогнозирование нравственных противоречий успешной деятельности, прежде всего для того, чтобы преодолевать (а не "запрещать") их. Поэтому и эскизный портрет предмета наших поисков попытаемся представить в виде цикла проблемных вопросов.

Этика успеха? Ориентация на нравственно-позитивную ценность успеха, подтверждаемую как общественным признанием потребности "победителя" в уважении, чести, славе, так и собственным удовлетворением притязательной личности от самореализации, ее счастьем?

Риск в мировоззренческой сфере морального выбора, в положительной реализации внутренне противоречивого стремления к достижению - если видеть в нем как возможность превышения нормального ("среднего") уровня порядочности, так и возможность отклонения от нормы "вниз", в сторону вседозволенности и цинизма?

Успешное преодоление опасностей и соблазнов "грязной игры" (совсем не случайно породившей стереотипное отношение к политике и бизнесу как тотальному аморализму) и достижение желаемого успеха именно вследствие "честной

игры", трудной "игры по правилам" - когда сами эти правила при всей их конвенциональной специфике, укорененности в обычном праве соотнесены с общечеловеческими ценностями и являются атрибутами этики гражданского общества?

Потенциал успеха в парадигме ли состязательности или в парадигме кооперации - при отрицании как казарменного коллективизма, так и гипертрофированного индивидуализма?

Кто более этике успеха ценен: *люди порядка или люди игры*? Совместимы ли атрибуты "хомо люденс" и "хомо моралес"? И как уживаются в этике успеха мораль долга и консеквенциальная мораль?

Этика успеха? Кого возносит она на пьедестал: удачливого предпринимателя или прилежного работника, политического лидера или "прожившего незаметно", бесцеремонного победителя или щепетильного в выборе средств праведника?

Этика успеха? Мыслимо ли изъять ценность успеха из всего диапазона мировоззренческих альтернатив морального выбора, составляющих в своей совокупности ценностный контекст гражданского общества: этика любви и этика долга - с их специфической артикулированностью в отношении ценности успеха, стоическое сопротивление моделям успеха, навязываемым личности социальной организацией, квиетическое уклонение от ориентации на успех (философия недеяния) и т.п.?

Этика успеха? Помеха естественному стремлению человека или благоденственный для личности и общества контроль и самоконтроль? Может быть, благодарность человечества заслуживают лишь достойные успеха, способные "вынести успех"?

Даже в такой эскизной форме - отражающей скорее *нравственную философию* успешной деятельности и лишь весьма приближенно представляющей *конкретизацию* ее в ценностях и нормах, в атрибутах описания этоса успеха - амбивалентность этики успеха представлена как сбалансированность запретов и побуждающих мотиваций, организованных вокруг ценности морального выбора. И все же - еще раз - об этической безопасности Идеи Успеха, об ее самоограничениях. Во-первых, о нравственной критике (и самокритике) рационального жизненного поведения, отношения к жизни как к деловому предприятию, критике с позиций самой этики успеха и с позиций иных этических подсистем. Во-вторых, о пределах "внедренческой активности" Идеи успеха, профилактики ее склонности к монополизму в ситуации выбора идей.

Заявляемая в дискуссии о будущем России, *этическая идея* успеха сама должна быть и этически *безопасна*. Особенно это важно в контексте выживания как наиболее востребованной ценности в ситуации переходного периода. Мало того, что драма отечества заключается скорее в доминировании хорошо освоенной "культуры" выживания над культурой нормальной жизни (и, тем более, культуры успеха). Различая, может быть в предельно форсированном виде, стратегию выживания и стратегию успеха, возвышая ценность последней, как бы не совершить очередное насилие над настоящим и будущим, не потерять человечность, упрекая, а то и обвиняя тех конкретных людей и те конкретные сообщества и сословия, которые сегодня действительно не могут думать ни о чем, кроме как об элементарном выживании. Идея Успеха в ее этическом измерении не может позволить себе нравоучительской позы, унижения и оскорбления "инакомыслящих".

Мы рассматриваем Идею Успеха не столько как идею политическую и социальную, сколько как идею моральную (в той мере, в какой их вообще можно отделить друг от друга). Очевидно, что основной способ связи такой идеи с практикой - моралистический (но не морализаторский), когда этическая идея успеха про-

блематизируется и актуализируется, рафинируется и культивируется как одна из новых альтернатив морального выбора.

В то же время это идея *этико-прикладного* характера. Она касается тех ценностей и норм, которые конкретизируют моральные абсолюты, развивают их в сферах делового успеха. В такой ситуации у моральной идеи формируется дополнительная практическая сила. Благодаря *профессиональному* статусу Дела выбор Человека Дела весьма жестко обусловлен ценностью успеха - Служение Делу требует ориентации на Успех.

" - А, может, здесь и нет никакой морали, - заключила Алиса.

- Как это нет! - возразила Герцогиня. - Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!..

- Как она любит всюду находить мораль, - подумала Алиса".

Льюис Кэррол. *Алиса в стране чудес*

Панорамный анонс самого *предмета* исследований, экспертизы и консультирования применительно к задачам "Вестника" - это выделение инвариантных рубрик и конкретизация в них того общего представления об этике успеха, которое представлено выше.

Метафизика успеха. В этой рубрике авторам и читателям предстоит, во-первых, рассмотреть характеристику современной цивилизации как цивилизации ДОСТИЖЕНИЙ, т.е. выявить в ней ценностные ориентации на жизненный успех и успех деловой, роль конкурентных, соревновательных начал в обществе развития и риска, где потребность в достижении рассматривается как нравственная ценность.

Метафизика успеха - это, прежде всего, метафизика Дела. Авторам предстоит различить служение Делу и ответственность перед Делом, погрузить Дело в контекст агональных культур, проследить библейскую и вообще религиозную традицию. Особое внимание - обретению Дела как части модернизационного процесса.

Вместе с тем Дело неразрывно связано с генезисом профессии, с профессиональным Призванием и Успехом, так как именно из этой лакуны вырастает Этика делового успеха.

Этический подход к теме невозможен и без понимания места жизненного успеха в системе ценностей, в самореализации личности, ее духовном возвышении ("карьера духа" и общественное богатство).

В современной цивилизации наряду с доминирующей ориентацией на успех в рамках различных форм социальной критики получил распространение феномен дезангажмента в отношении Делового Успеха. Альтернативные Деловому успеху стремления мотивируются засильем духа торгашества в бизнесе, цинизма - в политике, карьеризма - в управлении, авторитаризма - в педагогической деятельности, общей дегуманизацией межличностных отношений, манией потребительства и т.д. Уклонение от успеха становится ценностью в контркультуре, где его вытесняют установка на социальную пассивность, выключение из социально одобряемых действий, этика недеяния и стоическая ориентация на жизненную "философию безнадежной решимости".

Особый интерес, вероятно, представляет российская версия этики недеяния. Речь идет о "магии русской хандры" - своеобразном успехе в невидимой деятельности души.

Этика успеха и сферы дела. Наиболее выразительно этика делового успеха проявляется в политической морали, этике предпринимательства, в управленческой этике, в нормативно-ценностном комплексе социально-педагогической деятельности.

Концепты этики политического успеха дифференцируются в зависимости от интерпретации смысла успеха в различных политических культурах.

И исследовательский, и экспертно-консультационные подходы должны представить политику сквозь призму призвания и профессии.

Чисто этическая составляющая политического Дела - принятие моральной ответственности. Не сводя политическую этику к проблемам "честной игры" - "грязной игры", важно обсуждать весь спектр соотношения этики и праксиологии успешной борьбы в политике, блеск и нищету политического успеха и политического поражения (от великого до смешного и здесь один шаг).

Самостоятельными сюжетами рубрики и "Вестника" в целом являются "этика президентства" и "парламентская этика", нормы и ценности успеха в "представительном" и "исполнительном" властвовании. Этика профессионального парламентаризма - тема, которая представляет хорошую возможность исследователям, консультантам и политическим деятелям сотрудничать в инновационном проекте с самого его старта. Кредо и Кодекс президентства; профессиональный долг парламентария; этос "президентской команды", символы успеха парламентского лидера и его фракции; парламентская карьера, политика как предпринимательство, политические игры (в позитивном и негативном смыслах этого словосочетания) - вот основные темы рубрики.

Дух свободного предпринимательства и выбор предпринимательской деятельности как призвания - ключевые темы исследования и консультирования этики предпринимательского успеха.

Ее отдельной строкой в панорамном анонсе не может не стать тема предпринимательской мотивации в свете формальных и неформальных критериев успеха.

"Вопрос вопросов" данной рубрики, вынесенный и в качестве самостоятельной рубрики: можно ли преуспеть соблюдая *правила честной игры* как на "диком", так и на цивилизованном рынке?

Объектом экспертизы предстоит стать добродетелям успешного предпринимательства - доверию, честности, репутации, социальной ответственности. Возможно, кто-либо из авторов или читателей сообщит о консалтинговом прецеденте на тему "Деньги не пахнут". Но невозможно обойти и проблему этического реформаторства, а также и связанного с ним морального риска, который выбирают для себя современные пассионарии рынка. Вместе с ними рискует и общество.

Управленческая деятельность и успех в социально-организационном менеджменте - предмет этической экспертизы. Самая очевидная этическая проблема в этой сфере - карьерный успех, нередко отождествляемый с негативно нагруженным понятием карьеризма. В тени в таком случае остается позитивная мотивация карьер, различия между этосом менеджериализма и "техно-бюрократическими добродетелями".

Особого внимания заслуживает вопрос об этических "разрешениях" и "запрещениях" в сфере профессионального управления людьми. Очевидно, что управленческий консалтинг должен "встретиться" с консалтингом этическим: удастся ли им достичь нераздельности?

Не просто сделать столь же очевидным предметом этической экспертизы и консультирования деловой успех в социально-педагогической практике. Но без ориентации на успех со стороны всех субъектов педагогического процесса может ли общество рассчитывать на то, чтобы войти в "цивилизацию достижений"? Действительно ли "новое поколение выбирает успех"? А если и выбирает, то каков нравственный ориентир такого выбора?

На первый взгляд может показаться, что уж в педагогической сфере нет проблемы "честной игры"? Однако, задача создания ситуаций успеха в процессе социально-педагогического проектирования "обречена" стать предметом этической заботы со стороны гражданского общества.

И, в заключение анонса этой рубрики, об общем для всех сфер делового успеха. Нельзя и представить себе этическую экспертизу, которая не культивирует контрольные механизмы со стороны общественного мнения над всеми формами достижительной деятельности.

Двуглавый орел постсоветской этики успеха. Ни консультанты, ни их "клиенты" не поймут, если исследование российской модели этики делового успеха будет вырвано из общецивилизационного - исторического и современного - контекста. Это относится как к классическим и неклассическим идеализированным этикам успеха, так и к локальным (национальным и региональным), а так же и к универсальным этосам.

Предстоит обсудить парадигмальную смену этических доктрин на протяжении двух столетий, рассмотреть секуляристское и религиозное оправдание материального успеха через концепцию Служения. Наряду с западными образцами этики успеха ("Американская мечта") нельзя не обратить внимание на модели незападного происхождения. Здесь важно выявить ключевые конфликты, порождаемые стремлением к достижению, проследить диалог этических культур, соотносить культуросентризм в формировании многообразных образцов успеха с универсальным субъектом морального выбора в гражданском обществе.

Современная отечественная этика делового успеха наследует дооктябрьскую и советскую традиции. Исключительно важно исследовать нарождавшиеся в дореволюционной России модели успеха и его этики, философию хозяйствования в контексте различных этно-конфессиональных культур.

Мало изучены и противоречивые ориентации на Дело в границах советской истории: с одной стороны, они связаны с культом пассивной исполнительности, с другой - с активистскими идолами успеха. Но это только полярные позиции, не исчерпывающие всего континуума. Среди важнейших тем поиска - идеологемы коллективного успеха и место индивидуалистических моделей в патерналистски ориентированном обществе. Многого мы не знаем о "науке успеха" в административно - командной системе. О мифологии бесчисленных починов, о морализаторском кретинизме официальной идеологии успеха, о нравственных коллизиях "бескорыстных преступников", о конфликтах "нового освоения" и т.п.

Разумеется, современная история - в центре внимания авторов и читателей "Вестника". Действительно "новое поколение выбирает успех"? И если да, то каков этический смысл такого выбора? Способны ли сегодняшние и завтрашние триумфаторы вынести бремя генов советской модели успеха? И более трудный вопрос - о пределах проницаемости общецивилизационной ценности успеха в современный российский менталитет в обстоятельствах мифологизации рынка, доминирования посреднического капитала над производительным, неразвитости политической культуры.

Мы собираемся обстоятельно анализировать процесс культивирования ценности успеха. Здесь интересны и причины популярности карнегианства, и полемика по поводу тезиса о том, что "православию не годится протестантский капитализм", и проявления "деидеологизации" Дела в программах современных "школ успеха", и многообразие сценариев постперестроечных установок и критериев успеха.

Правила честной игры. В этой рубрике естественным образом "собираются" как этико-философские, так и "праксиологические" вопросы - от характеристики Человека-успешного как "Homo ludens" до технологии переговорного процесса.

Игровая природа успешной деятельности - тема эвристическая и одновременно весьма прагматическая - если говорить об учебно-консультационной работе. Субъекты инициативные, предприимчивые, рискованные, обретающие ничем незаменимую радость в погоне за "Госпожой Удачей" и в стремлении к Достижению, черпающие наслаждение от игры шансов как в борьбе, так и в сотрудничестве, в счастье победы и в мужестве поражения, достойные успеха и способные выдержать его, счастливые в напряжении жизненной игры, осознающие свои способности востребованными от ими же сами избранной Судьбой, личным Призванием - авторы и герои этой рубрики.

Тема "правил игры" далеко не так технологична и не так конвенциональна, как это нередко кажется. Это понятие отражает фундаментальные условия нравственной культуры достижения. В этике делового успеха правила честной игры не просто профилактируют казалось бы неизбежное зло предпринимательского, политического, управленческого, педагогического дела, но, прежде всего, мотивируют самую ориентацию на успех как Нравственное служение.

Отдельного внимания авторов и читателей рубрики заслуживают темы венчурной культуры, конкуренции и партнерства, этики лидерства и этики команды, этика свершений и побед, несвершений и поражений.

Региональные элиты. Данная рубрика несет двойную нагрузку. Во-первых, исследовать собственно тему рубрики. Во-вторых - "прилагать", "преломлять" темы всех других рубрик в региональный контекст, который, в свою очередь, будет в разной мере представлен и в иных рубриках. Выход регионов на авансцену политической жизни России влечет за собой повышенный интерес к готовности региональных элит "поднять знамя" идеи делового Успеха и его Этики, с тем чтобы процесс становления гражданского общества в стране вырастал бы "снизу". Отсюда и тема возрастания исторической ответственности региональной элиты, ибо существует возможность неадекватной реакции творческого меньшинства на исторический вызов. Это, в свою очередь, может привести не к возрождению, а к умерщвлению российской цивилизации.

Здесь возникают остросюжетные темы открытости и закрытости региональных элит, балансового или конфронтационного взаимодействия между ними. Еще более усложняется взаимодействие региональных элит с федеральными.

Не может не прозвучать и особая тема невластвующих элит - от их активности зависит успешность процесса превращения административных территорий в самобытные Регионы, зависит региональная идентификация.

Уже на старте проекта мы предполагаем инициировать рубрики, которые сегодня "скрыты" в панорамном анонсе. Это, естественно, рубрика "Новое поколение выбирает успех?" с далеко не случайным знаком вопрошания. Это и, вероятно, рубрика "Север. Воля. Надежда", посвященная проблеме сбалансированного развития Тюменского Севера, в том числе и связанная с проблемой выживания малочисленных народов.

Скорее всего работа над Программой "Академия успеха" не даст заявленной панораме "застыть" и канонизироваться.

* * *

Тематическая программа любого периодического издания разворачивается вокруг центральной идеи. Если идея открывает новые возможности понимания ситуации, в которой происходит коренная ломка привычных форм общественной и частной жизни, она равнозначна осознанию "интереса эпохи" и в этой мере являет собой условие обретения нормального состояния. Речь идет не об очередной партийно-политической "платформе", защищающей интересы какой-либо группы,

а об осмыслении принципиально иной схемы социального действия, чем та, которую ныне принято называть "тоталитарно-бюрократической". Идея заключается в поиске новых критериев общественной солидарности, обеспечивающих осуществление частных интересов при категорическом отказе от "войны всех против всех". Даже борьба партий и открытое доминирование частных интересов над интересами сообщества не могут быть нормальными без гражданского мира. Поэтому этика успеха - не просто совокупность моральных предписаний, регулирующих притязания человека на деньги, карьеру и власть. Этика успеха - это техника рациональной организации мирной жизни в условиях, когда каждый вынужден нести всю полноту ответственности за себя и свои обстоятельства. Таким образом, журнал берет на себя сверхзадачу "учить жить".

Надо ли обстоятельно уточнять причину этих кавычек. Может быть нашей самоиронии с помощью цитаты из книги Михаила Булгакова будет достаточно? "... Вы в качестве консультанта приглашены к нам, профессор? - спросил Берлиоз. - Да, консультантом...". *Непредписательная стратегия консультирования*. Категорическое неприятие трактовки отношений исследователей и консультантов, с одной стороны, ЛПР - с другой как "пастырей" и "паствы". Принципиальная установка на диалогическое взаимодействие этической (и, в целом гуманитарной) науки и практики нравственной жизни создают непреложный кодекс этического консультирования.

Вряд ли на нашей полосе появятся рекомендации, столь же впечатляющие, как в брошюрах "Как сделать миллион". В то же время из номера в номер будут публиковаться материалы комплексной исследовательской Программы "Академия успеха". Она включает теоретические, экспертно-консультационные и образовательные циклы по различным сферам деятельности: политической, предпринимательской, педагогической. В рамках Программы организуется Институт делового успеха. Начат выпуск серии монографий по этике успеха в политике, предпринимательстве, образовании. Особое направление Программы образует социо-культурологический мониторинг ситуации в Тюменском регионе - в результате можно будет судить об изменениях в деловом этосе. В первых номерах журнала будут опубликованы материалы практикумов о "духе парламентаризма", "идеологии корпорации", "деонтологии воспитания" и т.п.

Жизнеспособность журнала зависит от того, насколько он воплощает интересы "незримого колледжа" исследователей, консультантов, лиц, принимающих решения. Несомненно, этот "колледж" объединяет разных специалистов: этиков, историков, психологов, политологов, экономистов. Но в центре внимания "Вестника" одна тема: как рождается и развивается этика делового успеха в современной России. Именно этот выбор побуждает нас заключить Тезисы редколлегии следующим фрагментом из стихотворения Вл.Савельева "Сизифов труд":

Он катит камень в гору, в гору, в гору.
Он этот труд предпочитает спору
О результатах этого труда...
Сизифов стиль. Сизифово терпенье.
Сизифов труд. Сизифова тропа.

Александр Гельман ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПАСНОСТИ

Из многих характеристик бытия, с помощью которых люди пытаются понять себя и окружающее общество, я бы выделил в качестве наиболее надежных, универсальных - Перспективы и Опасности. Это емкие всеохватывающие показатели. Когда ты являешься в этот мир, перед тобой открывается перспектива прожить шестьдесят-восемьдесят лет и одновременно нависает опасность смерти, которая может наступить в любой день. Перспективы и опасности различного свойства и масштаба сопровождают нас в течение всей жизни и вся наша жизнедеятельность в конечном счете заключается в том, чтобы, избежав опасности, реализовать перспективы. Мы этим заняты с утра до ночи, с первого до последнего дня. Думается, это и есть наиболее выразительная формула технологии успеха: избегая опасности, реализовать перспективы.

Сегодня, когда, по-видимому, уже можно утверждать, что социализм в России рухнул, среди прочих причин его гибели отчетливо выделяется унылая бесперспективность. Деловая, творческая энергия значительной части общества оставалась не востребованной, скисала, плесневела, превращалась в сарказм и гнев. Успех в большинстве случаев приходил не как награда за талант или усердие, а как плата за приспособляемость и верноподданничество. Без тесных связей с номенклатурой невозможен был не только служебный, но и профессиональный взлет.

Теперь, когда все кругом всклокочено, вздыблено, мы стали вспоминать смертную скуку застойных лет как благо, - забываем тошнотворную тоску зрелого социализма. Ни перспектив, ни опасностей, мертвая тишина - таким был тот униженный, уравнилительный образ жизни, который вполне, впрочем, устраивал определенную часть населения. Это был своего рода рай для посредственности.

После унылого, вялотекущего социализма одни из нас ждали новый, энергичный, очищенный социализм, другие ждали еще более энергичный, процветающий, могущественный капитализм. Никто не ждал тяжкий, вязкий, сыпучий, преступный, омерзительный переходный период. Почему так? Потому что так устроена человеческая психика. Мы не терпим промежутков, переходов, переездов - мы хотим заснуть в одном мире, а проснуться в другом, новом и прекрасном. Поэтому, не будучи в силах устранить переходный период из действительности, мы его устранили из воображения. Наша мысль не стала осваивать метр за метром предстоящую сложнейшую промежуточную реальность - она сразу скакнула из ужасного в прекрасное, из одной зрелости в другую. Мы ждали невозможного. Правда, еще неизвестно, началась ли вообще перестройка, если бы ее инициаторы представляли себе заранее все жути и ужасы переходного периода? Восточная мудрость гласит: "Кто предвидит последствия, не сотворит великого".

Так или иначе, но мы уже пошли и, по-видимому, уже дошли до середины тяжелейшего переходного периода. Теперь нам ясно, что никакого перескока, перепрыга из ада в рай не будет, а будет медленное переползание из одного ада в другой - безусловно, меньший, не столь жестокий, но тоже ад. Привыкать к такой жизни надо всерьез и надолго, а для людей моего поколения - до конца дней.

Чем же определяется сегодня степень выносливости общества, от чего зависит - осилим ли, перейдем через болото или рухнем посередине? Я думаю, все зависит от того, удастся ли обеспечить в переходный период, несмотря на все трудности, ощутимый перевес перспектив над опасностями. Для того чтобы общество утвердилось в новом направлении, реальный успех не обязательно должен

сопутствовать всем или даже большинству, но он должен сопутствовать такому числу людей, семей, которое было бы достаточным для возникновения у большинства граждан твердой уверенности в возможности успеха. За это сегодня идет борьба - за веру в возможность успеха.

Из чего складывается эта вера? Из живого, неопровержимого положительного опыта тех, кто уже добился чего-то. Убеждают примеры реальных достижений, которые можно увидеть, пощупать, проверить на прочность. Когда каждый человек будет знать лично хотя бы одного соотечественника, которому уже удалось добиться в новых условиях вполне определенного успеха, это будет означать, что судьба реформ вне опасности.

К сожалению, далеко не все случаи делового успеха связаны сегодня с затратами ума и старательности. У многих дела пошли резко в гору не потому, что они придумали или сделали что-то выдающееся, а исключительно в результате пиратских захватов государственной собственности. В России, благодаря номенклатурной приватизации, буквально каждый день появляются десятки, если не сотни новоиспеченных крупных собственников. Ясно, что такие примеры не могут вдохновлять простых, нормальных людей, которым от приватизации досталось по жалкому ваучеру. И дело вовсе не в том, что богачи вызывают зависть и озлобление самим фактом своего существования. Конечно, это тоже есть, но касается, в основном, люмпенской части общества. Гораздо опаснее случаи нечестного, наглого обогащения, вызывающие справедливый гнев здравомыслящих людей, активных сторонников реформ. Когда такие люди теряют веру в возможность честного успеха, это очень серьезное поражение реформаторского курса. Потому что именно они являются кандидатами в тот самый солидный зажиточный средний класс, который только и способен составить опору респектабельного капитализма.

Деловой успех человека сегодня безусловно связан с обретением новых, а по сравнению с прошлым - просто невероятных возможностей в бытовом обустройстве жизни. Сегодня успех - это приобретение (или постройка) удобного или даже шикарного жилища, первоклассной мебели, бытовой техники, транспортных средств. Однако все эти зримые свидетельства успеха нуждаются в охране, защите, надежном страховании. Ничего этого пока нет - сегодня не только имуществу, но и самой жизни состоятельных людей не гарантирована безопасность. Это подталкивает их обустраивать свой быт за пределами России, со всеми вытекающими последствиями. Короче говоря, во многих случаях для многих людей успех все еще является чем-то неудобным, обременительным, успех не радует, не приносит счастья, а вызывает дополнительные неудобства, проблемы. Все это не может не снижать активности деловых людей, не порождать разочарования, равнодушия. Речь идет о том, что государство, правительство явно не справляется с задачей обеспечения безопасных условий деятельности предпринимательского сословия. Возникает абсурдная ситуация, когда неспособность властей обуздать криминальные опасности обесценивает те новые перспективы, которые появляются по мере реформирования экономики.

"Новые русские", как теперь называют во всем мире наших преуспевающих предпринимателей, привлекают к себе всеобщее пристальное внимание. В эти месяцы и годы в общественном сознании страны и мира вырисовывается тот образ российского богатого класса, который, закрепившись, останется в массовом сознании надолго. Этот образ формируется под влиянием не столько чисто профессионального поведения, которое в основном остается за кулисами, сколько публичными поступками и высказываниями деловых людей. Многие в этом плане вызывает сожаление. Непомерное хвастовство своими возможностями, закатывание сверхдорогих, жирных банкетов, презентаций, грубые попытки внедрять свою безвкусицу в качестве некоей культурной нормы, хамство, перенятое одно-

временно и от совчиновничества, и от низкопробных западных образцов... все это складывается в картину весьма непривлекательную. Конечно, есть и другие "новые русские" - люди образованные, скромные, глубоко заинтересованные в развитии подлинной культуры. Но, как и в дореволюционной России, слой таких меценатов-богачей невелик.

Говоря о деловом успехе, нельзя не коснуться политической деятельности, ставшей для многих тысяч российских граждан основной профессией. Тем более, что после последних выборов в Государственную Думу, вопрос о том, какого рода усилия определяют успех в политике, интересует не только профессионалов, но и широкую общественность.

Основная проблема здесь - отношение к популизму. Дело в том, что по своей снобистской неопытности, демократы-интеллектуалы поначалу отрицали и осуждали всякий популизм, популизм как таковой. Но сейчас уже совершенно ясно, что, скажем, без популистских методов предвыборной агитации достичь успеха невозможно.

Собственно, что такое популизм? Это упрощенное (и потому впечатляющее) истолкование сложной действительности с целью завоевания доверия масс. К примеру, Сталин, все сложнейшие коллизии послереволюционной России свел к простой, ясной, четкой формуле необходимости беспощадной классовой борьбы, которая приведет к победе социализма. Другие попытки упрощенного объяснения жизни, не столь воинственные, основанные на гуманизме, Сталин подавил, уничтожил, введя жесткую цензуру, а в обществе "работала" лишь одна, его, сталинская, версия. Результаты известны.

Нашу сегодняшнюю сверхсложную жизнь тоже невозможно объяснить людям, не прибегая к существенным упрощениям. Пытаться в сжатые сроки предвыборной кампании растолковать миллионам граждан "все как есть", все сложности, все противоречия - значит обресть дело предвыборной агитации на полный провал, что и продемонстрировали демократы ("Выбор России") на последних выборах. Неотчетливость, усложненность диалога политиков с массами вызывали только раздражение и недоверие.

Значит, речь должна идти не об отрицании популизма как такового, а о направленности, о качестве, о характере популизма. Следует без стеснения признать: упрощения неизбежны. Речь должна идти об идеологической борьбе просвещенного, умеренного популизма с вульгарным, наглым популизмом. Если реформаторы-демократы не освоят популистскую культуру, не найдут свои "хорошие, честные" популистские приемы, не выдвинут лидеров, способных в этом плане противостоять политикам типа Жириновского, то, какими бы они знающими и толковыми ни были, их усилия не увенчаются успехом. Сегодня так: кто яснее, проще, увлекательнее и, что очень важно, оперативнее упростит и объяснит, тот и победит.

В последние годы успех, и нередко большой успех, приходит к новым людям, к таким людям, которые раньше не могли и подумать о чем-нибудь подобном. Это очень важно. Ибо подлинное обновление жизни невозможно без притока молодых, свежих сил в "успешные" слои общества. Подлинный демократизм нарождающегося в России капитализма связан с тем, что широкие возможности, открываясь для новых предпринимателей, не закрываются для старых, прежних партхозначальников. Если, конечно, они способны ими воспользоваться. Слава богу, в этой революции удастся и, даст бог, удастся до конца избежать привычного подавления "старых сил". Это для нашего общества, воспитанного в духе классовой борьбы, великое достижение.

Стремление к успеху, богатству, славе - это мощный мотор, своего рода индивидуальный атомный двигатель, который сейчас запущен в России и набира-

ет скорость. Десятки тысяч людей уже захвачены новыми ритмами. Поглощаются миллионные тиражи книг, дающих советы, как добиться успеха. Дремавшие прежде тщеславия открыли жадные глаза, когорты деньголюбцев кинулись не только в нормальный, вполне достойный бизнес, но и в мафии, рэкет, в торговлю наркотиками, девушками, замороженными почками и бог знает еще чем. Криминальный успех, судя по всему, опередил нормальный, легальный, приветствуемый. Впрочем, не исключено, что такое впечатление возникает из-за неравнообъемного освещения криминального и нормального успеха средствами массовой информации.

Мы вступаем в "цивилизацию успеха", в культуру, во многом основанную на успехе. Во многом, но далеко не во всем. Просто от того, что этот мир для нас непривычен, поверхностно нами понят, слабо изучен, погоня за успехом приняла у нас во многих случаях уродливые, отталкивающие формы. Мы только начали осваиваться в новом для нас мире. Первые опыты важны, неизбежны, часто огорчительны, но не следует забывать, что это - именно первые шаги. И повторюсь: это не дорога в рай, это всего лишь дорога в лучший, в более удобный ад. Рай будет там - для тех, кто его заслужит...

Г.С.Батыгин

ДЕЛОВАЯ АСКЕЗА

Исследование предпринимательского этоса и соответствующих ценностно-нормативных ожиданий заключается, собственно говоря, в решении двух задач. Требуется, во-первых, отграничить "предпринимательство" от "непредпринимательства" и выработать нечто вроде идеального типа; во-вторых, поместить найденный специфицирующий признак предпринимательского этоса во вселенную "объясняющих" измерений, чтобы посмотреть его сопряженность, например, с "производительными силами", национально-этнической принадлежностью, профессиональными убеждениями, брахоцефалией, авантюрными наклонностями, сексуальной депривацией ... Речь идет о "вселенной" переменных, где методически оправданы любые сопряженности, если они правильны формально. Некоторые из упомянутых сопряженностей подробно изучены и служат отличительным признаком тематических границ в науке и даже "школ", другие кажутся экзотическими.

Последнее не означает меньшей "научности" объясняющих гипотез. Вполне может оказаться, что распространение рыночных отношений и так называемой "цивилизации" есть не более чем симптом нарастающего господства "круглоголовых", которые к тому же живут стаями. Эта безумная гипотеза не проверялась, хотя могла бы стать нетривиальной альтернативой идее о взаимосвязи протестантской этики и духа капитализма.

Предпринимательская деятельность идентифицируется обычно по сфере и способам получения дохода. Таким образом, рыночный торговец и биржевой спекулянт (это слово не имеет здесь никакого оценочного смысла) считаются по преимуществу предпринимателями, тогда как доцент марксистско-ленинской философии являет, по крайней мере своим собирательным образом, антипредпринимательский синдром. Социологическое исследование вынуждено исходить из подобных предположений и только затем для них создаются необходимые концептуальные орнаменты. Здесь не учитывается, что предпринимательский этос склонен являть себя в видимостях, которые, как известно, светят отраженным светом. Как все подлинное, предпринимательская "лошадность" не любит обна-

руживать себя кому ни попадя и старательно прячется от нескромного социологического анализа. Предпринимательский этос - нечто иное, чем вид занятий, благосостояние или даже некий синдром, обозначаемый фразеологизмом "родовая рожа". Речь идет о некоем латентном измерении, образующем специфическую оптику и модус соотнесения с миром. Принято полагать, что этот модус основан на рационализации индивидуального существования, подчинении своей жизни планомерному стремлению-заданию, а своих действий - постоянному самоконтролю и проверке их этической значимости. Такой метод рационального жизненного поведения М.Вебер называет аскезой, совершая рискованную транспозицию богословского понятия в контекст мирского служения.

Этимология древнегреческого слова "аскезис" имеет мало общего с распространенными представлениями о добровольных лишениях и жертвах, уходе от мирских радостей, фанатическом самоистязании и суровости. Более всего аскезис ассоциируется с "умерщвлением" плоти, что могло бы быть правильно, если бы первоначально "аскезис" не означал искусство обработки грубых материалов, в частности, выделку шкур, и, помимо всего прочего, образ жизни атлетов, которые обязаны не допускать ничего вредного для себя и систематически упражнять свои силы, необходимые для состязания и борьбы на арене. Смысл аскезиса полагается здесь как отказ от некоторых сторон существования как вредных, причем отказ адресован всему, что не способствует упражнению сил атлета. У философов стоической школы "аскезис" употребляется уже применительно к упражнению в добродетели и воздержанности - эта способность человека также требует немалого умения и самовоспитания. То же самое верно для упражнения в науках, врачевании и философии: имеется в виду труд посвящения себя какому-либо делу, профессия и призвание. Аскетические упражнения практиковались уже эллинскими философами, знавшими, что любовь к мудрости - весьма многотрудное дело. Атлетическое состязание выступает у Апостола Павла образцом христианского подвижничества: "Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы - нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело мое, дабы проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (I Кор. 9, 24-27). Удивительна кристальная отчетливость, с которой явлен Апостолом смысл аскетического подвижничества.

Христианская богословская традиция значительно расширила и изменила значение термина, связав его с монашеским служением - аскетизм с определенным временем, особенно в католической церкви, отождествлялся с отказом от собственности и безбрачием. В самом общем виде в нравственном богословии под аскетизмом понимается планомерное употребление, сознательное применение целесообразных средств для приобретения христианской добродетели, для достижения религиозно-нравственного совершенства (С.В.Зарин). При этом указывается на техническую сторону христианского совершенствования, так как его главным деятелем является высшее телеологическое начало - благодать Святого Духа. Сам по себе аскезис, как и любые усилия, не одухотворенные Божественным промыслом, может оказаться бесплодным. Этот смысловой момент может оказаться принципиальным при рассмотрении предпринимательской аскезы. На первый взгляд, обращение к аскетическому подвижничеству имеет мало общего с рыночной деятельностью, однако и в том, и в другом случаях речь идет об исполнении дисциплинарного обетования и организации своего жизненного служения свободно от внешних - детерминирующих - обстоятельств. В этом отношении аскеза равнозначна подвижничеству, разрывающему цепь причинно-следственной принужденности, аскет зависит только от своего служения, но не

от внешних обстоятельств и тем самым, обретает свободу, а за ней - путь, и истину, и жизнь.

Предпринимательство и отвергаемое протестантизмом монашество аскетичны в том смысле, что требуют от индивида сознательного отказа от следования склонности и удовольствию. Превращение аскезы в метод рационального жизненного поведения создает постоянную напряженность между естественной стороной жизни и призванием личности. Поскольку аскеза является собой рационализацию пути к личному спасению, самый важный вопрос заключается в определении того, что полагается в качестве "естественного" и греховного; иными словами, что подлежит отказу. Мы выяснили, что христианская аскеза вовсе не считала необходимым "умерщвление плоти". Светлая, радостная аскеза Святого Франциска - не исключение из обычной аскетической практики католицизма. Деятельная, осмысленная просветленная жизнь оставалась целью даже для святого, ориентированного на загробное блаженство. М.Вебер отмечает, что именно поэтому его посюстороннее существование было строго рационализировано и заполнено единственным стремлением - приумножить славу Господню на земле. Таким образом, уже недостаточно определять область аскетического преодоления областью сугубо "мирского". Внутри самого мирского осуществляется напряженный выбор пути, и христианин обязан "входить узкими вратами" в каждый момент своего земного существования, создавая своим религиозным трудом свободу от вынужденных действий. Что есть греховное и неприемлемое - решается уже исходя из методических соображений. Собственно говоря, и сам вопрос формулируется иначе: не *что*, а *как*. В этом принципиальное отличие сакральной этической регуляции от мирской. Например, иудейский Закон предписывает максимально регламентированную топикку социального действия, где вся методическая аргументация не идет дальше ссылки на Галаху. Иудею необходимо лишь знать, что можно, а что нельзя для того, чтобы следовать верным путем. Ритуальная этика гарантирует безошибочность поступка, и аскеза здесь возможна лишь как следование предписанию, не предполагая ни выбора, ни, тем более, подвижничества.

Иное дело - христианский этос, выродившийся со времени "похорон Бога" в техническую цивилизацию. Смысл жизненной программы личности зависит здесь от мотивированного выбора и греховное - предмет аскетического отказа - возникает как методическая проекция веры на "непригодный" для дела материал. Противостояние "хорошего" и "плохого" развертывается уже в естественной жизни и аскеза становится немного равнодушной к своему предметному содержанию. Реформаторское "расколдование" мира одновременно означает и превращение его в дом молитвы, ведь "труд - наша молитва". И, самое примечательное, трансформация и обмирщение христианской аскезы предуготовили нравственно-этическое пространство для универсального обращения ценностей, *где все можно, лишь бы это делалось правильно и методично* - добропорядочно. Здесь аскетическая доктрина переходит в тотальное восприятие жизни как делового предприятия и актер-хозяин получает возможность самостоятельно оценивать степень его успешности.

Метаморфоз христианского аскетического идеала в этос предпринимательства странен. Методическая рациональность деловой аскезы, сохраняя формальную напряженность в противостоянии греховному, "переворачивает" это соотношение: смыслообразующим принципом мирской аскезы становится техника накопительства - то, что из веку осуждалось христианской догматикой как самая омерзительная из плотских страстей. Она обладает бездонной ненасытностью, никогда не успокаивается, а, напротив, только разжигается успехом в приобретении имущества. По словам Иоанна Кассиана, свойство этой страсти таково, что

душе, однажды плененной ею, она не позволяет соблюдать никакого правила честности и не дает насытиться никаким увеличением прибыли. Эта страсть неистова, потому что не насыщается никакой мерой.

"Любостязательность" рассматривалась в патристической литературе как происходящая "не из природы, а от воли". Исаак Сирийский связывает "любостязательность" с "приобретением чего бы то ни было такого, к чему привязана воля", то есть с порабощением души. Но наступает такой исторический момент, когда неистовство приобретательства рационализируется и приобретает вид аскезы, нетерпимой к естественному в человеческой жизни. Личные качества человека (Бенджамин Франклин называет честность, бережливость, прилежание) становятся требованиями предприятия - деловой машинерии, независимой от личного выбора и воли действующего здесь субъекта. Предприниматель не вправе распорядиться даже своей волей и лишь реагирует с большей или меньшей степенью мастерства на изменения ситуации. Поэтому деятельная природа мирской аскезы, столь настойчиво акцентируемая Максом Вебером и противопоставляемая им созерцательному поведению мистика, реализующему в миру свое религиозное инкогнито, оказывается в значительной степени видимостью. "Аскет" просто вынужден быть деятельным, но ни структура, ни цели, ни мотивы его деятельности не подчинены свободной созерцающей воле.

Аскеза означает в данном случае не более, чем деловитость в осуществлении своей цели личного спасения и имеет по преимуществу формальный характер. Формальный характер аскетических пуританских предписаний проясняет, например, неприятие театра, эротики, искусства, развлечений: они не подчинены технической целесообразности и, вместе с другими "наслаждениями", иррациональны.

Особенно очевидно этот формально-технический элемент пуританской аскезы явлен в запрете "потребительства": богатство и деньги предназначены для приумножения богатства и денег. В этом отношении этос предпринимательства обнаруживает крайние степени аскетического ригоризма и самоограничения. Напряженность положена в функциональном предназначении денег: они могут быть растрчены "впустую" для получения "наслаждений" и тем самым свершится зло; они же могут использоваться для наживы и дело будет богоугодным. Таким образом, аскеза принимает форму предпринимательской бережливости, неутомимого, систематического профессионального труда для достижения богатства - свидетельства Божьего благословения.

Жизнь подчиняется ценностно-рациональной калькуляции. Именно в аскетической калькуляции заключается существенное отличие от предпринимательского протестантского ригоризма у Вебера, от утилитаристской этики Бентама-Милля. В последнем случае критерий оптимального жизненного поведения формируется на основе результатов выбора "максимального блага" в жизненной игре, где все зависит от внешних обстоятельств и социальное равновесие достигается за счет способности индивидов к разумному эгоизму, при этом каждый стремится урвать себе как можно больше, хотя и боится ближнего, догадываясь о его намерениях. В первом случае результат достигается следованием императиву нравственного долга и важен лишь постольку, поскольку подтверждает правильность избранного пути к спасению.

Вполне понятно, что аскеза, как этический принцип и "понимающая" конструкция, возможна лишь в веберовской, но не в миллевской схеме. В системе "приспособительного" поведения аскеза не могла быть ничем иным, как сознательным проигрышем и отказом от борьбы за место у кормушки, - некоей разновидностью социальной патологии, "пережитком" средневековья, в конце концов, юродством.

Прогрессистское воззрение на жизнь, основанное на идее борьбы за существование, превратило аскетическую установку в антиобщественное проявление. Аскетизм стал трактоваться интеллигентной публикой как "вредный для жизни общественной" и, действительно, отказ от "удовольствий" в период всестороннего удовлетворения потребностей под знаком социального прогресса представлял немалую общественную опасность.

Здесь мы можем видеть, что аскеза как следование внутреннему императиву долга, выступает критерием, скажем, интерналистского предпринимательского этоса, противостоящего стимульно-реактивному "приспособлению". Но все же независимость этой аскезы от "среды" не стоит переоценивать. Она остается лишь мирским служением и возможна лишь в мире, лишенном сакральных ценностей, - расколдованном и поддающемся целенаправленному преобразованию. Сама аскеза становится здесь расколдованной и в меру деловой, потому что лишена зависимости от высшего метафизического начала.

В расколдованном мире теряет свой сакральный смысл и, вероятно, самое бытие стыд - основа аскезы и ее внутреннее витальное чувство, многожды описанное в святоотеческой литературе. Испытание стыдом - отделение и обособление духовной жизни человека от материальной - дает возможность не только отстраниться от зла, но и оправдывает этические нормы добра высшим божественным волением (Вл.С.Соловьев). Здесь наличествует неукоснительность "страха и трепета", но нет бесконечной дурной функциональности, оправдывающей поведение человека его значением для "другого", ролевыми предписаниями и ожиданиями. Если смысл социального действия - его функция, то все нефункциональное становится бессмысленным, а функциональное, напротив, приобретает фиктивный смысл договоренности. Если бы бога не было, его следовало бы выдумать, и его выдумали - нового социологического бога. Выдумали и принципы морали. В антиутилитаристской "общественно-договорной" теории справедливости Джона Ролса стыд квалифицируется как сожаление об утраченном самоуважении - небольшая потеря для делового человека. Такой стыд вполне мог бы испытывать и участник тараканьих бегов в Константинополе.

Линдон Джонсон однажды назвал американцев нацией верующих ("Nation of believers"). Мартин Марти нашел смысловую оппозицию этой формуле и озаглавил свою книгу о религиозности американцев "Нация поведенцев" - пожалуй, так лучше всего перевести филологическую инновацию "Nation of Behavers". М.Марти имеет в виду превращение религии из веры в образ жизни и поведение. Им, "поведенцам", в принципе наплевать, во что ты веришь и веришь ли ты вообще, - главное вести себя так, как требуют правила. За этим процессом стоят не просто похороны Бога и формирование гражданской религии - внеконфессиональной религии, безразличной к "догме". Устранившись от мира, деистический просвещенческий Бог оставил человека самому себе и дал ему свободу превратиться в совокупность поведенческих реакций, - в "человека дела". Вне сомнения, здесь же возник и "новый человек" - не чувствительный пасторальный "человек природы" у Руссо и не выдуманный в лабораториях бихевиористов, а самый настоящий "поведенец", который не бытийствует в жизненном мире, а потребляет - имеет - его и ведет себя так, как ему нужно.

Следовательно, основной вопрос предпринимательского этоса: что ему нужно? Существенно не только то, как решается этот вопрос, но и то, кем он решается. Мировоззренческая революция Нового времени состояла, помимо всего прочего, в том, что прерогатива выбора принадлежала уже скептику, готовому подвергнуть критике любой социальный институт. Разумеется, традиционные институты, основанные на харизматических ценностях, никакой критики не выдерживали. В один прекрасный день в мире что-то сломалось: слова Марьи Кирил-

ловны Троекуровой: "Поздно, Дубровский, - я жена князя Верейского" - свидетельствуют отныне лишь о том, что она - дура и придает излишнее значение десакрализованым социальным установлениям. Равным образом, публицисты Нового времени открыли, что монарх - вполне обычный человек, к которому можно применить силу. Таинства становятся пережитками, и отсюда как раз начинается деловая этика.

Бог не исчезает, а умирает - отживший свое время мастер механики и геометрии. Эта способность воспринимать сакральное чрезвычайно важна для понимания предпринимательской аскезы: если монах отказывается от общения с миром для того, чтобы обрести чистый божественный опыт, то деловой "аскет" отрешается от всего нефункционального, в том числе от стыда, предрассудков власти и устройства "града земного", таинств, бесполезных догматов, власти отца и самого Бога, если, разумеется, деловой скептический разум оценит их как малообоснованные.

В этом отношении Америка явила миру эталоны новой религиозности. Майкл Харрингтон замечает, что религия в этой стране всегда была в миллю шириной и в дюйм глубиной, всепроникающей, но не очень существенной. Общественность была более озабочена моралью, чем догмами - это и увидел Вебер, сказавший, что принадлежность к церкви в Америке гарантирует добропорядочность бизнесмена и его надежность в коммерческих сделках. Во всем этом проглядывает какая-то странная парадоксальность протестантской цивилизованности. Пушкин начинает свой обзор "Записок Джона Теннера" с мощного проникновения по ту сторону прогресса Северо-Американских Штатов: "Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными (имеется в виду исследование американской демократии А. де Токвилем. - Г.Б.). Уважение к сему новому народу и его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нетерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров среди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами".

Пушкинской описание раскрывает внутреннее неблагополучие демократического предпринимательского этоса, которое, не случайно и вытекает из технического равнодушия антрепренера к содержанию происходящего в мире. Созданная протестантской этикой предпринимательская аскеза осуществляет отказ и от "наслаждения", и от "трансценденций", поскольку и те, и другие не соответствуют рационально-технической оптике и функциональному модусу жизни. Аскет становится техническим "актером", культивирующим свой метод и себя в этом методе, отвергая все, что не поддается методической обработке. Отсюда вытекает также и видимая толерантность рассматриваемого этоса: можно верить в любого бога, обязательна лишь сама вера. Национальность, пол, возраст, политические убеждения, размер обуви уже безразличны для участия в социальном взаимодействии.

вии. Требуется чистое действие, и сам субъект вынужден отождествиться со своей ролью в каждый данный момент.

Создается универсальное техническое пространство, в котором все подлежит калькуляции, в том числе и моральные оценки, свидетельствующие о надежности "актера" и знании им правил мирского служения. В записной книжке делового аскета Бенджамина Франклина было перечислено 13 добродетелей (воздержание, молчание, порядок, решительность, бережливость ...) и ежедневно он фиксировал нарушения посредством черной точки. Распространенные в XVII веке пуританские дневники-самоотчеты в греховности очень благочестивы. Такого рода организованность немыслима для самого сурового монашеского подвижничества не потому, что схимник не считает своих грехов, а потому, что сама калькуляция прегрешений не имеет значения для спасения. В протестантской же этике бухгалтерский учет является необходимым элементом технически правильных и надежных отношений с богом.

Стоит особо отметить одну существенную черту предпринимательской этики, точнее, оптики, связанную с вытеснением из оценочного поля субъекта "качественных" смыслов и замещением их количественными измерениями - величина выдается здесь за величие. Исчерпывающая оценка личности формулируется в данной оптике указанием ее "стоимости": доход и престиж обнаруживают довольно значимую корреляцию во всех развитых "рыночных" обществах. Пожалуй, Зомбарт прав в том, что для обозначения высшего успеха здесь применяется критерий "рекорда" - весь двадцатый век устремлен к рекордам: в тираже, в скорости, в силе, во всем, к чему может быть применен "рейтинг", а рейтинг может быть применен ко всему, кроме вещей заведомо пустых и неизмеряемых. Так возникает всеобщая бухгалтерия-мировоззрение, где все, невыразимое в калькуляционных процедурах считается (опять - считается!) несуществующим или, по крайней мере, принадлежащим к области "вещей в себе". В этом отношении идеальную эпистемическую модель предпринимательского этоса являет социологическая методология, которая оперирует языком переменных и не может выйти из своего удобной клетки. Так же и предприниматель вынужден жить в скалькулированном мире, отвлекаясь от которого, он перестает быть предпринимателем. Помимо всего прочего, это означает, что его предпринимательская аскеза - не просто рационализация жизни, но способ дистанцирования от нее.

И.М. Клямкин

ИСТОРИЧЕСКАЯ НЕЗАВЕРШЕННОСТЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Предложение редакторов дать характеристику модели успеха "совка" вчерашне-го-сегодняшнего-завтрашнего, каким он предстал в результатах исследований Фонда "Общественное мнение", руководитель Аналитического центра Фонда принял не сразу. Причина колебаний становится ясной уже в первых абзацах статьи. Возможные исследовательские перспективы, задел для которых содержится в основной части статьи, предстоит освоить совместно проекту Центра прикладной этики, "Вестника" и Фонда "Общественное мнение".

Если рассуждать на эмпирическом уровне, то ценность успеха как таковая находится - судя по нашим результатам на сегодняшний день - на периферии сознания посткоммунистического человека в России. Единственная социальная группа, в сознании которой эта ценность как-то выделяется по сравнению с другими, - это учащаяся и студенческая молодежь. Но, судя по всему, и в этой группе ценность успеха носит весьма абстрактный, идеологизированный характер. В сознании современного советского человека доминирует скорее ценность "предуспеха", для него успех сегодня - это выживание. Реальные ценности в этом плане - мир, законность, стабильность, безопасность, благополучие семьи и т. п.

В том виде, в котором ценность успеха интересна редакторам "Вестника", речь, вероятно, может идти либо о смысле этого понятия, характерном для частнособственнического общества, либо о смысле, соответствующем самоутверждению посредством служения нашему бывшему советскому бюрократическому государству. Все остальное - лишь исключение из этих двух смыслов, связанное с особыми индивидуальными дарованиями, но и эти исключения вписаны либо в первую, либо во вторую модель.

В нашем сегодняшнем обществе разрушены прежние координаты успеха и не сформировались координаты новые. Если исходить из того, что успех - это феномен индивидуальной самореализации, связанной с тем, что человек использует условия жизни в своих интересах для того, чтобы утвердить себя на фоне других (успех здесь предполагает сравнение себя с другими и выделение себя), то для сегодняшнего советского человека актуально совсем иное. Он озабочен не столько такого рода самоутверждением, сколько приспособлением к условиям жизни ради элементарного выживания. Не утвердиться, а не отстать от сложных обстоятельств - вот доминанта человеческого поведения сегодня.

И если мы фиксируем сегодня в нашем обществе наличие не столько частной собственности, сколько частного интереса (об этом подробнее ниже), то как раз этот частный интерес и сориентирован на выживание. Лишь в очень небольших - новых - группах общества частный интерес может быть обращен к ценности успеха, к тому, чтобы подняться над общими условиями существования.

Категория успеха не для нашего сегодняшнего общества, в его сознании она не фиксируется (за исключением, повторю, части молодежи, не озабоченной пока еще проблемой выживания в силу возраста). Как бы методом "от противного" это показывает тот портрет "совка", который сложился из результатов нашего исследования (в более полном виде эти результаты представлены в моей статье "Политическая социология переходного периода" - Полис, 1993. N 4).

Я имею в виду изучение того особого массового человеческого типа, который был сформирован советской системой и которого в порыве суетливого отмежевания от самих себя успели окрестить "совком". В прежней гордости за "советского человека" было, конечно, много провинциального. Но и нынешнее самоуничижение провинциально не меньше.

"Совок" - это достаточно сложный и оригинальный исторический продукт, требующий углубленного изучения. Начало этой работе положил ВЦИОМ - я имею в виду недавно выпущенную его сотрудниками книгу "Советский простой человек: Опыт социального портрета" (М., 1993), основанную на богатом материале многолетних социологических исследований. Авторы книги интересовали прежде всего специфические особенности "советского человека" в сравнении с другими цивилизационными типами, отличие от них. Наш же проект в первую очередь интересуется переходностью "совка", его историческая незавершенность и, соответственно, возможности и перспективы его дальнейшей эволюции.

Пока я могу говорить лишь о результатах, полученных нами в ходе исследования трудового сознания массовых и элитных групп, а также еженедельных опросов городского населения России, которые мы рассматриваем лишь как первый подступ к серьезному изучению темы, как своего рода предварительную обкатку программы будущего проекта. Вот некоторые из этих промежуточных результатов, которые - одновременно - являются ориентирами для дальнейших исследований.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание и что однозначно подтверждается нашими данными: парадокс 75-летнего советского развития заключается в том, что на исходе жизни режима сформировалось нечто прямо противоположное его идеологическим установкам. Установка требовала подчинять личное общественному. Но, вопреки проекту, к концу брежневской эпохи - у "входа" в перестройку, обнаружился городской обыватель (я не вкладываю в это слово привычного нам негативного смысла), т.е. человек, у которого преобладают интересы частной жизни.

Этот процесс сопровождался сдвигами и в трудовом сознании населения: на передний план среди трудовых мотивов тоже вышли соображения, связанные с частной жизнью, благосостоянием и благополучием семьи, будущим детей. Такие ориентации, по нашим данным, характерны более чем для двух третей респондентов (См.: Трудовое сознание населения России. М., Фонд "Общественное мнение", 1993). В то же время навязывавшиеся коммунистическим режимом идеологические и идеологически-милитаристские мотивы ("светлое будущее", угроза войны), как и другие социалистические регуляторы (морально-психологическая зависимость от трудового коллектива, страх перед административным или уголовным наказанием) ослаблены или вытеснены вообще. Общественный интерес если и присутствует в сознании, то чаще всего не как идеологическая норма, а как экономически-прагматическая установка, имеющая непосредственное отношение к личному благополучию (содействие выходу страны из кризиса, общее улучшение экономической ситуации).

Иначе говоря, коммунистическое государство не справилось с беспрецедентной задачей огосударствления человека. С обывателем воевали, его идеологически третировали, а между тем советский городской обыватель - это, быть может, исторически самое значительное из всего, что было создано: раскрестьянный маргинал, по своей или чужой воле выброшенный из деревни в город, превратился в частное лицо. Во времена Горбачева осталось доделать немного: окончательно легализовать эти частные интересы и кое-что переакцентировать. Сказать, например: чем лучше для тебя, тем лучше для всех (вместо прежнего: чем лучше для всех, тем лучше для тебя). А так как люди уже внутренне были го-

товы, идеологическая революция произошла безболезненно, ведь в сущности это была никакая не революция.

В этом смысле интересные вещи начинаются только сейчас. Только сейчас всерьез встает вопрос о том, способен ли наш "совок" (то есть мы сами вместе и в отдельности) создать какую-то другую, не коммунистическую, реальность, подготовлен ли он к историческому творчеству. Встает и другой вопрос, более конкретный: если человек ориентирован на интересы частной жизни, то готов ли он принять либеральную идеологию, готов ли взять на себя ответственность за свою жизнь и свою судьбу?

Недавно мы предприняли первую попытку социального изучения степени восприимчивости российского общества и всех интересующих нас групп к либеральным ценностям. Для этого мы (в работе участвует также Б.Г.Капустин) предложили респондентам оценить разные версии таких ключевых для понимания сути дела понятий, как "свобода", "равенство", "терпимость", "справедливость", "частная собственность", "государство", "прогресс". Пока мы делаем это в рамках проекта "Народ и политика", но не исключено, что данная тематика будет выделена в самостоятельный проект. Результатами опроса я еще не располагаю, но на основании других опросов можно достаточно уверенно утверждать, что советский человек если и готов сегодня к восприятию либеральной идеологии, то очень мало.

Частный интерес советского человека - интерес потребительский, а советское общество, соответственно, - это общество, где конкурируют потребители, а не производители. Отсюда в значительной степени и все эти странные для западного человека разговоры о том, кто сколько зарабатывает, кто что и почему купил и так далее. В обществе, где частный интерес утвердился и легализовался при отсутствии частной собственности, такое положение вещей более чем естественно.

Более чем естественно выглядит поэтому и картина, обнаруженная нами при изучении массового трудового сознания: его деидеологизация, его переориентация на частные интересы, начавшаяся и почти завершившаяся еще в брежневскую эпоху, не сопровождается пока столь же заметной его капитализацией. Так лишь 13 - 14% опрошенных назвали среди мотивов своей возможной трудовой активизации получение в собственность участка земли или предприятия и перспективу накопления денег ради вложения их в дело, 5% - приобретение акций своего предприятия (опрос проводился в октябре 1992 г.) и столько же - возможность приобрести независимость от государства.

Последняя цифра представляется нам особенно показательной. Дело в том, что по данным другого, более позднего опроса, примерно каждый второй ждет от государства гарантированного удовлетворения основных материальных потребностей и примерно каждый третий - обеспечения возможности самому добиваться успеха. Но если сопоставить это с тем, что желание приобрести независимость от государства испытывает лишь каждый двадцатый, то можно сделать вывод, что ориентация на собственные силы, распространенная среди значительной части населения, никак не связана с желанием изменить отношения собственности. Не исключено, что она в принципе очень незначительно связана с актуальными мотивами поведения и имеет по преимуществу идеологический характер.

Особенность переживаемой нами ситуации заключается в том, что частная собственность уже не запрещена, как было раньше: легализованы и частный интерес, и частная собственность. Право частной собственности закреплено в законе, но оно закреплено до того, как государство ушло из экономики, до того, как собственник укрепился и начал доминировать в ней и до того, как широкие круги населения смогли осознать роль собственника в повышении общего благосостоя-

ния. Дело не только в том, что подавляющее большинство людей сегодня работают на государственных предприятиях и собственниками становятся не собираются. Они мало чего ждут для себя и от тех, кто собственником уже стал: статус предпринимателя в массовом сознании ниже, чем статус директора госпредприятия.

Все это, кстати, имеет прямое отношение к тому, что происходит на политической сцене и, в частности, к тому, что парламентаризм в России до последних дней сохранял советскую форму. Советы - это, строго говоря, и есть не что иное, как парламентаризм несобственников, парламентаризм, приспособленный к индустриальному обществу, где отсутствуют частные экономические субъекты. Посткоммунистический советский парламентаризм - это парламентаризм, пытающийся примирить государственную экономику с идеологическим и юридическим признанием частной собственности. Именно здесь надо искать корни такого специфического явления, как известный конфликт двух ветвей федеральной власти, - исполнительной и советской - являвшихся, по сути дела, двумя крупнейшими, хотя и неоформленными партийными образованиями.

И все же "совок", если рассуждать с цивилизованной точки зрения, - тип переходный. Да, он не очень предрасположен к принятию либеральных ценностей, да, идея частной собственности в его сознании еще не укоренилась, но психологически он подготовлен к принятию этой идеи гораздо больше, чем, скажем, дореволюционный общинный крестьянин, с которым так и не удалось справиться Столыпину, или раскрестьяненный, маргинализированный общинный крестьянин сталинской эпохи, ставший горожанином.

Современный российский обыватель - человек именно промежуточный. Он уже не вернется ни в сельскую общину, ни в коммунизм, не захочет превращаться из частного человека в огосударствленного. Он деидеологизирован, по крайней мере, в прежнем понимании идеологизированности, он уже не ощущает себя солдатом в осаждаемой крепости, жаждущим с кем-то воевать и что-то защищать - он легко поверил, что никто на нас нападать не собирается. Совершенно остыл он и к идеалу "светлого будущего". И лишь в том случае, если развитие примет катастрофический характер, если произойдет массовый выброс людей из их социальных ниш, у советского человека может появиться желание искать будущее в тоталитарном прошлом. От нынешнего же его состояния (то есть от частных интересов) к частной собственности и рынку все-таки ближе, чем от состояния, когда его интересы растворены в общностях традиционного деревенского или тоталитарного типа.

Сказанное, правда, в какой-то степени противоречит выявленному в ходе наших опросов факту: примерно каждый четвертый российский горожанин, будь у него возможность, хотел бы жить во времена Брежнева. Но если "застойная" эпоха - самая популярная из всех советских и досоветских периодов российской истории, то что отсюда следует? Отсюда следует, что с ней ассоциируются какие-то ценности, важные именно для советского человека. Какие же это ценности?

По нашим данным, сегодня одна из самых популярных идей в российском обществе - идея законности, порядка. Это - реакция на распад, на хаос, на незащищенность, в том числе социальную и экономическую. Вместе с тем - и это крайне существенно для понимания нынешней ситуации, наш частный человек, испытывающий нужду в законе и законности, равнодушен к идее частного, индивидуального права. Да и откуда взяться идее частного права в обществе, где не укоренилось право частной собственности? Но раз так, то становится понятнее, почему посткоммунистический человек, не желая возвращаться в прошлое, все же в поисках образцов лучшей жизни постоянно оглядывается назад и почему взгляд его чаще всего останавливается на эпохе Брежнева: частный интерес то-

гда уже сформировался и худо-бедно удовлетворялся, законности было не так уж много, но побольше, чем сейчас, а стабильности и безопасности - заметно больше. Что касается дефицита частного права, то это был единственный, быть может, из многочисленных дефицитов "застоя", на который массового спроса не было, как нет его и сейчас.

Почему же наш частный человек не восприимчив к идее частного права? Потому, мне кажется, что этот человек знает только свой личный интерес и свое индивидуальное право, данное ему не природой или Богом (и потому всеобщее и отчужденно не подлежащее), а государством, которое вольно его избирательно даровать или избирательно отнимать. И поэтому человеку с огромным трудом дается мысль о том, что интересы могут быть разные, даже противостоящие друг другу, но одинаково законные. Мы однажды спросили наших респондентов о том, как бы они поступили с теми политическими силами, чья деятельность, с их точки зрения, наносит вред России, но при этом не противоречит существующим законам? И около 60% опрошенных горожан ответили, что они или запретили бы деятельность таких сил или (другой вариант ответа) ограничили бы их возможности пропагандировать свои убеждения на телевидении, радио и в газетах. И лишь каждый четвертый согласился предоставить этим силам (действующим в рамках закона!) равные права с другими.

Иными словами, мы по-прежнему живем в обществе, где идея равенства перед законом, идея плюрализма глубоких корней не пустила, где сохраняется представление о силах "полезных" и "вредных", которые можно произвольно запрещать, не оглядываясь на закон. Значит, законность по-прежнему отождествляется не с личностью и ее индивидуальными правами, а исключительно с государством. Строго говоря, это представление о законе, свойственно бесправной личности. Представление, от которого до либерализма еще очень и очень далеко. В каком-то смысле речь здесь идет о потребительском отношении и к праву тоже. Я как бы говорю себе: я, мол, честный человек, и меня надо защищать. А то, что государство обязано защищать не только "меня", но и разные интересы, в том числе и принципиально отличающиеся от "моих", - вот этого нет. Мы спрашивали: почему Россия так долго не может выйти из экономического кризиса? Потому что в стране нет людей, способных найти верное решение - 23%. Потому что есть люди, препятствующие выходу России из кризиса, - 38%. Потому что проблемы, стоящие перед Россией настолько сложны, что их нельзя решить быстро, - 24%. Опять почти две трети считают, что или дураки у власти, или недуракам кто-то мешает.

Понять систему ценностей "совка" не как нечто застывшее, а как систему переходную, понять во всех ее противоречиях и оттенках, в ее связи с прошлым и ее открытости будущему - вот задача, которую мы перед собой ставим и к которой - мы отдаем себе в этом ясный отчет - едва подступились. Но уже на подступах к ней обнаруживается, что большинство политиков имеет весьма приблизительное представление о ценностях рядового человека. В программах и политических лозунгах педалируется, скажем, слово "реформа". Но в списке из тридцати восьми слов¹, из которого мы предложили респондентам выбрать слова, наиболее значимые с точки зрения ценностного наполнения, "реформа" оказалась шестой от конца. В нижнюю часть списка попали также слова "рынок", "демократия", "собственность", "коллективизм". Иначе говоря, то, что многие считают ценностями, на самом деле воспринимается людьми как новый официоз, вызывающий примерно такую же реакцию отторжения, что и старый: разве не удивительно, что к рынку отношение не намного лучше, чем к коллективизму?

В верхней же части списка мы обнаружили слова, которые еще раз подтверждают сказанное выше об особенностях советского человека, - на первых

двух местах стоят "семья" и "законность". Следом за ними идут "достаток", "порядочность", "стабильность", "мир" (в смысле отсутствия войны). Эти данные заслуживают детального (и в полном объеме) рассмотрения, которое оставим на будущее. Остановлюсь лишь на том, что рядом со словами, характеризующими стремление нашего "частного" человека к благополучию, спокойствию и защищенности, стоит слово "порядочность". Предположительно можно сказать, что дефицит правового сознания, неукорененность идеи индивидуального права по-прежнему компенсируется не только идеей защиты со стороны государства, но и идеалом нравственных, праведных отношений. Это очень существенно: в обществе, где закон и право еще не разведены, где нет частного производителя и частной собственности, не расчлененными оказываются и такие вещи, как законность и нравственность.

Хочу повторить: все сказанное в заключительной части - это, как правило, не столько анализ полученных нами данных (за редким исключением мы рассматриваем их как предварительные), сколько попытка более или менее наглядно и конкретно обрисовать некоторые направления нашей будущей работы и представить некоторые гипотезы, которые мы начали проверять.

¹ Список составлялся совместно с психологами И.Г.Дубовым и Л.М.Смирновым.

С.Л. Соловейчик

О ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ В КЛАССЕ

Редакторы Вестника услышали "Проповедь о Первом и Последнем", прочитанную автором для слушателей в Свободном Университете "Эврика", и попросили С.Л. Соловейчика представить рассуждения, лежащие в основе этой педагогической проповеди, в виде консультации для участников Практикума по этике педагогического успеха. Публикуемая статья является стенограммой консультации.

Может быть, нигде так не видно двойственности понятия "успех", как в школьном классе. Здесь учитель имеет дело с обществом в разрезе: среди тридцати своих учеников он видит детей самых разных способностей и ценностных ориентаций. Если условно принять характеристику учения как дела, как работы, которая должна быть выполнена, (это не совсем так, но это упрощает подход к теме), то можно сказать, что успех самого учителя заключается в выполнении этой работы наилучшим образом и наибольшим числом детей. И вот двойственность, проблема для размышления: будет ли такого рода результат действительно успехом?

Возможны по крайней мере, две ценности, два критерия педагогического успеха. Один из них - дело, то есть знания, прохождение программы, реальное умственное развитие детей. Другой - когда успехом учителя является чувство внутреннего достоинства, обретенное ребенком, самоопределение ребенка с точки зрения его места в окружающем мире и отношения к нему как равноценному человеку, какие бы у него ни были способности.

Знание или достоинство - вот как формулируется проблема. Нельзя ли сформулировать иначе, через "и"? Во всем мире на практике, реально получается именно "или". Прежде всего, из-за современных методов обучения (других просто нет, кроме как у Шаталова, остальное все - только разговоры о том, что "надо,

чтобы..."). Теми методами, которыми обладают сегодня учитель и педагогика вообще, знания можно дать только способным детям, а когда вы начинаете давать знания способным детям и хотите таких же знаний от неспособных, то чем ниже у Последних шкала способностей, тем больше вы унижаете их достоинство, тем больше они чувствуют себя второстепенными, третьестепенными и десятистепенными.

С Первым в классе все в порядке, потому что он получает и знания, и достоинство; проблема в Последнем. Конечно, можно увидеть проблему и в судьбе Первого, в цене его успеха - он может вырасти циником, притом именно успешным циником. Но пока мы говорим о знаниях и достоинстве, находясь "внутри" педагогики и достоинство здесь чисто психологическое, а не этическое явление, о котором - в завершении нашего разговора. Разумеется, трудно соблюсти такое разделение, ибо человек заботится о признании своей цены, признании себя равным. Причем, человек с внутренним достоинством обладает тем качеством, что он себя чувствует не "первым", а просто достойным и здесь существенная разница - для него достойны и все остальные. Для того, кто обладает истинным чувством достоинства, люди не ранжируются, все люди равны ему по достоинству, для него достоинство становится ведущим нравственным императивом.

Обозначим проблему Последнего в школе. Последние в современном классе (условно "последние") составляют минимум 50%, а реально 70%, 80%, а может быть, и 90%, потому что реально учатся с увлечением в каждом классе от силы 2 - 3 человека. И перед учителем встает не только этическая проблема, но еще и проблема выживания: учитель, вооруженный современной педагогикой (другой не имеет) по-настоящему умеет учить только способных детей, остальных он вынужден принуждать. И что бы там ни говорили, как только мы из четвертого класса переходим в старшие классы, там все больше и больше применяется принуждение - уже в виде отметок, за которыми маячит исключение из школы. Как только исключение из школы перестало маячить, то есть принуждение потеряло силу - школа вся "села".

Это и Макаренко говорил, со всей его мощной педагогикой, что, как только его лишают права исключать, то есть наводить террор в классе, он без террора учить не сможет, не сумеет. Отметки - это и есть форма террора, не говоря уже о том, что за каждой плохой отметкой часто стоит родительский ремень и это, действительно, физический террор, которым руководит учитель при полном "разделении властей" - он как судебная власть, а родитель - как исполнитель наказания. (В КГБ было точно такое же разделение: одни арестовывали, а другие содержали в местах заключения или расстреливали.) Так примерно сейчас и есть, причем во всем мире, потому что учить без отметок, то есть без принуждения, на чистом увлечении, умеют единицы. Когда вы придете в такие школы, где это умеют (я был и в Англии, и в Америке, и в Швейцарии), то там что-нибудь одно: знания или достоинство. Во всем мире - этой проблемы никто не понимает с такой ясностью, какая должна быть. На практике каждая школа выбирает что-нибудь одно.

В этом смысле совершенно ясный, резкий контраст вариантов предпочтений в этой альтернативе существует между американской и советской школой. Вся Америка требует от школы, чтобы она давала знания, базовые знания, считая, что школа плохо учит, что школа разваливается, - "разваливается" же она именно потому, что крепко держится за достоинство. Из двух ценностей, которые находятся в противоречии, они выбирают достоинство, и результаты такого предпочтения нас поражает, когда мы видим раскованных свободных детей. Это дети, которых не мучили в школе, которые просто ходили в школу, а там они или учатся или не учатся, но если они не учатся, то есть не добились успеха в классе, это никого не волнует. Получается, что деятельность американской школы прямо про-

тивоположна интересам американского общества, потому что в обществе ценится успех, успех и успех, а в школе успех не ценится.

Откуда же в Америке берутся успешные люди? Преуспевают люди способные. Способные дети учатся, и из них выходят нобелевские лауреаты. Достаточно сказать, что в старших классах американской школы только 4% детей занимаются физикой. Когда они слышат, что у нас физикой занимаются 100% учеников, у них округляются глаза,- они просто не могут представить себе такого, они сразу ставят себя в это положение и пытаются понять, как учитель может все 100% детей научить физике, ведь он их должен чуть ли не бить. А мы учим. Тогда они с восторгом говорят о советской школе, которая учит 100% детей физике, и сами мечтают, чтобы у них было не 4, а 6 и 8, и 10, и 20% успешных учеников по физике. Но на практике дело обстоит так: они не учат ни на один процент больше сложившейся нормы, потому что они исходят не из того, что им нужно, а из того, что есть. Способности детей не позволяют учить сколько-нибудь серьезной физике больше, чем 4% из них.

В американской школе можно встретить в 11 часов утра детей, которые сидят на пороге класса и играют на банджо. Спросите: "Почему вы играете на банджо в 11 часов утра?" - "Потому что у нас банджо". Это диалог, который действительно был у меня. Я спрашиваю: "Что, у тех математика, а у вас банджо?". " Да, - говорят они с вызовом,- у тех математика, а у нас банджо!". Математика и банджо совершенно уравниваются в правах и потому понятие успеха меняется. Для делового успеха нужна математика, а для развития человеческого достоинства математика как раз не нужна, может быть, даже опасна, а нужно банджо - ученик тогда не просто "время проводит", он развивается в это время, занимается тем, чем он хочет. Ничего прагматического для его будущей работы, скорее всего ему это не даст, зато у него не будет комплекса неполноценности, зато достоинство будет сохранено. Очень важен поэтому ответ, гордый ответ американского мальчика.

Я несколько не отвлекся от темы, я все время говорю именно о Последнем в классе.

В Америке: в обществе ценится успех, в школе - достоинство. В нашей стране: школа настраивает на успех, не думая о достоинстве. Американский мальчик выходит из школы с чувством внутреннего достоинства, сохранив его в процессе учения, и потому чужой успех в окружающей жизни не вызывает у него никакой зависти. От столкновения с чужим успехом руки у него не падают, потому что его достоинство и достоинство успешного человека для него одинаковы. Он сознает свое право на успех, он трезво понимает свои возможности - какие есть, и уважает успешных людей.

У нас же наоборот. У Последнего складывается представление о том, что успех - это для кого-то другого, не для него; между успешным и неуспешным он видит пропасть: "я вечный неудачник, успех мне недоступен, я всегда буду двоечником-троечником". К великому счастью наша школа - не один-единственный институт воспитания в обществе, к счастью ("не было бы счастья..."), школа - слабый воспитатель. Если бы наша школа была вдобавок еще и сильной, то она вообще погубила бы весь народ. К счастью, дети способны быть суверенными от школы и очень многие двоечники и троечники не верят в ценность школьного успеха, отрицают ее, презирают отличников (это важный момент). И потому заканчивают школу, сохраняя чувство собственного достоинства, а дальше - выходят в очень большие люди.

И, наоборот, у нас погублены многие отличники, дети, добившиеся успеха в школе. Там они привыкают к успеху, только к успеху, без обязательного чувства достоинства. Перед многими отличниками не возникает даже моральной проблемы цены достижения статуса Первого в классе, не рефлексится проблема дос-

тоинства. Первый не ощущает проблемы сохранения и развития своего чувства достоинства, он стремится чувствовать себя успешным человеком, а это другое. И когда в жизни не получается такого же успеха, какой был в школе, - потому что в жизни совершенно другие условия и другие требования, - Первый сейчас же "садится в лужу".

Сегодня в нашем обществе происходят перемены - успех как ценность больше и больше выходит на первое место; происходят перемены и в школе. Если раньше ценность успеха преобладала над ценностью достоинства, то теперь внутри этой тенденции намечаются изменения. Если прежде приоритетом был успех ученика, то теперь приоритетом постепенно становится успех учителя. Учитель, ориентированный на успех, ищет способы взаимодействия с Последним, чтобы как можно ближе подтянуть его до Первого, дать ему, следовательно, реальное чувство успеха - когда он увидит, что "подтягивается". Тем самым отчасти решается проблема достоинства - Последний освобождается от комплекса неполноценности. Но ... только если учитель нашел способы, отрицающие принуждение ученика. Многие учителя добиваются успеха лишь через принуждение (так называемые авторитарные учителя) - у них успех ученика и его достоинство расходятся полностью. Лучшие учителя всегда стремились к успеху, сохраняя достоинство и даже возвышая достоинство ученика, и даже действуя через достоинство. И прежде, и сейчас учитель поставлен в такие условия, что или он добивается результатов как авторитарный учитель, или он талантливый учитель, который находит способы и методы успешного учения не за счет достоинства ученика.

Советская страна гордилась ракетами, балетами и "школой без тупика". Это последнее менее известно: "Наша школа - не тупиковая, после нашей школы каждый может поступать, куда он хочет". Это считалось принципиальным отличием от западной школы. Сейчас рухнул миф о ракетах, оказалось, есть в мире ракеты лучше; немного пошатнулся миф о балете. Полностью рухнула идея "нетупиковой" школы. Теперь детей стали разделять. Учителям сегодня позволили делать то, что им прежде не позволяли делать, потому что в основе деления должны быть тесты, а тесты категорически запрещались. Как только открылся этот шлюз, пошло доморощенное деление - тестов все равно нет, но ведь есть разрешение делить - на взгляд учителя. А это уже свобода аморальности, потому что тест хоть отчасти давал объективные основания для деления, с огромными ошибками, но все-таки в массе своей работал, а у нас детей делят по усмотрению учителя. У хорошего учителя будет одно разделение, а у плохого - совершенно другое, и потому довольно часто получается, что детей делят не только по способностям, но и по послушанию ("я его не могу вынести, поэтому отправлю в другой класс").

Больше того, объявляется, что это и есть действительная перестройка школы, потому что, якобы, неуспешные перестают мешать успешным детям, а успешные, которым "никто не мешает", естественно, добиваются большего. И вот появляются такие школы, появляются такие классы, появляются такие скрытые формы деления внутри одного класса - хотя бы в виде индивидуальных заданий, - при которых одному дают сильные задачи, а другому - слабые ("ты все равно дурак"). Не говоря уже про то, что начиная с 70-х годов, когда обучение стало обязательным, в классе появилось огромное количество "отпавших" учеников.

"Отпавший" - это ученик, который приходит в класс, сидит в классе и вообще ничего не делает, решительно ничего не делает. В течение всех 10 лет пять-шесть дней в неделю он сидит и тычет сухим пером в тетрадку. Его никто не вызывает, никто не спрашивает, он отпал, он внутри, он во внутренней эмиграции. Что будет с таким учеником - очень трудно сказать. Ничего, может быть, страшного и не произойдет, потому что не только школа формирует ребенка, но на неко-

торых детей "отпад" действует убийственно. Все эти толпы подростков, без света в глазах, они все учились в школе, минимум - 9 лет, все до одного, это как раз отпавшие от школы дети, отпавшие от своих социальных оценок, от всех нравственных оценок, от всего на свете. Отпавший от школы переходит в иной мир, с иными законами; он или будет преступником, или не будет, но у него уже готовый менталитет преступного человека, который ничего не признает.

Итак, мы сталкиваемся с проблемой: учителю для его успеха необходимо разделить детей, но разделение детей ужасно для самих детей. Современные школы не умеют учить без разделения детей - и наша школа, и школа мировая. Мне известна лишь одна школа, которая категорически не делит детей, причем не делит детей осознанно. Это шведская школа. Пятнадцатилетним экспериментом в Швеции постепенно созданы школы, в которых дети не разделялись. И теперь в школах двоечник сидит рядом с отличником, очень богатый сидит с сыном дворника. Частные школы не пользуются спросом, родители предпочитают отдавать детей в демократическую школу, потому что на практике доказано, что дети в этой школе учатся лучше. Оказалось, что можно найти такие способы преподавания и такие методы, при которых и отличник чувствует себя лучше - как человек, стремящийся к успеху в обществе. В обществе, конечно, есть известные разделения, но в демократическом обществе успешные и неуспешные все-таки сосуществуют.

В идеале это может быть и в нашем классе, и такие примеры есть, и такая педагогика есть, и, страшно сказать, есть даже такая методика у Шаталова. Он сознательно разрабатывал такую методику, именно методику. Как задать вопрос, на какой стадии его задать, и что это за вопрос, и какие сделать изобретения - здесь нужны изобретения, без изобретений тут не обойдешься, это не зависит от качества учителя, - чтобы (а) слабый ученик ни в какую минуту не почувствовал, что он слабый, и (б) - это очень важно - слабого ученика привести к очевидному для него успеху, чтобы за время обучения он увидел, что в силах справиться с такой задачей, которая на старте казалась ему невозможной. И через год, через два, а иногда и через шесть месяцев он приходит к невозможному. И это произошло именно с ним. Это меняет его психологию: успех и достоинство сочетаются.

Здесь вся соль в том, чтобы успех и достоинство не разделялись, чтобы успех содействовал внутреннему достоинству, чтобы это был успех не за счет других, как сейчас в школе часто происходит, а личный успех на успешном фоне. Тогда расцветает достоинство, сохраняется и вырастается, когда личный успех достигается на общем фоне успеха, когда и другие люди рядом с тобой также ценят успех и также его добиваются.

Причем, оказывается, что Шаталов не научился неспособных детей делать способными; объективный результат его метода, если его в каких-нибудь цифрах выразить, результат будет разный: этот мальчик умеет решать задачи одного уровня, а другой - гораздо более слабого уровня. Но очень важно, что и тот мальчик и этот сами выбирали свои задачи. На этом все держится. И когда предлагали ученикам Шаталова на выбор экзамен: вот тебе задачи трудные, а вот тебе задачи легкие, тяни, какую ты хочешь выбрать - все дети тянули из трудных задач. Они и нацелены на успех, и у них абсолютное чувство собственного достоинства.

Вернемся к теме успеха учителя. Всегда существовало такое явление, как успех учителя, и всегда учитель хотел добиться успеха, всякий уважающий себя учитель. Но советский учитель мог добиться успеха только тем, что подтягивал последнего и обеспечивал ему успех. Сегодня учителя освободили от этой обязанности: он может добиться успеха облегченным способом - разделив детей. Тем самым он не решает проблему, а отталкивает ее от себя. И теперь во многих школах бедняге-учителю говорят: "Охота Вам учить это дерево?". Все дело в том, что учитель, который учит только успешных детей, способных детей, сам сильно

развивается, у него совершенно другая жизнь, он не столько учитель, сколько Профессор университета. И это ему очень приятно. Учитель, который учит обычных детей, возится со слабыми детьми - это действительно Учитель, действительно Педагог; у него чисто педагогическая задача, а не задача тренировки ума в математике. Если "Профессор" может вообще забыть о проблеме достоинства, потому что он может предложить ученику "Ты дурак, уходи", то "Учитель" не может так сказать, ибо он работает как раз с достоинством ученика.

Разумеется, говоря о том, что достоинство и знания в этой ситуации противоположны, не означает, что мы беспокоимся только о достоинстве ученика. Так было бы очень легко, ибо мы все-таки должны давать и знания. Но это двуединая задача, в которой успех в классе - не цель, а средство. Так в нашу педагогику вошел Сухомлинский. Он придумал замечательный тезис "Чтобы ученик учился хорошо, он должен хорошо учиться". И здесь не тавтология, не парадокс. Шаталов, не зная Сухомлинского, выдвигает лозунг: "Учение должно быть победным". Победность входит в обязательное свойство учения, но это не результат, а стиль и метод, вернее средство. И задача учителя переворачивается, в ней выстраивается связь: способности, знания, способности, успех и интерес.

Интерес - я о нем написал книгу "Учение с увлечением"- возникает только с успехом, только у небольшого числа людей достаточно воли преодолеть трудности и неинтересное сделать предметом своей работы. Таких детей очень мало в школе. Как в обществе экономически активных людей семь - восемь процентов, так и здесь не более семи - восьми процентов, способных трудом преодолеть свой "неинтерес". Это заколдованный круг успеха и увлечения. Выведем способности за рамку, потому что ясно, что чем более способен человек, тем легче ему дается учение. Дело все в том, что чем способнее человек, тем больше у него трудолюбия в избранной им области. Здесь трудолюбие - не проблема, это не подвиг и не геройство, ему трудолюбие в этой области дано именно потому, что им движет потрясающее любопытство, любознательность, интерес, зависящий от его способностей. Учителя и действуют в этом круге - увлечение, успех. От успеха к увлечению, от увлечения к успеху. Успех входит вторым главным компонентом. Здесь толковые учителя отличаются от недалеких, которые думают, что увлечение зависит от того, что они должны стоять перед учениками на голове, давать занимательные задачки, как-то украшать работу, играть. В действительности же, чем старше ребята, тем меньше игра имеет смысл; старшие ребята как раз говорят: "Дайте нам знания, а не играйте с нами". Хотя я и не отрицаю роли игры.

Вот, собственно говоря, и все, что я хотел сказать по поводу проблемы Первого и Последнего в классе с чисто практической точки зрения, исходя только из нашей школьной реальности. Мы пока не вносили никаких императивов: долга, этического отношения к детям, уважения, сотрудничества - ни единого "надо, чтобы...". Но в основе лежит действительно "надо, чтобы...", в основе - глубокая этическая проблема, может быть, проблема номер один: о том, кто есть Первый и кто Последний, и о том, что Первого и Последнего не должно быть.

Я для себя понял этот императив через анализ лозунга "Свобода! Равенство! Братство". Равенство - вот над какой проблемой бьется человеческое общество в течение последних, по крайней мере, трех веков - со времен английской революции и французской революции. Сначала приняли равенство как чисто юридическое требование, равенство перед Законом. Выяснилось, что эту задачу со многими оговорками решить можно. Тут же потребовалась следующая ступень равенства - экономическое равенство.

Я специально занимался изучением ситуации, в которой принималась американская конституция. Как американцы вообще могли выдвинуть принцип равенства, будучи сознательными людьми? Дело в том (почему-то никто об этом не го-

ворит), что в истории Америки был очень короткий период, идеально приспособленный для выдвижения принципа равенства. Очень много свободной земли. Очень маленькое население. Большая группа энергичных людей. Все эмигранты, протестанты. И было действительно максимальное экономическое равенство, какое только и могло бы быть на такой большой территории за всю, может быть, историю человечества. Они выдвинули принцип экономического равенства потому, что им казалось: так всегда и будет. У них были основания говорить о равенстве, они говорили о равенстве не потому, что это идеал. У них действительно такое равенство было, они могли действительно дать экономическое равенство, они реально чувствовали себя равными. Но дальше история развивалась известным образом и от экономического равенства ничего не осталось, а мы теперь понимаем, что оно и невозможно при современном развитии.

Но если экономическое равенство невозможно, то в чем же равенство? Осталось одно: равенство в достоинстве. Это действительно реальность, это возможно, это доказано опытом многих стран. В достоинстве люди действительно могут быть равны. "Я признаю твое богатство, я признаю твой другой образ жизни, связанный с богатством, я признаю твои способности, я все признаю, но и при этом, несмотря на это, чувствую себя равным тебе". Для такой позиции, конечно, совершенно необходим своеобразный переход в рефлексии, ибо неравенство очевидно, а достоинство не очевидно. Равенство материально, а достоинство духовно. И скачок от духовного к материальному и от материального к духовному - предмет особого труда, может быть, труда души, о котором говорил поэт. Такой труд - предмет работы школы, семьи и общества.

А.С.Панарин

ОТ ПАТЕРНАЛИСТСКОЙ МОРАЛИ К МОРАЛИ УСПЕХА?

Редакторы предполагают опубликовать цикл материалов исследований последних лет, результаты которых помогут понять тенденции, динамику и региональную специфику развития культуры успеха.

Как свидетельствует опыт социальной модернизации в различных странах Востока и Запада (в том числе и опыт неоконсервативной реприватизации, получившей названия "рейгономики" и "тэтчеризма"), значимой дихотомией, отражающей усиление рыночных начал и сопутствующие этому коллизии, является "экономика и антиэкономика". Под "экономикой" понимается сложный комплекс реакций, включающий достижительную "мораль успеха", потребность в свободной самостоятельности, готовность к рисковому-самодетельному способу существования, избавленному от опеки и регламентаций. Такие реакции свидетельствуют о достаточной адаптации соответствующих социальных групп к рыночной экономике; чем шире они распространены в обществе, тем основательнее социальная база реформ и перспективы общественно-политической стабильности.

Под "антиэкономикой" понимается патерналистская психологическая привычка "верхов" к привилегиям, а "низов" - к государственному патернализму ("гарантиям"), а также архаичная мораль "героической жертвенности", враждебная морали индивидуального успеха, обогащения. Распространенность антиэкономического комплекса в нашей стране не вызывает сомнений. Проблема заключается в определении того, насколько глубоко он укоренен и каковы его социальные кор-

ни. Оценивая высоту барьера, который предстоит преодолеть социальным реформаторам, надо определить, с чем именно они имеют дело: с глубинными "архетипами" российской культуры или, преимущественно, с более поздней, внедренной сверху идеологической структурой, связанной с формированием коммунистического "нового человека". Культурные барьеры, как известно, наиболее прочные; они представляют самую трудную проблему для реформаторства. Идеологические стереотипы и предубеждения снять значительно легче. Кроме того, в качестве основного барьера могут выступать массовые социальные интересы, затрагиваемые рыночной реформой. И тогда главное состоит в том, чтобы по возможности расширить их социальную базу, обеспечив условия для экономической рыночной самостоятельности тех групп населения, которые сегодня ощущают себя "париями прогресса" - объектом чуждой им реформаторской воли, интенции которой остаются для них неясными. Вопросы социологической анкеты и были подобраны таким образом, чтобы можно было дифференцировать эти три составляющие социального барьера, называемого "антиэкономикой".¹

В период неизбежного возрастания трудностей и нестабильности, сопутствующих переходным эпохам, оптимизм массового сознания является важным подспорьем социального реформаторства; он является одновременно и кредитом доверия, и показателем социальной базы реформ. Но не менее важно определить природу этого оптимизма. "Развитой социализм" настойчиво демонстрировал массовый социальный оптимизм, но особого рода: связанный не столько с установками социальной самостоятельности и инициативы, сколько с верой в счастливую коллективную судьбу приверженцев "самого передового строя" и с политикой государственного социального патернализма. Такого рода оптимизм ближе к "антиэкономике", чем к "экономике". Поэтому соответствующий раздел социологической анкеты содержал уточняющие вопросы, позволяющие отделить оптимизм как характеристику рискованно-самостоятельного, самореализующегося типа личности, от традиционно-патерналистской.

В целом большинство респондентов оценили свои ближайшие перспективы либо как откровенно мрачные, либо как неопределенные. Однако, было бы преждевременным расценивать это как приговор реформам и показатель неуклонного сужения их социальной базы. Здесь более показательным, нежели простое количественное соотношение "оптимистов" и "пессимистов", является вектор социальных ожиданий. Связывают ли различные группы населения свои перспективы с углублением реформ, с приданием им широкого демократического характера, или доминирует реставрационный комплекс, желание возврата к старому. В этом отношении результаты исследования не оставляют сомнений: сторонников ограничения рыночного предпринимательства среди всех групп опрошенных оказалось явное меньшинство. Однако демонстративный социальный консерватизм тех, кто связывает свои ожидания с "решительным ограничением" рыночного предпринимательства, пожалуй, менее показателен, чем не всегда осознанные, но глубинные "ценностные мотивации".

В этом отношении наибольший интерес представляют ответы респондентов на вопросы, касающиеся ценностей. Именно здесь обнаруживается дифференциация позиций тех, кто исповедует современную "мораль успеха" и тех, кто тяготеет к патерналистской морали "социальных гарантий" и "равенства". Особенно показательным отношением к такой ценности, как "свобода быть себе хозяином". Значимость этой ценности среди опрошенных вышла на третье место после таких, как "семья и друзья" и "спокойная совесть" ("семья и друзья" представляют ту форму исторически и политически не определившейся приватности, которая уже ушла от старого "коллективизма", но еще не освоила новую картину "стохастической вселенной", где меньше покоя и гарантий, а свобода неотделима от

риска). Можно предполагать на основании этого, что большинство опрошенных пребывает в пограничном состоянии между старой, этатистской культурой и новой, самодеятельно-гражданственной. По всей видимости, в сфере ценностей сталкиваются две "субкультуры": старая, коллективистско-морализаторская, и новая, прагматическая, связанная с установками свободного индивидуального самоосуществления.

Тот факт, что почти во всех группах респондентов (яркое исключение составляют имеющие "постоянный побочный заработок") "спокойная совесть" выходит на первое место среди доминирующих ценностей, мог бы интерпретироваться как показатель господства старого консервативного морализаторства - одной из основ "антиэкономики".

Однако, когда мы обратим внимание на то, что во всех группах подавляющее большинство респондентов свои главные ожидания связывает с переходом предпринимателей от торгового посредничества к производству, наши выводы обретут другой характер. Становится ясным, во-первых, что в глазах различных слоев населения предприниматели успели обрести статус социального лидера, от решений и выбора которого зависят судьбы общества. Во-вторых, рыночный выбор страны оценивается большинством как необратимый; альтернативу нынешнему кризису опрошенные ищут в рамках этого выбора, а не по пути его пересмотра в старом, административно-командном и патерналистском духе. Ожидаемый всеми переход предпринимательской среды от преимущественно торгово-посреднической деятельности и операций с фиктивным капиталом к производительной активности в самом деле касается самой сути современного предпринимательства.

По свидетельству авторитетов, от Рикардо до Вебера, "прибыль от отчуждения" - от перепродажи и спекуляций - характеризует докапиталистический, торгово-купеческий и ростовщический бизнес. Современная рыночная модель утверждается только вместе с освоением предпринимательством производительных функций, связанных с реальным умножением общественного богатства. Этому сопутствовала и моральная революция в предпринимательской среде: на первое место вышли такие качества, как этика делового партнерства, ответственность перед потребителем, профессиональная честность и обязательность. Как показывает исторический опыт Запада, пуританская аскетическая мораль ближе производительному предпринимательству, чем авантюрная нахрапистость любителей легкой наживы. В отличие от заезжего купца, предприниматель строит свое поведение в контексте долгосрочных отношений с партнерами, поэтому для него доверие социального окружения важнее разового, вырванного любой ценой, успеха. В свете этих соображений моральная доминанта в оценках, даваемых отечественному бизнесу, уже не выглядит исключительно как свидетельство консервативно-морализаторского, "антиэкономического" сознания. Напротив, свидетельством консервативно-этатистского типа сознания были бы упования на привычный базисно-надстроечный детерминизм, на "объективно-действующие" процессы и "механизмы", которые сами собой, независимо от нашей воли, культуры и морали "вывезут" общество в нужном направлении.

Личный опыт предпринимательства имеет меньшинство опрошенных, что свидетельствует об его "олигархическом" характере на сегодняшнем этапе. Не случайно по этому показателю выделяется в качестве большинства только одна группа - руководители предприятий. Подтверждается, таким образом, распространенное мнение о господстве "номенклатурного капитализма" в нашем обществе. Поэтому небезопасная дихотомия "мы" и "они" пока что сохраняется в отношении населения к предпринимательской среде. Между тем, нормальное положение бизнеса - быть составной частью гражданского общества. На Западе, особенно в

протестантских странах, рыночные инициативы предпринимательства оцениваются общественным мнением как разновидность массовой гражданской самодеятельности, как свидетельство независимости и "неподопечности" общества в отношениях с государством.

В то же время, дихотомия "мы" и "они" не носит характера принципиально-го ценностного неприятия предпринимательства: менее трети опрошенных заявили, что занятие бизнесом противоречит их установкам. Следовательно, позитивные сдвиги в смысле интеграции предпринимательства в наше общество возможны: для этого, в частности, требуются меры, направленные на ограничение существующего монополизма, на поощрение мелкого и среднего бизнеса. Здесь, как и во многих других отношениях, следует четко различать низкую оценку моральных качеств нынешней предпринимательской среды от морального неприятия предпринимательства как такового.

Следует отметить сдвиги в социокультурном и моральном самоопределении современной интеллигенции. Еще недавно она отличалась от других слоев леворадикальными и эмансипаторско-гедонистическими установками (на Западе первые относят к политическому радикализму, вторые - к культурному, подрывающему традиционную мещанскую мораль). Сегодня положение существенно меняется. Не случайно новейшая волна приватизации на Западе, направленная на ограничение вмешательства государства, совпала с усилением неоконсервативных ориентаций в нравственной и культурной сферах - за счет сужения влияния левого и "нового левого" культурного комплекса. Социологическое исследование подтверждает аналогичную тенденцию и у нас.

Большинство опрошенных отмечают явно недостаточное участие бизнеса в социальной благотворительности. С одной стороны, это может отражать действительный социальный нигилизм предпринимательства эпохи "первоначального накопления", с другой - свидетельствовать о распространенности среди респондентов прежних патерналистских ожиданий, которые теперь адресованы уже не столько государству, отказавшемуся их удовлетворять, сколько частному бизнесу. Здесь важно то, как интерпретируется ожидаемая социальная благотворительность.

Очевидно, те, кто предлагает тратить благотворительные средства на прямую помощь нуждающимся деньгами и товарами, близки к старой патерналистско-распределительной парадигме; те, которые видят смысл в том, чтобы использовать их на повышение квалификации и переобучение сегодняшних неудачников рыночной экономики, на обретение ими экономической самостоятельности, обнаруживают близость к современной культуре экономического либерализма. Как и следовало ожидать, наибольший их процент среди работников частных предприятий и кооперативов, среди ИТР новых отраслей, среди лиц, имеющих постоянный побочный заработок, среди наиболее образованных. Напротив, свои ожидания в духе перераспределительной "демократии равенства" демонстрирует значительная часть лиц старшего возраста, госслужащих, обладателей диплома о среднем образовании, не имеющих побочного заработка.

В вопросе приватизации распределение консерваторов и модернизаторов соответствует предварительным ожиданиям исследователя, знакомого с соответствующей литературой. Иное дело - отношение к свободным ценам. Здесь консервативную позицию нередко демонстрируют и те, кто лидировал как реформатор по предыдущему критерию. Вероятно, мы сталкиваемся здесь с реакцией на разрушительную инфляцию, не только отбросившую большинство населения за черту бедности, но и сузившую социально-экономическую базу предпринимательства, уничтожив сбережения многих потенциальных активистов рыночной экономики.

По большинству показателей наиболее консервативны руководители подразделений предприятий и рабочие. Вероятно, здесь за сходством позиций скрывается значительное различие мотивов. Руководители подразделений не очень рассчитывают, что номенклатурные приватизаторы, в том числе и из среды их непосредственного начальства, пригласят их соучаствовать в дележе государственной собственности. Утрачивая привычные привилегии, они не обретают новые. Таким образом, здесь речь идет об осознанной специфике социальных интересов - оппозиция реформам имеет "рациональный характер" и может в ближайшем будущем вылиться в организованную политическую форму. Иное дело у рабочих: они скорее жертвы индустриального гетто - той самой "пролетарской субкультуры", которая характеризовалась самоизоляцией на предприятии, ведомственной разобщенностью, конфликтами между отраслевыми и территориальными интересами и как следствие - экологическим и социокультурным нигилизмом. Не случайно эта субкультура сегодня отступает перед натиском нового гуманизма (нередко националистического толка), взявшего на вооружение лозунги защиты природной среды и культурной традиции.

Завершая обзор тех фрагментов исследования, которые касаются прежде всего моральной легитимации рыночного предпринимательства, обратим внимание на следующее обстоятельство. Современная экономическая культура по ряду показателей оказалась "постмодернистской": она снова адресуется к тем "провинциалам", кто сохранил твердую профессиональную и трудовую этику, кто верит не в великие революционные скачки (политические или научно-технические), а в кропотливые и неустанные усовершенствования окружающей повседневности. Новейшая экономика восстанавливает старый антропоцентричный подход, доказывая, что качество "человеческого капитала", в том числе в его культурном и нравственном измерении, несравненно важнее технологических сдвигов самих по себе.

¹ Исследование проведено в Москве и Подольске в июне 1992 года.

ПРАВИЛА ЧЕСТНОЙ ИГРЫ

Центр прикладной этики

ДЕЛОВОЙ ЭТОС РЕГИОНА - 93

Деловой (профессиональный) успех, понятый как продвижение индивида вверх по стратификационной лестнице, в развитых индустриальных обществах инвариантен, по крайней мере, в социологическом смысле понятия. Понятый же как культурно-антропологический комплекс индивидуальных установок, ожиданий и идентификаций, профессиональный успех концептуально видоизменяется в зависимости от того общества, которое мы анализируем. В любом случае в культуре успеха будут проглядываться фундаментальные антропологические детерминанты в сочетании с культурно-динамическими инновациями точки и времени отсчета.

Продвижение нашего общества в потемках постсоветского социокультурного пространства недвусмысленно влияет на алгоритм изменения культуры успеха (профессионального - в первую очередь). Выяснению некоторых черт этой культуры было посвящено исследование, которое проходило в Тюменском регионе летом-осенью 1993 г. В выборку были включены четыре профессиональные группы ("политики" из законодательной и исполнительной структур власти; "педагоги" из традиционных и альтернативных школ; "руководители и менеджеры" госпредприятий и частных фирм; "интеллектуалы" из госбюджетных институций и частных некоммерческих структур). Предполагая специальную публикацию результатов анализа всей совокупности полученных эмпирических данных в следующем номере "Вестника", остановимся на некоторых, на наш взгляд, наиболее характерных, чертах сегодняшней российской культуры делового (профессионального) успеха.

Непривычный к выстраиванию своей жизненной перспективы (даже на чисто вербальном уровне) в категориях "достижения", постсоветский субъект профессиональной деятельности чаще всего склонен к пониманию успеха как интернализированной категории, то есть измеряемой в привычных для всех нас словах, характеризующих "чувства" - удовлетворения, радости, комфорта, самоуважения и т.п. С другой стороны, синонимический ряд "успех - удача - везение" риторически воспринимается как естественно-нормативный. Однако, фактически каждый профессионал чувствует в этих словах символическую коннотацию. Так, никто не хочет признавать себя "неудачником" ни в жизни, ни в профессиональном деле. Зато почти все с легкостью признают себя "невезучими" - кроме, пожалуй, группы "политиков", продемонстрировавших самый высокий удельный вес "везучей" самоидентификации. Успешными готовы признать себя многие, особенно же выделилась группа "законодателей". Примечательно, что "социальное попадание" в группу администраторов подталкивает к идентификациям в понятиях "везения", в группу законодателей - в понятиях "успешности". Подобного рода семантические различия, как кажется, социально обоснованы, хотя более фундаментальной видится их связь с типом патримониального успеха (по сути - удачи), характеризующим российский инвариант культуры политического успеха. Социальная траектория индивида напрямую зависит от его включенности/невключенности в патримонию, а посему удача сильнее влияет на карьеру и жизненный успех в целом, чем систематичность и дисциплинированность политического успеха.

Неполитические профессиональные группы, следуя все той же логике, демонстрируют обратную тенденцию отказа от самоидентификации себя в понятиях "везучести" по мере своего отдаления от государственной системы. Самыми

"невозможными" в этом смысле стали всякие "альтернативности". Зато готовность признавать себя "невозможными" сопровождается компенсирующей готовностью признавать себя "успешными" (чуть ли не в равных пропорциях). Тотальный негативизм свойственен лишь "интеллектуалам", однако, нам кажется, что эта тенденция скорее характеризует российскую интеллигентскую культуру, чем современную культуру делового успеха.

Итак, "тень" государственной патримонии самым решительным образом окрашивает всю целостность этических представлений об успехе. Отсюда чрезвычайная "умеренность" в оценках своих профессиональных групп: формула "ни много, ни мало" стала определяющей тенденцией.

Культура делового успеха "по-российски" выглядит весьма скромной моделью. В ней нет места власти как символу успеха, нет громких критериев успеха, как то "триумф", "широкая слава" и т.п., а денежный критерий оказывается лишеным количественного показателя. Вместо этого "добрая репутация среди близких" и "любовь" придают такой культуре насыщенную этическую окраску. То есть вновь в российском инварианте успех символизируется не через власть и деньги, а через социальную близость-приобщенность-приближенность к ним, иными словами, - патримониальную близость. Лучший успех - это скромный успех (комплекс "советскости") достойной социальной траектории индивида из хаоса общественной неопределенности в государственническую упорядоченность. Нет в этой модели места чужому успеху (пусть даже и объективно профессиональному): "скромность" в отношении себя быстро оборачивается рессентиментом в отношении успеха лиц своего профессионального окружения.

Опасение обратных рессентиментальных настроений провоцирует субъектов профессиональной деятельности (в хорошем смысле понятия "провоцировать"!) на установку сотрудничества в достижении профессионального успеха. Кооперирование усилий в достижение успеха через сотрудничество объединяет все профессиональные группы. Однако, причудливо сочетается с весьма распространенным для них же "взвешенным" суждением: "меня не радует перспектива соревнования с другими" (!?).

Модель "удачи" в профессиональной культуре логически операционализируется через гипертрофированное акцентирование респондентами внешних и внутриорганизационных факторов для достижения успеха, а также почти паритетным распределением социофилософских предпочтений среди профессионалов в пользу этактического и рыночного отношения к неудаче и неудачникам. Все это в значительной степени убеждает нас в том, что профессиональная культура трансформирующейся России все больше становится рыночно-этактической, то есть субъект профессиональной деятельности все меньше хочет быть уравниваемым, хотя по привычке лишает остальных права на неравенство. Сознание "маркетизируется", но по-прежнему остается нецивильным.

Несколько обстоятельнее покажем здесь этическую/этическую "составляющую" темы делового успеха. Подавляющее большинство респондентов насыщают тему успеха этическим содержанием, однако по сути культура успеха не просто содержит в себе богатый этический компонент, но и выходит на более широкую проблему - проблему соотношения индивидуальной (или групповой, здесь это не суть важно) установки на успех с системой принятых в обществе "правил игры". Подчеркнем, что большинство респондентов устраивает формула успеха как достижения, свершенного без попрания принципов совести.

В то же время среди опрошенных профессиональных групп нет согласия относительно достоинства жизненного выбора любого человека, который сознательно уклоняется от успеха. В общей массе опрошенных установилось почти паритетное равновесие между теми, кто признает достоинство такого выбора, и те-

ми, кто не признает его. По группам же это равновесие выглядит иначе. Наивысшую толерантность в отношении тех, кто не стремится к успеху, проявляют "интеллектуалы" и "педагоги альтернативной школы", наименьшую - "предприниматели" и "педагоги традиционных школ". Паритетный баланс зафиксирован лишь в группах "политиков" и "руководителей госпредприятий". Видимо, слишком близки они к государству, чтобы "серьезно" переживать по поводу достоинства выбора других (но это - лишь гипотеза). Лишь каждый пятый из общего числа опрошенных согласен с тем, что отказ от ориентации на успех у людей связан с мотивировкой этического порядка, но практически никто не смог вербализовать эту тему по-иному.

Право на успех (как гарантия гражданского права) и нравственная ценность стремления к успеху сильно затруднили (как проблемы общественного дискурса) наших респондентов. Только по этим вопросам мы получили самый большой ответ затруднившихся ответить. Особо интересны выборы респондентов относительно возможных трансгрессий, на которые может идти индивид во имя достижения жизненного (профессионального!) успеха. Субъект профессиональной деятельности, логически рассуждая, допускает возможность трансгрессии норм в процессе индивидуального стремления к успеху. Проще всего ему свыкнуться с мыслью о трансгрессии этических норм и он даже допускает правовые нарушения, хотя тотчас же оговаривается: "если не нарушаются при этом традиции и обычаи". Пренебрежение этическими и правовыми нормами становится чем-то вроде сверхнормы (нравственной обязанностью российского гражданина) в достижении успеха. Патримониальный успех, как это ни парадоксально, утверждает в человеке примат приближенности/принадлежности государству, в отношении которого трансгрессия правовых норм легальна в культурном смысле слова.

Поведенческий (он же - культурный) аморализм профессионалов в этой стране *на словах* удачно сочетается с достаточно высокими интенциями и массовым морализаторством. В целом, соглашаясь с тем, что в нашем обществе уже не действуют единые правила игры, они готовы (по крайней мере, на уровне каждого второго) согласиться с тем, что так оно и должно быть в цивилизованном обществе. Однако именно плюрализм осложняет жизненный путь простого человека и, что, пожалуй, самое главное, - понижает нравственную надежность всего общества. За это также высказывается почти каждый второй, причем без каких-либо принципиальных различий между профессиональными группами.

15% надежды - так, вероятно мы назовем наш полный отчет. Эти 15% не склонны ни к морализаторству, ни к пренебрежению ни моральными или правовыми нормами. Они толерантны к иным правилам игры. Они убеждены, что в свободе выбора нет ничего, способного помешать жизненному успеху человека. Пока их пятнадцать процентов.

В.И.Карасев, В.И.Шпильман

НОВАЯ ИГРА ТРЕБУЕТ НОВЫХ ТАЛАНТОВ

Кто "играет" в лицензирование. Лицензирование недр, лицензионная политика. Об этом все чаще приходится слышать, все чаще с этим приходится сталкиваться геологам, нефтяникам, экономистам, правоведам - после того, как был принят закон "О недрах" и "играть" пришлось по новым правилам. Нам, авторам статьи, приходится жить внутри этой "игры", потому что один из нас - заместитель главы администрации Ханты-Мансийского автономного округа по недропользованию, а другой - директор Научно-аналитического центра рационального недропользования того же округа.

Как хотелось многим организациям и персонам воспрепятствовать реализации нового закона "О недрах", свести все к формальной процедуре выдачи бумажек, чтобы оставить все как было, выкачивать согласно "директивным указаниям" нефть, деньги из огромного региона, ничего не давая взамен. Об этом уже сегодня можно писать книгу, героями которой были бы и "маститый директор", разошлавший за последние месяцы более сотни клеветнических доносов и "маститая организация", категорически заявившая, что в округе нельзя найти компетентных людей для этой работы, и прокуратура, проверяющая по велению свыше выданные лицензии, исходя из принципа "чем меньше мы понимаем в этом деле, тем хуже для вас", и ... нет им числа. Но механизм реализации закона запущен, заработали конкурсы и аукционы, выданы, на основании тщательно взвешенных возможностей сторон, более 150 лицензионных соглашений, лицензий.

Самой "лицензионной игре" более ста лет. В маленьких странах в нее "играют" две стороны: недропользователь (производитель нефти) и недровладелец (народ, от имени которого выступает государство), в больших - три: производитель, территория, федерация. Каждая из сторон имеет свои специфические интересы. Производитель хочет иметь максимум прибыли, быть обеспеченным запасами нефти на дальнюю перспективу, стремится разрабатывать самые эффективные залежи. "Территория" заинтересована в сохранении запасов, в том, чтобы потомкам не достались одни отбросы, чтобы равномерно вырабатывать плохие и хорошие залежи, чтобы разведанные запасы не были "заморожены", а поступали в оборот, обеспечивая инвестиции, чтобы размер отчислений от добычи покрывал расходы на развитие территории, соблюдалась экологическая чистота региона и т.д. "Федерация" для реализации прав собственности всего народа России на недра осуществляет свои функции с помощью налогов, льгот, квот, обеспечения доступа к пользованию федеральной собственностью (трубопроводы, железные дороги и др.)

Основной документ, регулирующий отношения сторон - лицензионное соглашение и законы. Лицензирование в нашей стране - новая экономическая игра. По сравнению со старыми - игра умная, игра свободных предприятий и граждан, чем-то напоминающая шахматы. Весь мир в нее играет, теперь подключилась и Россия. К сожалению, каждая страна, каждый регион вынуждены несколько изменить правила игры, адаптируя ее к собственной экономике, к собственному законодательству, собственным геологическим условиям.

В недавно подписанном тройственном соглашении между органами власти Ханты-Мансийского автономного округа, Минтопэнерго и Роскомнедра подчеркивается, что лицензирование - главный инструмент управления развитием ресурсной базы, недропользованием.

В каких условиях вводится новая игра. "Игра с недрами" очень ответственна. Она вполне может, как подчеркивал американский геолог Леворсен, либо сказочно обогатить, либо сказочно разорить страну. Сейчас ее скорее сказочно разоряют. "Сказочно", потому, что внутри страны нет абсолютно никаких предпосылок, чтобы прекратить открывать новые месторождения, прекратить разведывать и вводить в эксплуатацию новые запасы нефти и газа. Но именно это происходит сейчас, именно сейчас закладывается будущий энергетический кризис России. Есть предпосылки и за пределами страны: продолжается падение цены на нефть, вот-вот на рынке появятся большие порции иракской нефти. В общем, кто-то должен на этом рынке потесниться, поделиться своими прибылями. Как и с рынком оружия, это будем опять мы.

Ведущими экономистами правительства эта "цель" достигается благодаря приему, простому как мычание. Новые запасы можно готовить двумя способами: (а) с помощью специального геологического производства, за счет бюджета, (б) с

помощью нефтедобытчиков, получающих высокие прибыли и имеющих возможность производить долгосрочные инвестиции. В том и другом случае это не благотворительность, а делание денег, которые через четыре-пять лет "сказочно обогащают" либо бюджет, либо компанию.

А вот и "экономический механизм": деньги из бюджета на геологоразведочную отрасль под смехотворными предложениями не выделяются, в результате отрасль практически полностью разрушена, по крайней мере, намного сильнее, чем во время Второй мировой войны; неоплата нефтяникам добытой ими нефти и инфляция делают невозможным долгосрочное кредитование ими подготовки новых запасов. Конечно, русский язык велик и многообразен, и ныне говорят: "Новые месторождения перестали открываться", "запасы перестали подготавливаться". Экие неслухи. А надо бы, наконец, сказать: "Правительство предприняло героические усилия и сломив упорное сопротивление геологов и нефтяников, добилось прекращения подготовки новых запасов нефти и вытеснения России с мировых нефтяных рынков".

Это описание свалившегося на нас бедствия необходимо для понимания ситуации, в которой устанавливаются новые правила игры. Это вам не партнер по шахматам, засунувший в рукав вашу фигуру, это скорее веник, время от времени проходящийся по шахматной доске. И правила игры должны быть такими, чтобы наряду с прочим, защитить нефтедобытчика, геолога от правительственного веника, как в общем и от всяких других: окружного, областного и т.д.

Игра предусматривает защиту. Каковы основные системы защиты в нашей игре? В лицензионном соглашении в однозначной цифровой форме записаны некоторые важные показатели: коэффициент извлечения нефти, добыча, доля добываемой нефти, бесплатно передаваемой нефтевладельцу (ройялти) и др. Откуда они взялись? Их предложила сама компания, участвуя в конкурсе, пытаясь опередить конкурентов. Недровладельцы с помощью своих аналитических структур задают лишь стартовые условия для этих показателей.

Эти условия неизменны, в данном случае лицензионное соглашение - охранный документ от любого волюнтаризма. Но и с другой стороны, если компания попыталась нечестным образом обойти конкурентов, предложив такие хорошие условия, которые потом сама не может выполнить - что ж, за обман придется дорого расплачиваться.

Налоговая система, система квот и госзаказов должны помогать правительству на его уровне, без вмешательства в дела каждого предприятия влиять на развитие нефтедобычи. Вводятся понятия "новой нефти", "вторичной нефти" и др. Установив налоговые льготы для "новой нефти", правительство ускорит ввод в разработку новых месторождений, приняв систему поощрения за "вторичную нефть", активизирует работу на истощенных участках залежей, в районах с развитой инфраструктурой и т.п. Здесь важно соединение правительственных действий с его ответственностью. Увеличивая или уменьшая налоги на ту или иную нефть, правительство берет на себя ответственность за конкретный результат, а компания сможет переориентировать свои усилия. В нынешних условиях очень важна система госзаказов на 20-30% добываемой нефти. Это не только обеспечение социальной сферы, сельского хозяйства энергоносителями по ценам, которые считает приемлемыми для своей нефти правительство, это не только возможность для правительства получать за свою нефть необходимую валюту, но и гарантированная оплата этой нефти. Следует предусмотреть, что если в течение десяти дней добытая по госзаказу и закачанная в трубопровод нефть правительством не оплачивается, ее стоимость автоматически зачисляется на погашение федеральных налогов.

Игровые комбинации. Но мы все о грустном, все об условиях, не позволяющих разрушить систему энергосбережения, об условиях, делающих принципиально возможной "игру в лицензирование". Сама игра тоньше и интереснее. Попробуем разобрать некоторые партии, вернее, части некоторых партий.

Начинается партия с выделения лицензионного участка, с решения вопроса, каким он должен быть. Маленький участок, включающий лучшую часть залежи, хорош для добывающей компании. Но кому остаются периферийные части? Нашим потомкам. Наше будущее набивается отбросами. Поэтому необходима ответственность компании и за центральные, и за периферийные части. А если залежь большая и компания ее всю проглотит? Значит нужно очень дифференцированное ройялти, очень высокое для центральной части и очень низкое для периферийной, стимулирующее выработку менее лакомых кусков. Это для чисто добывающей организации "совкового" типа. Таких компаний, которые бы не интересовались разведкой, а только бы качали нефть, сейчас мало. Выгодно взять участок, который был бы больше эксплуатируемой залежи - это возможность открыть для себя новые запасы. Отдать участок больше, чем разведанная залежь, выгодно и недровладельцу. Потому что недровладелец вместе с плохо изученным объемом пород передает недропользователю и право на риск, а риск в геологии дорого стоит. Но отдавая вместе с разведанной залежью и неизученные объемы осадочного чехла (в стороне, выше, ниже залежи) недровладелец должен вынудить недропользователя идти на риск, а не сидеть на этих объемах пород, как собака на сене. Это делается включением в лицензионное соглашение сведений об объемах геофизических, буровых работ, которые недропользователь должен осуществить, контролем за выполнением этих соглашений.

Очень большой участок невыгодно отдавать в аренду на долгие годы. Чем дальше от изученного участка, тем хуже можно спрогнозировать экономическую значимость еще не открытых здесь ресурсов. Помогает такой ход. Недропользователю передается значительный объем пород осадочного чехла, но на короткое время - 3-5 лет. Все, что он найдет экономически значимого (с его точки зрения) за это время, будет закрепляться за ним на 20-25 лет без конкурса, но на экономических условиях, определяемых уже после сделанных им открытий (правда, по правилам расчета, утвержденным сторонами еще до начала работ); остальной объем работ вместе с информацией об их строении, полученной недропользователем и пробуренными им скважинами через оговоренные 3-5 лет изымаются недровладельцем. Ну и последний элемент дебюта - выставлять ли участок на конкурс или еще поддержать его у себя, в нераспределенном фонде недр? Здесь есть и простые мотивировки типа: уже многие просили этот участок, или: люди, которые должны организовывать конкурс, простаивают без дела. Но есть и более интересные резоны.

Наша игра уже началась. Многообразие различных вариантов, ходов партнеров невозможно перечислить. Вот хотя бы некоторые из них. Какую цену назначить за пакеты информации по участкам, выставляемым на торги? Если цена очень высокая, найдутся одна-две компании, которые будут участвовать в конкурсе и купят пакеты. Продавцам пакетов хорошо, отсутствие конкуренции не позволит выбрать наилучшую технологию, определить для участка хорошие платежи. Выигрывая в таком случае тысячи, теряем миллионы и миллиарды. Оптимальной будет такая цена, которая привлечет к участию в конкурентной борьбе за этот участок 5-7 и более предприятий (компаний).

Должен ли земельный отвод быть по площади равным лицензионному участку? Земли нужно занимать как можно меньше. Соответствующие соотношения цен на недра и землю должны способствовать внедрению таких технологий, кото-

рые бы обходились минимальными участками земли - в этом залог экологической безопасности.

Назначить ли ройялти для многопластового месторождения в целом или для отдельных его залежей? Не только для отдельных залежей, но разное для разных частей одной и той же залежи, если эти части существенно различаются по горно-технологическим условиям. Потому что цель ройялти - не только обогатить бюджет территории, но создать выгодные условия для разработки хороших и более плохих залежей, прекратить практику "снятия сливок". В Канаде, например, служба, решающая эти проблемы, называется службой консервации (сохранения) ресурсов. В сильно дифференцированном ройялти заинтересован не только недровладелец, но вообще-то и компания, поскольку это создает условия для равной конкурентной борьбы, где успех предопределяется умением лучше искать залежи, умением более эффективно их разрабатывать.

Лицензирование недр невозможно без науки. Еще много факторов участвуют в нашей игре: как оплачивать геологическую информацию, учитывать ли содержание компанией социальной сферы при назначении ройялти, каковы сроки конфиденциальности информации? Существует лакмусовая бумажка, пробник, показывающий разумность или неразумность той или иной экономической игры - это использование достижений научно-технического прогресса. В нормальной системе исчезает само понятие "внедрять" научные разработки - за ними гоняются, их покупают.

Если вы посмотрите на разные стадии нашей лицензионной игры, то увидите, что именно такие предпосылки она создает. Оценить риск, уменьшить его можно только на основании детальных палеографических, сейсмостратиграфических моделей. Уже началась охота за надежными перспективными оценками ловушек, надежным выделением перспективных зон. Любые грамотные расчеты невозможны без мощных компьютерных банков данных. И сегодня наши добывающие, геологоразведочные предприятия тратят последнее, чтобы обзавестись хорошими компьютерами, программными комплексами. Невозможно ни недровладельцу, ни недропользователю определить ройялти, рассчитать приемлемость тех или иных условий освоения лицензионного участка без развернутых геолого-экономических моделей.

Невозможно в этой игре выжить буровому или промыслово-геофизическому предприятию, основывающему свою деятельность на затратных принципах производства. Только более эффективные методы ведения работ, применение новых рецептур буровых растворов, новых программ интерпретации ГНС, новых, берегающих землю, конструктивных решений позволит предприятиям играть в лицензионные игры.

А это значит - спрос на науку, на новые технологии. И вот весь парадокс. Ведущий чиновник федерального правительства откровенничает по телевидению: " Нам подсказывают западные экономисты - жить надо по средствам, если нет денег на науку, что же делать, надо ее сокращать". Наша лакмусовая бумажка действует безотказно. Для экономической системы, в основе которой борьба мафиозных группировок и разворовывание народного богатства, наука - непозволительная роскошь. Для честного бизнесмена научно-технические достижения необходимы как воздух. А бизнесмен должен быть честным (честность и глупость - не синонимы), потому что "игра с недрами", лицензионная игра, чересчур серьезная штука и в ней воровские приемы выглядят как "незаметное" перемещение коня на соседнюю клеточку в гроссмейстерском шахматном турнире.

Итак, правила нашей лицензионной игры таковы, что она не по предписанию, а по необходимости, по логике развития ищет таланты. Они нужны и недровладельцу и недропользованию. Нужны инженеры, ученые, способные разрабаты-

вать новые технологии, новые геологические и экономические модели. Нужны бизнесмены, способные организовать производство на основе научно-технического прогресса, умеющие рисковать и выигрывать, умеющие бережно работать с природой. Нужны юристы, способные создавать горные кодексы регионов и строить взаимоотношения недропользователя и недровладельца на неконфронтационной основе.

Ю.В. Казаков

ПРАВИЛА ИГРЫ "ЧЕТВЕРТОЙ ВЛАСТИ" С ТРЕМЯ ПЕРВЫМИ

"Гигантская государственная машина работала на "Выбор России". Гостелерадио..., газеты, прогнозисты. Чуть ли не все правительство явно ли, косвенно ли старалось для партии Гайдара. Ее не стеснясь называли президентской, в нее входили вице-премьеры и министры. Народу настойчиво внушалась мысль: "Выбор России" - государственная партия, главная, альтернативы нет...". Михаил Гуревич из "Московского комсомольца", обративший внимание на *пропагандистскую* составляющую поражения блока, с которым ассоциировалась позиция Б.Н.Ельцина, нашел и замечательно точный, как мне представляется, образ самих выборов: "Мы купили себе зеркало за 250 000.000.000.000 рублей. Глянули и отшатнулись". ("МК", 14.12.1993 г.).

Но если именно сверхдорогое (не в миллиардах даже дело, - в домашних и мировых последствиях нашего самопредъявления) "зеркало" выборов открыло "нам" нечто столь неожиданное в нашей стране, в нас самих, то что же, логично спросить, отражалось в ежедневных "зеркалах" СМИ?

Где была накануне выборов - и с кем вообще была между августом 1991-го и декабрем 1993-го российская "четвертая власть"? Как могло случиться, что упомянутая выше информационно-политическая "государственная машина", за счет госбюджета, т.е. налогоплательщика финансируемая, умудрилась оказаться такой беспомощной, косноязычной, отстаивая перед налогоплательщиком же курс реформ? Как могло оказаться, что демократы имели прессу, не достучавшуюся до "народа" - и не отражавшую его мнений, настроений, намерений?

Чтобы разобраться в уже прожитой нами ситуации и представить вероятные будущее, стоит специально приглядеться к "четвертой власти" именно как отечественному феномену; остановиться на "четверовластном синдроме" как факторе не только побед, но и поражений радикал-демократов в постперестроечной России. При том, что точка зрения автора на этот счет выглядит по ряду позиций достаточно рискованной, он намерен настаивать на ней по меньшей мере как на рабочей версии прочтения сложного историко-политического сюжета взаимоотношений СМИ и власти времен перестройки и постперестройки.

Специфика "четвертой власти" в России определяется, по меньшей мере, двумя политико-историческим обстоятельствам. Первое - в большей степени историческое, хотя и с сильным политическим подтекстом: определение "настоящий журналист" и в демократических кругах дореволюционной России, и в СССР особенно, заключало в себе преобладание публицистического (учитель жизни) начала над началом информационным. Второе - преимущественно политическое: культивирование идеи "четвертой власти", ставшее по существу политикой связанных с демократической прессой радикал-демократов из ближайшего окружения тогда еще опального Ельцина, родилось как симбиоз тяги к свободе слова изнутри и снаружи самой журналистики как профессии, первых реальных завоеваний "гласности" и, наконец, потребностей и установок жесткой политической

борьбы за приход радикал-демократов к власти в стране. Последнее обстоятельство выявило прикладной, инструментальный характер прокламации "четвертой власти" в качестве некой "надвласти", призванной стоять вровень с тремя формализованными властными ветвями в процессе управления государством, прямо влияя на определение курса его развития.

М. Полторанин, "крестный отец" именно такого подхода к роли СМИ, вряд ли согласится сегодня, что уже в то время подход этот носил острый привкус политиканства, манипуляторики. Тем более, что крупнейшие достижения в деле реализации и защиты свободы печати принадлежат именно радикал-демократам: достаточно вспомнить их борьбу сначала за союзный Закон о печати, а затем за российский Закон о средствах массовой информации. Никак не пройти и мимо того факта, что уже на двадцатый послепутчевый день, 11 сентября 1991 года, появился Указ Президента РСФСР "О мерах по защите свободы печати в РСФСР", обязывавший Министерство печати и массовой информации РСФСР обеспечить "восстановление в полном объеме принципа свободы печати".

Один из пунктов этого Указа представляет здесь особый интерес в контексте рассмотрения вопроса о взаимоотношениях власти и СМИ, о мнимых и истинных судьбах "четвертой власти" в постсоциалистической России. Он предписывал образовать при Министерстве печати "в целях обеспечения контроля за соблюдением законодательства... о печати и массовой информации "Государственную инспекцию по защите свободы печати и массовой информации". Как человек, начинавший создавать Госинспекцию, вырабатывавший идеологию ее стартового этапа и поныне несущий ответственность за сделанное и не сделанное на протяжении первых одиннадцати месяцев ее работы, повторю в данной статье то, о чем неоднократно говорил в 1992 году, руководя Госинспекцией, и позже, выступая экспертом Фонда защиты гласности: Закон сам по себе не смог, а власть временно и не смогла, и не захотела выполнить в полном объеме функцию государственного гаранта свободы слова. Последнее - "не смогли и не захотели" - относилось и к самим СМИ, уровень и характер вовлеченности которых в политическую борьбу означал фактическую замену норм профессиональной культуры и морали нормами культуры и морали политической борьбы, в том числе и в крайних формах.

Могла ли ситуация быть другой, если учесть, как развивалось политическое противостояние в стране в 1992-1993 годах, принявшее форму позиционной войны властных ветвей с отдельными вылазками-набегами на неприятеля: при ставшей практически традиционной обоюдной пристрелке взаимных площадей на территории именно "четвертой власти"?

Вопрос этот закрыт, если говорить об ушедшей законодательной власти, проявившей, как кажется, максимум изобретательности, чтобы наступить на все мыслимые грабли в вопросах свободы СМИ. Вопрос этот, наверное, закрыт, если иметь в виду специфику и внутреннюю логику политического противостояния в рамках растянувшегося - в том числе за счет консервации его в регионах - системного кризиса; если подразумевать уже имевшее место развитие событий, промежуточным финишем которых оказалось сентябрьско-октябрьское столкновение, разрешившееся кровавым мятежом и падением Советской власти.

Ну, а если смотреть в будущее, в новый, явно не более простой в политическом смысле период жизни России, проходящий под знаком новой Конституции с ее 29-й статьей, гарантирующей каждому свободу мысли и слова, гарантирующей свободу массовой информации? Тогда, очевидно, нам придется всерьез вернуться к теме неиспользованных возможностей радикал-реформистов как костяка исполнительной власти, морально ответственного не только за переход России к крупным и тяжелым реформам, но и за состояние "четвертой власти" к тому

самому декабрю 1993 года. И значит вопрос об уже отошедших и продолжающихся взаимоотношениях "четвертной власти" с тремя другими обретает черты возможного, вероятного, даже самосбывающегося будущего.

Начнем поэтому с Закона о СМИ: не претерпевшего изменений в части крайне неудачно сформулированной при его рождении ст. 4 ("Недопустимость злоупотреблений свободой массовой информации"). Я утверждаю, что статья эта работает *против* свободы СМИ. И не только потому, что именно ее применение дает регистрирующему органу основания для вынесения средству массовой информации предупреждения или даже для обращения в суд с иском о прекращении и приостановлении деятельности СМИ. Настоящая проблема заключается в том, что практически каждое положение этой небольшой, но "крупнокалиберной" статьи открывает простор для произвольных толкований. Что означает простор как для попыток обойти Закон со стороны части СМИ, так и для фактического произвола регистрирующих органов по отношению к несимпатичным им изданиям. Могу сразу сказать, что попытка ввести корректные с точки зрения права критерии такого понятия, как "разжигание национальной нетерпимости" не получила развития и продолжения после моего ухода в отставку и не была "взята на вооружение" сходным по названию с Госинспекцией управлением в самом Министерстве печати.

Власть. Тут разговор более сложный, ибо исполнительная власть, начнем с нее, с сентября 1991 по декабрь 1993 года сделала ничтожно мало как для практического выполнения предписания президентского Указа о срочном принятии мер по защите СМИ "в условиях перехода к рыночным отношениям", так и для надежной защиты свободы СМИ (но именно свободы!) силами закона, той же Госинспекции. При том, что оправдания у власти всегда найдутся, и серьезные - от дефицита бюджета до позиции власти законодательной - факт остается фактом: два года рыночных реформ в России поставили и российскую "суперпрессию", наиболее значимую для сохранения и развития именно демократического менталитета российского общества, в катастрофическую ситуацию.

Отметим особо, что диалог власти с народом носил в минувшие два года, после утверждения радикал-демократов у власти, все более условный характер. Безусловными были драматическое (по последствиям и для власти, и для прессы, и для самого общества) отсутствие интереса власти к подлинному диалогу с обществом - и удивительное непонимание ею особой природы информационной функции в кризисный, переходный период. У реформаторов не выработалась, не отработалась настоящая информационная политика, которая бы действительно сочетала специфические властные интересы с пониманием и уважением специфических интересов профессионального сообщества. По отношению к "своим" СМИ чаще шел в ход, правда, пряник, чем кнут, но и "свои" были лишены практически начисто и систематического доступа к правительственной информации, и серьезной материальной поддержки, и, главное, готовности власти направленно информировать читателей и зрителей о предстоящем, заниматься просвещением и обучением "правилам игры" в новом мире.

Именно грех неозабоченности разработкой таких "правил" и созданием таких структур и программ, которые могли бы превратить страну в учебный класс (а осмысленной "центральной" и региональной информации такого рода ждали сотни независимых газет, да и самих государственных каналов для ее продвижения было предостаточно), я лично считаю самым значительным и непростительным для власти, - по крайней мере той ее части, которая просто обязана была заниматься информационной политикой как политикой системного перехода, помогающей скорейшему и более надежному освоению миллионов граждан в новом для них мире. Власть, если она власть для народа и именем народа (а реформа-

торы на этом настаивали), просто была обязана думать о миллионах соотечественников, в том числе не самых умных и крепких, от Смоленска до Владивостока, - и ради них, ради будущего их детей создавать в том числе институты активного взаимопонимания и взаимодействия с прессой. И не только "своей" по учредительству или определению, но и возможно более широкой (даже чуждой по духу), памятуя, что страна - одна, очень разная, а ты ей всей - власть: с полнотой ответственности за такую, как есть.

Что же касается собственно защиты свободы печати... Отсутствие общегосударственной государственной политики в области СМИ и здесь сказывалось едва ли не на каждом шагу. Это обстоятельство всюду заявило о себе, например, когда по ходу углубления кризиса в стране инстанции, отвечавшие за поддержание необходимого, законом определенного уровня свободы СМИ, начали руководствоваться во взаимоотношениях с "чужой", зачастую действительно отвратительной прессой, нормами не столько права, сколько политической борьбы, лишь окрашенными в околоправовые тона.

Констатации такого рода тем более драматичны, что именно оппозиционная пресса, как доказал опыт самих радикал-демократов, в наибольшей степени соответствует российскому пониманию "четвертой власти" как власти-противовеса, власти-защитника униженных и оскорбленных. И коли так, именно по отношению к такой прессе, как бы отвратительна она ни была (и это мой давний спор с г-ном Полтораниным) власть обязана быть "белоперчаточной".

А как быть с прессой фашистской? - слышу я тот же вопрос, что и сам задаю себе постоянно. К фашистской - определено нет. Но при условии, что мы доказали, что речь идет именно о фашизме. Потому, что проброшенный, но не разъясненный и не понятый, а значит и не принятый, политический ярлык обладает свойством возвращаться уже назавтра бумерангом, самосбывающимся прогнозом. Неузнанного (в силу отсутствия прямого внешнего сходства с фашистом каноническим, немецким) отечественного фашиста сердобольные, но политически малограмотные россияне, коих на бескрайних наших просторах предостаточно, уже завтра запросто и совершенно искренне могут объявить гонимым сытой властью защитником разоренных, заступником, надеждой. Что делать, чтобы этого не было? Предъявлять аргументы. И уж, по крайней мере, не повторять ту безумно дорого, как мне кажется, обошедшуюся радикал-демократам ошибку, когда по воле дурных пропагандистов разгулялся по полосам наиболее радикальных газет хлесткий термин "красно-коричневые". Если и были серьезные объяснения ему - то кто их услышал в обломно просаживающейся России? Едва ли не половину митингующих 1-го и 9-го мая и 7-го ноября составляли те самые "красные", что за полвека до этого воевали с настоящими "коричневыми"? Понятно, что неологизм был воспринят ими как кощунственное личное оскорбление, разорвавшее внутренний контакт с властью, им оперирующей. Что им, этим старикам, до знания политологов, давно определивших "красное" и коричневое" парноходящими в горячечно-больных обществах, пусть и не вместе, а в сложном динамическом противостоянии? Скверный "кентавр" социализма "чистого" (то ли прожитого, то ли нет, но явно несовместимого "с этим всем") и национал-социализма, точно знающего, где враг и как его победить, оказался фактически искусственно слеплен из материала, согнанного к одному краю исторической сцены властью, на которую любое, без различия оттенков, "красное" действовало как тряпка на быка, - и еще менее чувствительными к оттенкам "тоталитарного" цвета радикальными СМИ. В итоге и власть, и СМИ активно содействовали получению весьма взрывоопасного отечественного политического продукта, именно "самосбывающегося прогноза".

Что было - ясно. Что может быть? Хватит ли у российской прессы, такой разной, и в том числе настроенной к президенту и его команде отрицательно, мужества и мудрости осознать себя, несмотря на все различия, профессиональной общностью, объединенной единой профзадачей: своевременно, достоверно, исчерпывающе полно *информировать* о новостях, событиях, мнениях все общество? Полагаю, нет, не хватит: в том числе и в силу глубокого внутрипрофессионального кризиса, отражающего разрыв с единым некогда государственным началом, потерю привычной пропагандистско-публицистической идентификации, плацентарной связи с достаточно монолитным творческим союзом, задававшим границы принятой профессиональной морали. Существенно и то, что новое информационное начало, подлинно "новостная" культура в СМИ еще не наработаны, не утвердились как новый "четверовластный" фундамент. Рассчитывать все-речь на то, что политическое в "нормальных" газетах быстро уступит место человеческому, военно-гражданское - гражданско-общественному не приходится. И значит огонь, на время ушедший с поверхности, может вспыхнуть ежеминутно: со всеми издержками для информационных устоев необходимого нам "общего" дома.

А у власти мудрости и мужества - хватит? Не загадывая по поводу власти новосозданной (что избирали - увидим по старту Госдумы), оглянись еще раз на власть исполнительную: благо сам президент заговорил о диалоге власти с народом. Благо новоназначенный главным телевизионщиком страны академик А.Н.Яковлев в первом же своем интервью уточнил, упомянув о телевидении как о власти, что всякая власть может быть "как разрушительной, так и созидательной". Смысл: получим, что наработаем.

Подходы Президента и академика позволяют ожидать появления нового, опять-таки *осмысленного* начала в государственной политике по отношению к СМИ. Вопрос - какого: более толерантного? Или просто более четко отделяющего официальную установку от комментарийной? Что нас ждет: большая свобода информации - или большая ее закрытость?

Что делать власти и самой прессе, чтобы восстановить диалог и между собой и с обществом, чтобы выстраивался точнее, надежнее, легче? Готовых рецептов, очевидно, нет в природе, но что-то вроде полезных подсказок обнаруживается без особого труда, ибо опыт попыток организации диалога такого рода есть и у СМИ, и у власти. Что касается СМИ, выше приводился пример одной из конференций, организованных, скажем, Фондом защиты гласности. Что касается попыток самой власти, расскажу еще об одном опыте, оставшемся в свое время неиспользованным, как мне представляется, по политическим мотивам, связанным с нарастающим противостоянием властных ветвей. В ходе научно-практической конференции "Средства массовой информации и власть", проведенной в октябре 1992 г. Государственной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации при Мининформпечати вместе с Российской академией управления, проходила проверка гипотеза группы разработчиков о том, что во взаимоотношения прессы и власти целесообразно ввести определенные "правила игры", призванные заполнить нишу между законом и моральными абсолютами и преодолеть социокультурную изоляцию между ними. Позиция разработчиков, которых интересовала как сама потребность сторон в таких "правилах", так и представление каждой из них о том, что именно к таким "правилам" относится, основывалась на представлении о прессе и власти как носителях суверенных интересов - при декларируемой общности гражданских целей.

Отсюда и выводилась необходимость общих, согласованно выработанных, конвенциональных по характеру, взаимопризнаваемых норм взаимодействия: искомых "правил игры".

Исследование, "лабораторией" которого выступила трехдневная конференция, отличавшаяся представительством трех властных ветвей и действительно широким спектром сил "власти четвертой" (от правозащитного журнала "Гласность" С. Григорьянца - до одиозной "Гласности", так и остававшейся "органом ЦК КПСС" до самых октябрьских событий 1993 г.), выявило, по меньшей мере, три характерных обстоятельства. И власть и пресса, как оказалось, все еще ориентировались на стереотипы "правил игры" прежних времен (независимо от отношения к тем временам и тем "правилам"). Власть при этом, если и не руководствовалась более стандартом "пресса должна", то выявляла явную ностальгию по взаимоотношениям, определявшимся этим простым императивом. Наконец, и власть, и пресса обсуждали свои взаимоотношения так, будто выстраивали их в вакууме, без посредника (в лице народа), проявляя стремление использовать друг друга прежде всего как средство. С точки зрения декларируемой потребности в партнерстве, такой подход приходится определить как тупиковый - таким был вывод экспертов.

Обратим внимание на сам факт "потребности в партнерстве", пусть даже и "декларируемой". Одна из исходных позиций, нашедшая понимание практически у всех участников конференции (за год до октября 1993-го!) прозвучала при этом так: пресса и власть, признавая существование особой, кризисной полосы в жизни страны, доказывают ответственность своего подхода к будущему исключению из своих взаимоотношений ставки на силу и запугивание другой стороны, отказом от позиции носителя сверхзнания, претензий на моральный абсолют.

Вопрос - случился ли бы октябрь 1993-го таким, каким случился, не оборвись ниточка диалога власти и прессы, окрепни она за год? - можно было бы и не задавать: ушедшее - ушло. Но если цена отсутствия диалога уже обозначена историей, то не самое ли время присматриваться заново к представлениям друг друга о том, каким должен быть диалог? И не сделать ли первый ход в новых условиях именно исполнительной власти: как более организуемому, поддающемуся регулированию изнутри началу, способному действовать в категориях "политики доброго примера"?

Вот стартовые флажки для выстраивания властью диалога, первая шестерка самих "правил игры", какой их видела год назад пресса, - ориентируясь в своих требованиях-пожеланиях, очевидно, на достаточно мудрую, но при этом отнюдь не воздушную, конкретную "минпечатную" власть.

Итак, толковая власть "должна была бы": проявлять последовательность в проведении информационной политики; на уровне законодательства подкреплять и на государственном уровне реализовывать поддержку права СМИ на получение с минимальными для них затратами максимально полной и достоверной информации из официальных источников; вести политику демонополизации СМИ совместно с самими СМИ, обеспечивая гарантии немонополизации их другими политическими, хозяйственными и иными структурами; проводить политику защиты свободы СМИ в пределах закона, безотносительно к их партийной принадлежности; культивировать дух сотрудничества с прессой всех уровней; не пытаться захватывать рычаги прямого управления СМИ, прежде всего самим фактом их учреждения; претензии, а тем более санкции по отношению к СМИ предварять экспертизой; четко определять критерии своего подхода и информировать о них другую сторону; отказаться от деления СМИ на "свои" и "чужие", обеспечивать им равный доступ к первичной информации, к носителям властных функций.

Эти несложные "правила", конечно же, не разрешат проблем во взаимоотношениях власти и СМИ. Но они достаточно ясно обозначают характер материала, пригодного (по контрасту - и непригодного) для постройки той части нового

российского дома, в котором предстоит уживаться властям и СМИ: не становясь заложниками или орудием друг друга, выполняя свои общественно-значимые, пересекающиеся, но при этом весьма различные функции.

Эти "правила" есть резон услышать именно сегодня: на пороге нового, трудно просчитываемого этапа развития России, продолжающего выявлять свою специфическую природу переходного периода в стране. Стране, которая обладает специфической же, замешанной на несовместимых пластах исторического наследия политической культурой, недостаточной (в том числе и после принятия Конституции) и внутренне противоречивой правовой базой, низким уровнем правосознания населения, неразвитостью гражданского общества.

За все это приходится платить: при плохом качестве и состоянии "зеркал" ежедневных - в том числе высокой стоимостью "зеркал" парадных, выборных. Бог с ними, с миллиардами, впрочем: оставались бы целыми сами "зеркала" и лица в них...

МОДЕЛИ УСПЕХА: ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОСТТОТАЛИТАРИЗМ

Лев Аннинский

ПАВЕЛ КОРЧАГИН КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕНЕДЖЕР - ОСУЩЕСТВИМАЯ ИДЕЯ?

Не знаю, осуществимая ли, но явно неисчерпаемая. Так же, как и сам Корчагин - неисчерпаемый атом советской психологии.

Первый ответный импульс: а почему в качестве модели для современного менеджера предлагается именно герой Островского? Не стоит обманываться определением "политический": оно взято только для того, чтобы приклеить Корчагину "менеджера". Потому что ничего, кроме "политики" Корчагин сроду не делал и делать не умел, просто политика тогдашняя была такая: удар саблей. Но мы-то теперь вроде бы не "удар саблей" пробуем - мы пробуем "менеджмент": управление. И не просто управление, но управление "производством", и не просто производством, а производством эффективным, доходным, прибыльным (словарь иностранных слов еще недавно, в 1988 году, присовокуплял: прибыльным *для капиталистов* - авторы словаря не подозревали, как они правы!).

Одним словом, вопрос поставлен о вращении Павки Корчагина не в управление даже (тут ему вращаться не надо: всю жизнь людьми управлял, или им управляли), а как бы в новое предпринимательство. В то самое, которым мы теперь бредим. Речь не о НЭПе, который хоть и вводился всерьез и надолго, но был как бы временным отступлением, собиранием сил для новой сокрушительной атаки (и атаковали, и - сокрушили). Нет, речь теперь о капитализме как о естественном, нормальном, органичном образе действий, в который наш боевой народ должен теперь "вращи". Павка же Корчагин должен быть использован как то самый "советский дичок", которому пора привить "классическую розу" свободного рынка.

Но тут-то и возникает сомнение: что же, в недрах российской (и советской) исторической памяти нельзя найти фигуру, более удобную для "менеджмента"? Куда делся... ну, хоть тот же инженер Чешков? Впрочем, он еще стреножен всякими обкомами-райкомами... Хорошо, пойдём за пределы советского периода: почему не Фома Гордеев? Не Чапурин, тысячник из мельниковских "Лесов"? Почему не Чичиков, наконец? Что, так уж не на кого опереться в поисках предпринимательского генофонда на Руси? В том-то и штука, что не на кого. Я уж не говорю о купеческом классе, который был уничтожен, а перед тем - оболган в народе: именно потому оболган (и уничтожен), что вызывал у народа зависть и ненависть.

Интересно: теперь, когда купечество "реабilitируют", - на каком основании его реабилитируют? Прежде всего на том основании, что оно могло стать (и становилось) *культурной* силой. То есть, дало Третьяковых, Морозовых, Щукиных... Все теперь любят купечество - за то, что оно подпитывало культуру; но никому и в голову не вступает, что оно должно было бы напитать - экономику, торговлю. То есть, купечество ценят за "побочную" (с точки зрения экономики) роль: за меценатство и спонсорство, - но вовсе не за основную, которую оно должно было сыграть в реальной жизни народа.

Не потому ли, что на эту, экономическую его роль и надежды-то особой в народе никогда не было? И - глубже - интереса настоящего к этой "грязной" стороне жизни в народе не было, а был интерес - именно к стороне "чистой": к "культуре", к "душе" и "духу".

А то, что запросы души и духа в русском купечестве всегда фатальным образом подкашивали логику "дела" и "успеха" (и горьковские герои, вроде Фомы

Гордеева, вечно "выламывались" из своего торгового класса куда-то вбок, вверх, к "богу", к "художеству", а экономика при этом шла "к черту"), - это неизбежно, это привычно, это мы "так сделаны".

В общем, о купечестве и речи нет: несчастный класс, жертва русской истории.

Ну, а дворянство, выдвинувшее в качестве героя чичиковскую пародию на предприимчивость, - оно вообще никакого менеджмента в генах не несет: только пародию на менеджмент. Тут тебе и наш "Наполеон", и наш "Ахиллес" (беру гоголевские иронические сопряжения и аксаковские - патетические). Хоть бы Одиссея задействовали - ведь рядом!

Значит, получается так. Одиссей в роли патетического хитреца у нас не прививается. У нас в роли хитреца - Иван-дурак, а он изначально - в антилогике, в псевдомире.

В мире героическом, патетическом, серьезном предприниматель может существовать у нас только как пародия: Чичиков.

На кого же опереться в исторической памяти новому предпринимательству?

И вообще: как удержаться новому предпринимательству на зыбкой отечественной почве, если за плечами действительно нет ни Одиссея, ни Каупервуда, а либо маленький, надутый, хитрый Чичиков, либо - огромный тощий Корчагин, носящийся с обнаженной "шаблюкой" по бескрайней полупустой стране?

Кто вообще может тут управиться - в этой ветровой степи, где города от века щетинятся от кочевников, в этой густой чащобе, где убежища от века хоронятся от незваных гостей? Торговец? Нет, торговец по тоненькой ниточке идет от крепости к крепости, и исторической осью бытия делается само наличие такого "пути": не торговое *пространство* и не *структура*, а именно *путь*: из Варяг в Греки, или так: Дорога на Океан... Турксиб, БАМ... Не торговец и не предприниматель тысячу лет управляют этими просторами (управляются с ними), а - наместник да чиновник, партбюрократ да спецуполномоченный, доглядывающий и сопровождающий. То есть: конвоир.

Не надо думать, будто Советская власть на этом евразийском блюдце придумала что-то неслыханное. Павку Корчагина не надо делать символом чего-то принципиально нового; это "новое" - просто этап вековой российской истории, и "выпадает" он из нее - не более, чем выпадает из нее, скажем, татарское "иго". Ну, пересел "Центр" из города на Днепре в город на Волге; ну, стал князь зваться ханом, да ведь национальная чистота династии все равно блеф: сидит во дворце всегдашняя интернациональная "гидра", титулы ее - и до татар не русские: князь - кунинг, царь - цезарь. Почему же "иго"? "Иго" - это если из Киева смотреть. А если из Казани? А если из того постулата исходить, что история страны есть история населяющих ее народов (всех народов, а не только титульного)? Тогда придется обдумывать не только тот вариант, что шатающееся по земле воинство *мешает* мирному строительству, а и тот, что "мирное строительство" есть просто эпизод (передышка) в изначально-бесконечном шатании воинства. Человек у нас не столько работает (оседло), сколько "проходит" (как хозяин). А если работает, то - как Павка в Боярке: ударно, сезонно, вооруженно.

Сесть и работать спокойно, последовательно, с приращением сделанного к сделанному (с накоплением богатства) - значит именно *сесть*: жить оседло. А это - границы: таможенные и, как следствие, - военные. И это - дробление безграничного единства, распад привычного государства. Это - тот самый висящий в воздухе, дамкловым мечом маячащий над умами русских, распад мира, распад культуры, сама мысль о коем делает духовную жизнь кошмаром. А всего-то - ограничить гульбу. Господь Бог, если представить его себе в образе какого-нибудь

маканинского шутника, скажет на Страшном Суде: чего вы так всполошились? Я просто хотел, чтобы вы перестали бегать и махать "шаблюкой", а делали бы что-нибудь, сидя на одном месте. А поскольку вы сопротивлялись и путались, пришлось назвать вас по-разному: русскими, украинцами, белорусами, казахами, словаками, чехами...

Николай Островский был, если определять его в этом (пятом) пункте, - смесь украинско-чешская. И, конечно, он бы на такое имя не отозвался. Он был по национальности... революционер. Советский. Всемирный.

Он был носитель полит-доктрины и разносчик полит-болезни. Он был... как бы это посовременнее сказать... вот именно: политический менеджер. Так что если представить его себе носителем некоей центральной идеи (неважно, какой; может быть, и "торгово-предпринимательской"), так и усилий не надо: он таковым уже является. Агитатор, горлан, главарь. Парттысячник. Но тогда вы и получаете очередного парттысячника, "посланца партии в деревне", "уполномоченного великой идеи".

Если же вы имеете в виду то "первоначальное накопление", которое должно идти снизу, от почвы, то оно именно и должно идти от почвы, и ему "центр" напрочь не нужен с идеями и контрибуциями. И Корчагин не нужен. В роли менеджера такой рубака будет нелеп. Уже хотя бы потому, что ключевое понятие менеджмента: *успех* - он, Корчагин, понимает вовсе не так, как нынешние идеологи предпринимательства, старающиеся приложить к нашей новой практике старую этику: этику успеха. Успех для Корчагина - не его личный успех и, тем более, не успех в противовес конкурентам, он такого успеха бы на дух не принял. Успех для него - абсолютно и всецело - это торжество общего дела, в котором индивидуальность победителя растворяется без остатка, враг же индивидуальности вообще не имеет.

Говоря "общее дело", я понимаю, что беру слова со стороны: Федорова Островский не читал и о воскрешении отцов не задумывался. Но "азиатская" вовлеченность пылинки в общий вихрь, безграничный всесокрушающий "космизм" и перешедшее от Федорова к Циолковскому неумение "усидеть на месте" - этот невроз полета, воспаление нервов и воспарение дум - все те же: нашенские. Начал с того, что отдал всего себя *идее* коммунизма (подставьте любую другую идею - тип личности все равно останется тот же), а кончил тем, что, умирая, бредил "захватом дредноута" где-то в сражающейся Испании (где сроду не был).

Нет, он не знал слова "успех". Он знал слово "победа". Если уж искать для замены нечто нерусское, то Корчагин, конечно, не менеджер.

Он мюрид. Добровольный член братства, становящийся солдатом армии. В деле менеджмента он не помощник. Разве что отбиваться от рэкета.

Вообще с современным менеджментом в нашем психологическом и литературном синодике дело плохо. Вот уже шесть или семь лет прославленная русская словесность дышит воздухом гласности. За это время она затоптала Сталина, Дзержинского, Кирова, Ленина, Троцкого, большевиков, партийцев, сочувствующих, попутчиков. Она вывела из запрета вчерашний затоптанный андерграунд, и этот несчастный андерграунд принялся топтать счастливых вчерашнего (и нынешнего) истеблишмента, вгоняя тех в новый андерграунд, - из всего этого топота, воя и стога только и подтвердилось, что мир абсурден. Но менеджер не может действовать в абсурдном мире - ему нужен мир логичный.

За семь лет русская литература не нашла в этом мире на капли логики. Она не нашла в реальности фигуры предпринимателя, на которого - по логике - можно было бы возложить надежды. Она не нашла в своей душе сочувствия этому делу: *делу*, составными частями которого были бы: прибыль, барыш, нажива, профит, удача, успех.

Только и рискнул один писатель: Бахыт Кенжеев, - приемами социалистического реализма, вывернутыми наизнанку, соорудил "положительного героя": современного российского предпринимателя. Издевательская подоплека этого литературного эксперимента тем убийственнее, что ирония удерживается на той тонкой грани, когда дурак ее, конечно, не замечает и принимает все за чистую монету. И эта молчаливая ставка на дурака куда красноречивее говорит о том, как понимает Бахыт Кенжеев нашу ситуацию, чем те бутерброды с осетриной, которые на ходу (некогда!) заглатывает у него "положительный герой".

Павка Корчагин, конечно, эти бутерброды порубал бы.

Подставьте под последнее слово то значение, которое кажется вам более соответствующим сегодняшней ситуации. Результат будет тот же.

Саблей бутербродов не сделаешь.

Вот такая пока что у нас конверсия. Такой менеджмент. Такой лабарданс.

А.В.Кинсбургский

"100 ВЕДУЩИХ ПОЛИТИКОВ РОССИИ": слагаемые политического успеха

С января по декабрь 1993 года в "Независимой газете" регулярно публикуются списки ста ведущих политиков России, составленные на основе данных Службы Vox Populi (руководитель - профессор Б.А.Грушин). Состав первой сотни российских политиков ежемесячно определяют эксперты - главные редакторы и политические обозреватели ведущих газет, еженедельников, теле- и радиопрограмм, информационных агентств, директора и специалисты политологических центров. Они оценивают по 10-балльной шкале влияние государственных и общественных деятелей на общероссийскую внутреннюю и внешнюю политику (независимо от знака влияния - положительного или отрицательного). На основании экспертных оценок рассчитывается средний балл и порядковый номер каждого из политиков, включенных в предварительный алфавитный список. Он состоит из ста двадцати пяти имен, куда входят сто ведущих политиков прошлого месяца плюс двадцать пять - наиболее ярко проявивших себя, по мнению экспертов, в политической жизни страны в последнее время.

В январе первоначальный список был составлен по сугубо формальным основаниям - в него вошли: руководители президентских структур, члены правительства, члены президиума бывшего Верховного Совета РФ, председатели Конституционного, Верховного и Арбитражного судов, Генеральный прокурор, а также лидеры ведущих политических партий и общественных движений. В результате ежемесячных ротаций состав первой сотни российских политиков за год изменился более чем на половину - из январского списка "в строю" остались всего 43 человека, к тому же, как правило, под другими порядковыми номерами (за исключением президента Ельцина, который всегда идет под номером 1).

Каковы главные критерии экспертных оценок политической влиятельности? Во-первых, это - возможность оказывать непосредственное воздействие на процесс принятия важнейших государственных решений в силу реально занимаемого должностного положения в структурах власти - президентских, исполнительных, законодательных или судебных (государственные чиновники высшего ранга). Во-вторых, институционально оформленные заявки на власть, претензии на занятие высших государственных должностей со стороны лидеров оппозиционных политических партий и видных общественных деятелей. Оба критерия в равной мере учитывались при формировании январского и последующих предварительных списков, которые предлагались для экспертной оценки. Между тем, "вес" ка-

ждого из них, конечно же, неодинаков. Возьмем, к примеру, ноябрьский список, опубликованный в "Независимой газете" 1 декабря. Вся вершина российской политической пирамиды - первые двадцать мест - занята в основном политиками, официально находящимися "при власти". Исключение составляют лишь Григорий Явлинский и Геннадий Бурбулис. Если взять верхнюю половину первой сотни, то из пятидесяти самых влиятельных только десять не занимают высших постов в центральных или местных органах государственной власти.

Политиков "местного" значения также можно рассматривать в качестве претендентов на высшие федеральные должности, о чем свидетельствуют результаты состоявшихся 12 декабря 1993 года выборов в Совет Федерации. В ноябрьском списке присутствуют тринадцать руководителей российских регионов, в том числе Юрий Лужков (Москва) и Анатолий Собчак (Санкт-Петербург) - в первой двадцатке.

Интенсивность и направленность перемещений ведущих российских политиков в границах первой сотни и за ее пределами в значительной мере связаны с динамикой политической жизни в стране, с их участием в таких событиях, как апрельский референдум, Первомайские беспорядки в Москве, работа Конституционного совещания, трагические октябрьские дни, выборы в Государственную Думу. При этом важно иметь в виду, что перед экспертами неизменно ставилась задача оценить влиятельность каждого политика не вообще, а конкретно в минувшем месяце. Поэтому экспертные оценки носят прежде всего ретроспективный характер и не могут рассматриваться в качестве прогнозной информации.

В чем специфические особенности, принципиальная новизна списков, публикуемых в "Независимой газете"? Известно, что в ведущих средствах массовой информации аналогичные публикации выходили задолго до 1993 года. Вспомним хотя бы, что на протяжении многих десятилетий газета "Правда" регулярно приводила списки участников торжественных заседаний и собраний из числа руководителей КПСС и Советского государства. Причем порядок фамилий вождей отражал их политический рейтинг - официальную позицию в структурах власти. Составлением списков занимался отдел пропаганды ЦК КПСС, который передавал их в готовом и неизменном виде в информационные агентства и издания. Влиятельность политиков, таким образом, определяли в первую очередь партийные чиновники, которые затем "доводили" эту информацию до общественности. Конечно, мнение общества о политической элите отличалось от официальной точки зрения, однако главная проблема состояла в том, что представители общественности, как правило, не располагали необходимой и достаточной информацией о деятельности руководителей партийных и государственных органов и, следовательно, не могли с полным основанием оценивать их рейтинг.

Ситуация принципиально изменилась в условиях гласности и политического плюрализма, возникновения легальной оппозиции. Общество стало не только получать гораздо больше информации о работе высших государственных чиновников, но сама сфера политики в значительной степени освободилась от диктата государства. Теперь вполне можно представить себе влиятельного политика, не занимающего в данный момент важного государственного поста. Представители общественности получили реальную возможность оценивать влиятельность нынешних российских политиков, а средства массовой информации - беспрепятственно публиковать их оценки.

Нет нужды еще раз подчеркивать важность таких публикаций для становления демократического, гражданского общества в России. Однако необходимо заметить, что в качестве "канала обратной связи" они оказывают заметное воздействие на политическую жизнь, информируя о положении дел на российском "политическом Олимпе". Как показали результаты экспертизы, рейтинг (средний балл

и порядковый номер) государственных и общественных деятелей, входящих в первую сотню политиков, достаточно чутко реагирует на политические перемены в обществе и точно отражает индивидуальный вклад в политическую жизнь. Иными словами, ежемесячно публикуемые данные о ста ведущих политиках России можно рассматривать как относительно надежный показатель их политического успеха.

Каковы главные составляющие политического успеха, фиксируемого этим показателем? Помимо политической влиятельности в чисто бюрократическом смысле, понимаемой как включенность политиков в процесс принятия важнейших государственных решений, особо следует указать на их популярность, которая связана со многими факторами и, в том числе, с публичностью деятельности (известностью, открытостью, доступностью, доверительностью и т.д.). Эти качества характеризуют принципиально новый облик влиятельного российского политика в отличие от деятелей, скажем, сталинской эпохи. Даже трудно себе представить, чтобы в газете "Правда" среди других имен могла фигурировать фамилия, например, Поскребышева - влиятельнейшего личного секретаря Сталина. И вместе с тем из тогдашних списков моментально исчезали очень популярные политики, только что выведенные из состава высших органов партии и государства.

Совершенно иначе выглядят публикации в "Независимой газете". Опять возьмем, к примеру, ноябрьский список ста ведущих политиков России. Сюда входят такие имена, как Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, писатель Александр Солженицын, экс-вице-президент РФ Александр Руцкой, Митрополит Ладожский и Санкт-Петербургский Иоанн и другие популярные политические и общественные деятели, непосредственно не входящие в структуры государственной власти, но активно влияющие, по мнению экспертов, на внутреннюю и внешнюю политику России. И в то же время присутствуют, мягко говоря, не очень известные, находящиеся "в тени", но очень влиятельные сотрудники государственного аппарата: начальник охраны Президента РФ Александр Коржаков, комендант Кремля Михаил Барсуков, заместитель руководителя администрации Президента РФ Вячеслав Волков и другие. Таким образом, эксперты оценивали как бы, с одной стороны, популярность заведомо влиятельных государственных чиновников, а с другой, влиятельность очень известных общественных деятелей. При сочетании этих составляющих можно добиться политического успеха в современной России.

Центр прикладной этики

ОТ "ЭТИКИ ХАРАКТЕРА" К "ЭТИКЕ ЛИЧНОСТИ": ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ МОДЕЛИ ЭТИКИ УСПЕХА (фрагментарий по книге Р.Хубера "Американская идея успеха")

Предпринимая на перспективу задачу обстоятельного и всестороннего исследования эволюции идей и школ этики успеха, начнем в этом номере с американской традиции. Масштабность задачи видна уже в том, что и в рамках одной только этой традиции выделяются: пуританская концепция; секуляризованная интерпретация этики успеха у Франклина; персонифицированные концепции удачной карьеры в жизнеописаниях героев "золотого века" экономического развития Америки, таких как Эндрю Карнеги, Дж. Рокфеллер и т.д.; этика "власти ума" и т.п.

Сконцентрируем внимание на двух оппонирующих парадигмах, вынесенных в заголовки. Основным источником их описания станет для нас монография Ричарда Хубера "Американская идея успеха". [1]

Получив свое оформленное выражение в 30-х годах XIX века, идея успеха в версии "этики характера" - при варьировании составных частей этой формулы - оказалась, вплоть до первой половины века XX, статичной. "Войны и депрессии приходили и уходили, а каждое поколение боролось с решением проблемы "как" и "почему" в идее успеха, используя те же самые ответы", - замечает Р. Хубер. [1,р.93-94]

В чем заключается проповедь "этики характера"? На ключевой вопрос: "Как я бы мог добиться успеха в этом мире?" - приходит ответ, звучащий эхом наставления Бенджамина Франклина: трудолюбие, честность, настойчивость и верность делу непременно приведут к успеху в любом достойном уважения занятии. Путь к богатству заключается в том, чтобы взрастить в себе самые специфические личностные добродетели. Среди черт характера, которые присущи концепциям любых авторов "этики характера", - упорная работа, бережливость, решительность, инициативность, умеренность, пунктуальность, мужество, уверенность в своих силах, честность. Пренебрежение этими добродетелями неминуемо приводит к неудачам. Подход же спекулятивный, ориентирующий на быстрое обогащение, резко критиковался как не просто порочный, но и как непрактичный.

В таком контексте шансы преуспеть почти не зависят от окружения или наследственности. Что касается удачи, то ей практически не осталось места в этой доктрине. Все, что требовалось от индивида, было заключено в реализации одной из возможностей, которые открывались перед ним. И тогда успех всецело принадлежал бы этому индивиду, ибо в Америке - представлялось - все зависело от индивидуальных качеств, и каждый имел возможность делать деньги.

Среди модификаций, вносимых разными авторами, популяризирующими данную доктрину, выделяются, во-первых, роль умственных данных, которые ставились на один уровень с упорной работой и бережливостью, и, во-вторых, тема зла и несчастий, которые проистекали из корыстолюбия.

Накопление богатства почиталось добродетелью не только потому, что оно формировало характер, но также и потому, что позволяло преуспевающему человеку вносить вклад в благосостояние общины и нации. Филантропический аргумент был здесь наиболее важным. Как подчеркивает Хубер, основным стремлением литературы, посвященной этике характера, было вырастить человека, делающего богатство, а не машину, производящую деньги. В этом было одно из важнейших достижений этой доктрины.

Среди наиболее распространенных типов литературы об этике характера - эссе, адреса, проповеди - выделяются рассказы-жизнеописания, прославляющие идею успеха. Жизненные карьеры в автобиографическом выражении были ориентированы на морализирующие советы читателю, опирающиеся на материалы живого проявления этики характера. Моральное оправдание целей - такова основная сверхзадача биографических форм описания успеха; при этом преобладающим способом была демонстрация приверженности религиозным ценностям. В любом законном бизнесе истинная религия почиталась позитивным помощником, и в этом усматривался один из секретов успеха.

В свое исследование Хубер включил всемирно известную биографическую работу Эндрю Карнеги - это был тот случай, когда бизнесмен анализировал свой жизненный путь, прибегая к различным моральным оправданиям процесса делания денег. Захватывающий самоанализ тридцати трех лет жизни "представлял осознание чувства вины, которое всегда "тлело" в самой идее успеха". Э. Карнеги

боялся, что бизнес, который так быстро вел его к обогащению, мог привести и к духовной деградации. Карнеги "сделал" сотни миллионов долларов, но затем роздал большую часть из них. Он стремился вперед ради самой идеи успеха, которая позволяла ему уважать самого себя. И он должен был как-то оправдать свою деятельность в моральных категориях.

Как же объяснить широкое признание этики характера американской нацией? По мнению Р.Хубера, для страны, двигавшейся в направлении индустриализации, этика характера должна была стимулировать индивидуальные амбиции, подбадривать уверенность индивида в себе, возвеличивать самодисциплинированность упорного труда и отсрочивать вознаграждение. Поэтому, видимо, для развивающихся стран, подобных Америке XIX века, работа без усталости в духе этики характера важнее, чем обольстительная улыбка этики личности. [1,р.93-94]. Не стоит ли и нам задуматься о том, в какой мере Россия сегодня смахивает на ту Америку, где принцип накопления и труда имел приоритет перед принципом вознаграждения и наслаждения?

"Этика личности" становится серьезным конкурентом своей предшественницы, вероятно, с появлением в 1936 году книги Дейла Карнеги "Как завоевывать друзей и влиять на людей".¹ Если для этики характерной проблемой были не другие люди, а собственные внутренние ресурсы личности (лень и распутство ведут человека к неудаче), то для этики личности наибольшие проблемы связывались не столько с индивидом (хотя и он, например, должен преодолеть в себе чувство страха), сколько в реакции на него других людей. Поэтому основополагающим с точки зрения такой доктрины является знание природы человеческих взаимоотношений. Человек - существо эгоцентрическое, погруженное в себя, нуждающееся в чувстве значимости, и его можно заставить делать то, что он сам хочет делать. Кредо этики личности, по версии Хубера, заключалось в том, что при равенстве стартовых возможностей в Америке удача не является тем фактором, который формирует преуспевающего человека; судьба индивида зависит от него самого, а не от обстоятельств, а потому главное усилие следует направить на то, чтобы изменить себя. Этой этикой человек, делающий себя сам, превозносился: бедный мальчик, таким образом, имеет больше шансов на жизненный успех, чем богач. Перекликаясь с антиинтеллектуализмом этики характера, этика личности полагает, что умение сходить с людьми стоит все же выше, чем умственные способности.

Анализ многообразных источников приводит Хубера к выводу о поразительном безразличии этой доктрины к философским аспектам идеи успеха. Так, если этику характера постоянно преследовал страх перед реальным успехом, разрушавшим реальные качества, при помощи которых этот успех достигался (это, например, осторожное отношение к деньгам как таковым), то этика личности никогда не колебалась перед данным противоречием. Ведь нельзя же всерьез считать добродетелями умение говорить с другими людьми, способность проявлять внимание к интересам других или запоминать имя человека?!

Как, например, относилась эта доктрина к проблеме "подлинного успеха"? К нему она не проявляла совершенно никакого интереса: такой "успех" всегда был своеобразным убежищем для тех, кто потерпел неудачу в жизни и хотел утешиться, убеждая себя, что в жизни есть нечто более высокое, чем богатство и слава. Оправдание материального успеха интересовало последователей этой доктрины куда более, чем опасность развития жадности или отношение к

¹ Тем подтверждается наличие этической составляющей в кажущейся "чисто" психолого-праксиологической концепции Д.Карнеги. Другое дело - собственно содержание этой составляющей и его интерпретация в наши дни и в наших условиях.

богатству как к конечной цели жизни. Секуляристское оправдание материального успеха совершалось в этике личности через концепцию служения: поскольку служение есть выражение нашей любви к другим, а деньги есть мера этого служения, делая деньги, мы любим нашего соседа как себя самого; мы делаем деньги и тем служим ему.

Эволюцию идеи успеха с точки зрения ее морального смысла можно объяснить, например, тем, что популярная литература на эту тему в основном писалась практиками бизнеса, и они делали это по-иному, чем профессиональные литераторы, понимавшие жизненную перспективу. Так, тот же Дейл Карнеги писал для того, чтобы обучить психологическим принципам успеха людей, работающих в условиях рынка. И литература такого рода писалась не столько для молодежи (этим отличалась этика характера, стремившаяся снабдить юношество знанием духовных символов), сколько для взрослых.

Однако более глубокое объяснение доминирования этики личности содержится в констатации развития экономической системы в духе потребительских ориентаций. В двадцатых годах нашего века массовое производство, прорвавшее барьеры дефицитности, потребовало новых регулятивов. Проблема уже заключалась не в том, чтобы произвести больше товаров - машины могли их производить круглосуточно, - а в том, чтобы заставить товары двигаться от производителя к потребителю. Появилось огромное количество людей, чьей деятельностью становятся маркетинг, продажа, реклама, распределение, финансы. Трюк потребительской экономики требовал уже не усилий по производству лучшего товара, заботы о том, чтобы лучше продать его, вызвать желание покупки. Как отмечает Хубер, природа конкуренции в этих условиях - условиях борьбы за покупателя, потребителя - делает этику личности незаменимой. [1,р.278] Нарастает соревновательность иного рода: в классической теории Адама Смита экономика регулируется пресловутой невидимой рукой спроса и предложения, в кейнсианской же - "радостной" рукой. Дружелюбный автозаправщик, обходительный клерк, улыбающаяся девушка, помогающая вам выбрать марку бензина...

В этике личности, естественно, изменилось отношение к идее бережливости. Привычные моральные оправдания успеха в этом плане потеряли свою необходимость: покупка в рассрочку, кредитные карточки, новейшая модель рекламы, все возрастающий стандарт жизни, предостережения кейнсианской экономики об опасности чрезмерного роста сбережений, падение пуританской традиции и т.д. способствовали этому.

Еще один уровень объяснения в смене этических доктрин успеха связан с изменениями в предпринимательской деятельности. Этика характера обеспечивала морально бизнес малых форм: в своем личном предприятии, в конкуренции с другим бизнесменом человек продвигался выше благодаря своему упорству. Растущая концентрация бизнеса, появление корпораций проложили дорогу к новому предпринимательству и иной этической доктрине. Менеджер по-своему прокладывает свой путь внутри бюрократической иерархии. Его продвижение в значительной степени зависит от того впечатления, которое он производит на людей в ассоциациях и организациях.

В XIX веке успех был связан с безличностным поведением на анонимном рынке, успех предпринимателя не отделялся от успеха его фирмы. Корпоративная же бюрократия требует умения работать с людьми среди людей. Важной частью работы является координация, организация, установление субординации. Вот почему в новых книгах об успехе, подчеркивает Хубер, столь важными являются советы о том, как руководить людьми и контролировать свое влияние на

людей. В Америке середины XX века понятие "человек, с которым трудно иметь дело", соответствует понятию бесчестности в более ранний период.

Само понятие "взаимоотношения" поднимается на новый уровень. Менеджмент должен предвидеть и направлять отношения различных групп потребителей, местной общины, производителей, финансистов, публики - и балансировать на требованиях этих групп. Растущая взаимозависимость людей была дополнительным фактором укрепления этики личности. В более урбанизированном обществе уже не мать дает направляющее развитие ребенку (потому она и исчезает из книг по успеху, замечает Хубер), а молодежные организации, универсальное и обязательное образование. Образ успеха перемещается от матери к жене. В мире этики личности служащий продвигается вперед, рекламируя свой товар. [1,р.283]

Разумеется, исследование природы этики личности требует анализа ее противоречивого влияния на образ жизни американцев. Хубер выделяет три противоречивых последствия. Во-первых, этика личности усиливает настроения комфорта и группового мышления, ибо требует играть в игру в соответствии с наиболее эффективными правилами, даже если эти правила насилуют этические принципы данного индивида. Во-вторых, противоречие порождено смещением акцента с работы над природными ресурсами к работе над людьми - люди составляют тот сырой материал, из которого создается ваш успех! Однако, согласно гуманистическому стандарту, предполагается, что вы будете любить людей, а не пользоваться ими: человек есть цель, но не средство. Поэтому, видимо, столь критично отнеслись ряд авторов к советам Дейла Карнеги быть искренне доброжелательным ко всем без разбора: ведь искренность без разбора есть всего лишь лицемерие. Да и сама жизнь среди невеселых улыбок способна приносить чувство одиночества: это своего рода пустота, которую нечем заполнить. В-третьих, этика личности не только создала стрессовую ситуацию, отстраняя человека от других, но она также увела человека от самого себя. Если в этике характера успех был прочно связан с внутренними качествами личности, то в иной доктрине успех зависит от мнения о вас других людей. Средства успеха не являются фиксированными, а варьируются в зависимости от ожиданий других людей от вас. Поэтому, даже когда вы думаете, что контролируете людей, последнее слово в этом контроле принадлежит все-таки им самим. Они определяют за вас, кто вы такой. Но не просто кто вы такой, а ваш образ, который и задается их подтверждением. Следовательно, вы постепенно теряете идентичность самому себе. А такой человек постоянно чего-либо опасается и беспокоится.

В заключение краткого обзора зафиксируем те изменения в мире и в философском его осмыслении, которые обусловили смену доктрин этики успеха: возможно, здесь содержатся уроки и для нашей страны в ее переходном состоянии.

Сравнительный анализ отношений этики характера и этики личности показывает, что одно из изменений в мире заключалось в разных предметах индивидуальной зависимости и беспомощности. Американец XIX века чувствовал себя беспомощным перед безличностными силами, которые он старался контролировать своей предусмотрительностью и умиротворять верноподданическими молитвами. Современный американец чувствует себя беспомощным перед человеческими силами. Теперь успех отдельно взятого индивида зависит как никогда раньше от других людей. Есть разница между безличностными силами природы и капризами во вкусах, оценках и отношениях людей. "Нарастали ли чувства безвластия и бессилия за последние два - три поколения?" - вопрошает Хубер. И отмечает, что один из парадоксов роста индивидуальной свободы заключается в том, что одновременно этот же самый индивид становился все более зависимым от организаций, институтов и других людей. Разве нет здесь уроков для поисков

модели этики успеха в нашей стране? Например, так ли уж безусловна ориентация на индивидуализм, которую наша новая этика хотела бы культивировать хотя бы для предпринимателей?!

Другое изменение касается различия в ощущении личной неудачи. Когда американец XIX века терпел неудачу, он испытывал чувство вины, неуважение к самому себе, он чувствовал стыд перед своей семьей, друзьями и ассоциациями, членом которых он был. Современный американец является наследником этого психологического состояния. Но в складывающейся ситуации минимальной разницы между предлагаемым на рынке товаром и спросом его индивидуальный успех все в большей степени зависит от того, насколько эффективно он может предлагать самого себя как товар. И если у него не покупают идею или товар, то одновременно как бы не покупают и его самого. Его разъедает чувство тревоги относительно собственного могущества.

Третье изменение, опять-таки заключающееся скорее в степени, отражает нарастающее чувство изоляции в компании других людей. Разумеется, как викторианец, так и современный американец, оба озабочены мнением о них и оба хотят, чтобы о них думали как о преуспевающих людях. Разница же в том, что викторианец нуждался в чувстве уважения со стороны других людей, а современный американец нуждается в "чувстве популярности" среди окружающих.

Какие уроки для нашего общества, какие выводы для современных отечественных попыток создать нравственную философию успеха можно извлечь из анализа эволюции американских моделей этики успеха? Кроме тех, которые уже названы выше, и тех, которые еще предстоит сформулировать в дальнейшем, только один: не забыть, что за два десятилетия со дня выхода книги Хубера, положенной в основу нашей характеристики двух этических доктрин, очень многое изменилось и в США, и в мире. Потому и соотносить себя сегодняшних нам предстоит не только с этикой характера или с этикой личности, но и с теми доктринами, которые еще только создаются.

Литература

1. Huber R.M. The American idea of success. New York, McGraw-Hill Book, 1971.

Р.С.Гольдберг

ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ДЕЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА ЭПОХИ "НОВОГО ОСВОЕНИЯ"

Нравственные искания - жизненный успех, карьера. Как писать на эту тему? Переворотив в памяти десятки, может быть, сотни фамилий выходцев из нефтегазовых регионов в столицу, на самые высокие посты, я вынужден прийти к выводу, который, возможно разочарует "заказчика". Если не принимать во внимание трибунную и прочую риторику, то нельзя не увидеть: карьера, движение по восходящей были тем успешней, чем гибче сочетались в человеке его нравственные критерии и задачи, решение которых требовалось для продвижения по служебной лестнице.

Назову лишь некоторые принципы, соблюдение которых изначально полагается нравственным. Защита коренных народов, охрана природы, доверие к человеку, бескорытность...

Достаточно вспомнить любой из крупных проектов, которые в не столь далекие времена составляли гордость и славу Тюменской земли, и можно убедиться, что каждый из них отрицал самим фактом своего существования все эти принципы или большинство из них. Трансконтинентальные газопроводы, достижение наивысших скоростей в проходке нефтяных скважин, строительство ГРЭС на попутном газе и многочисленных ЛЭП, добыча миллиона тонн нефти в сутки и миллиарда кубометров газа, строительство железной дороги на Север...

Сколько мелких чистых речек было замыто земснарядами в этом последнем случае, сколько вырублено кедрача, замазучено озер, разграблено хантыйских стойбищ...

Между тем, в течение последних двадцати-тридцати лет именно Тюменская область, нефтегазовый комплекс поставляли стране кадры для крупнейших хозяйственных и правительственных постов. Министры и их заместители, председатели госкомитетов, заведующие важнейшими отделами ЦК КПСС. Да и нынешний глава правительства России был некогда начальником Главтюменьгазпрома. Министр топлива и энергетики. Руководители двух крупнейших топливных концернов "Газпром" и "Нефтегазстрой"...

Значит, было что-то такое в нашей "кузнице кадров", что именно она готовила для страны то, что стране было необходимо.... И все же автор хотел бы возразить самому себе, если вдруг окажется, что он будет понят прямолинейно. А именно: будто все новое освоение начиналось и двигалось исключительно меркантильными соображениями.

Нравственный идеал, в поисках которого десятки тысяч людей приняли участие в "создании главной топливно-энергетической страны", не был чем-то застывшим. Он менялся по мере того, как за первым эшелом приходил второй, третий и четвертый. От поры наивного "запахотаежного" романтизма конца пятидесятых - начала шестидесятых годов до времени четких градаций, когда все было расписано: за какой подвиг какую награду дают. От медали "За освоение недр" до высших орденов, мест в ЦК, в Верховном Совете...

Слова, конечно, в том и другом случае употреблялись примерно одни и те же, но в последние годы за "наградные строчки в рапорте" платили уже тысячами единиц изуродованной техники, природой и человеческими жизнями. Достаточно вспомнить строительство магистральных газопроводов большого диаметра, куда мобилизовывали "адских водителей" со всего Союза и они мчались по зимникам,

неся с собою смерть в самом прямом смысле этого слова для всех встречных и поперечных. Или - протаскивание джюкера через Большую Обь на трансконтинентальном газопроводе Уренгой-Помары-Ужгород, когда трактористов поспешно выгоняли на лед, сквозь который они проваливались со своими тяжелыми машинами. (Сообщать же об этих потерях в печати было не принято, дабы не омрачилось торжество очередной победы советского народа над стихией и зарубежными злопыхателями).

Но вернемся к началу. В годы работы на тюменском областном радио я имел доступ к звуковому архиву, хранившему немало записей первопроходцев. Общее настроение этих документов я охарактеризовал бы так: мечта о голубых городах. Строители Нижневартовска и Сургута, Надыма и Нового Уренгоя, геологи, создатели первых промыслов, они действительно бросали тесные и грязные города, уходили в таежный простор, мечтая о том, что создадут здесь нечто такое, аналога чему пока нет.

Были они наивными? Возможно. Но они искренне верили, что мерзнут, а порою и гибнут ради будущего. Что говорить, было время, когда ради клочка колхозного поля, случайно загоревшегося, человек мог отдать собственную жизнь.

Эти первые держались дольше всех. И они проиграли первыми. Спустя несколько лет они оглянулись вокруг себя и увидели, что командные высоты в строительстве, на промыслах заняли люди из второго эшелона, пришедшие уже не на запах тайги, а на запах большой нефти, на запах длинного рубля. Эти люди, новые, уже не сидели белыми ночами у таежных костров, а если им случалось петь песни предшественников, то слова они переставляли: "А я еду, а я еду за деньгами..." Если говорить о смене приоритетов, то надо заметить, что она происходила не явно, а постепенно. Ибо еще долгое время было модным рядиться в романтические одежды, и я помню, как некий вертолетчик, вскорости взятый органами за спекуляцию мехами, рассказывал о таежных рассветах, о романтике Севера... Хотя быть может, все это присутствовало в них одновременно. Как кубик, оклеенный разноцветными картинками, он самопроизвольно поворачивался к собеседнику нужной стороной? Может быть. Но могу свидетельствовать, что в эти минуты такой человек сам себе нравился больше. И если вы сейчас спросите такого человека в его тюменском или московском кабинете о прошлом, вы услышите, как потеплеет его голос. Ручаюсь, что он предпочитает себя видеть таким романтическим, а не тем, кто приписывал миллионы кубометров грунта, ради грошовой квартальной премии, или отправлял вертолет с ящиком водки к аборигенам, чтобы прикупить шкурок. Среда была фальшива и она заставляла мимикрировать, если человек хотел удержаться. Я знаю лишь несколько случаев, когда человек отваживался плыть против течения. Но выстоять он не мог. И не мог надеяться выстоять. Я помню нижневартовского геолога, который выступил против погони за тысячами метров проходки. Его уволили, а бурмастер, талантливый бурмастер, который эти метры продолжал гнать (напомним, что спустя несколько лет нефтяные поля тюменского Севера оказались утыканы мертвыми скважинами и пришлось со всего Союза свозить ремонтные бригады, чтобы скважины эти оживить. С небольшим, впрочем, успехом), стал самым молодым в стране Героем Социалистического Труда.

Да, среда перемалывала. Но она и формировала здесь в нефтяном крае небывалый тип человека, в котором послушность выданной сверху сверхзадаче, даже изначально бессмысленной, сочеталась с самостоятельным характером. Не случайно Игорь Киртбая, строитель ЛЭП, на долю которого выпали и лауреатские медали и уголовные процессы, сказал однажды: "Таким, как мы, западнее Урала работы нет...". Эти люди могли показаться циниками, но они по-прежнему были преданы старым друзьям, они держались вместе и шли кланом. Еще пример. С

высокой трибуны было обещано - о, сколько было таких обещаний, за которые область еще и сегодня расплачивается, сколько было "построенных объектов" и "открытых месторождений" к очередному съезду партии или круглой дате, сколько было движений, вроде миллиона тонн нефти в сутки"! - что ко дню принятия Конституции 1977 года в тайге будет проложено 100 километров дороги Сургут-Уренгой. Сказано - сделано. И вот посреди тайги 7 октября обросшая и уставшая (работали всю ночь) бригада путейцев проводит митинг и рапортует Москве... Сбоку на насыпи дощечка на колышке: 100-й км. Несколько месяцев спустя в кабинете начальника строительно-монтажного поезда Алексея Войтовича я увидел трассовку и без труда определил, что митинг проводили на отметке "98,5 км."... Так было принято.

И все-таки эти люди были хорошие люди. Я помню, как тот же Алексей Войтович - он уже работал севернее - за обещанную для его СМП электростанцию отдал новенькую югославскую дубленку, которую ему выделили по решению руководства. Я видел, как жуликоватый и большой любитель прихвастнуть начальник другого СМП Виктор Горченков плакал, когда увидел, что по вине ленивого начальника ГСМ путеукладчик оказался без солярки и вот-вот замерзнет...

Может быть, они не были рыцарями без страха и упрека - эти люди второй волны, участники и свидетели большого освоения, - но они хотели быть лучше, им нравилось быть рыцарями без страха и упрека, они, не чуждые хорошей жизни, не боялись открытого пространства, были людьми поступка. Хотя и горячность, рывок им так часто заменяли анализ, знание.

Я пишу и в памяти возвращаюсь все к новым и новым именам. Помню маленькую женщину по имени Нина, жену водителя Юрия Смольникова. Она поражала своей любовью к нарядам, которые были не всегда уместны в заваленном снегами и консервными банками трассовом поселочке. Нет, другие женщины, жены "первых лиц", главного инженера или начальника поезда, были не беднее. Но они копили деньги и вещи, отвозили на "большую землю", откладывали желание пошиковать на потом. А Нина, как вызов, носила все сейчас и говорила: потом - будет потом, а я живу - сейчас.

Первая волна. Люди работали для других.

Вторая волна. Люди работали для себя, но сейчас и здесь.

Следующие - работали для себя, но мерой успеха для них были не факты местного переустройства, а посты, которые могут быть ими в случае успеха заняты - в Тюмени, в Москве...

Центр прикладной этики

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭТОС РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: МОДЕЛИ УСПЕХА

Постановочный характер темы, вынесенной в заголовок, отражается и в не традиционном способе представления материала. Здесь содержатся концептуальный замысел теоретико-прикладного исследования, сформулированный в стиле программы условного "круглого стола", и оперативные результаты "пилотажа" этого замысла рядом участников разрабатываемого проекта.¹

Сама тема модельного "круглого стола" сформулирована следующим образом: "Постсоветские модели этоса делового успеха: региональная элита как "повивальная бабка" гражданского общества". Каковы *аргументы*, обосновывающие ее актуальность?

Первый - из "приложения" нашего общего тезиса о парадоксальности современных программ трансформации России к региональной ситуации. Речь идет

о том, что слабая артикуляция Идеи Успеха в модернизационных проектах сохраняется и применительно к генеральной жизненной ориентации тех, кому предстоит лидировать в осуществлении этих проектов. И в отношении современных элит характерно, что в тех редких случаях, когда идея успеха и ценность успеха выступают, казалось бы, в этой мобилизационной роли, они либо сосредоточены на узко понимаемом предпринимательстве, либо редуцируются до столь же узко понимаемой технологии рациональной деятельности, намеренно отчужденной от жизненной философии, от Метафизики Дела, Призвания человека. Наконец, даже для элит - парадокс? - стихийный запрос на идею и ценность успеха зачастую трансформируется в люмпенизированный (!) миф об успехе, сводимом к удаче, ставке в жизненной рулетке. Не о том ли свидетельствует абсолютный триумф "плачущих богатых", теле лотерей, возбуждающих жажду сорвать приз на "поле чудес", поймать "счастливым случаем", не прозевать "час фортуны" и т.п.? И этот паллиатив - "удача" вместо успеха, ожидание "дара судьбы" вместо творения ее собственными усилиями и достижениями - продолжает чуть ли не воспитываться. Может ли противостоять этой тенденции TV-передачи о карьере, "великолепной семерке" и т.п., тем более что и для них проблема взаимоотношений темы Удачи и темы Успеха даже не проявлена?

Второй аргумент заключается в том, что отнюдь не чураясь люмпенизированной мифологии, постсоветская элита, продолжая собственно советские традиции, творит миф, в котором господствуют ориентации этатизированного этоса - на исполнение указаний "сверху", на активистские идолы успеха, на политико-административный макиавеллизм.

Возможно ли в такой проблемной ситуации вытеснение патерналистских ожиданий и этатистских настроений другими ориентациями, иной моделью успеха, стремлением к достижениям в политической, хозяйственной, организационной, интеллектуальной деятельности, моделью этики успеха как идеи жизненного призвания, воплощенного в кодексе правил "честной игры"?

Рабочая гипотеза "круглого стола" заключается в тезисе о том, что в условиях фактического вакуума институтов гражданского общества, рыночных отношений и цивилизационного этоса делового успеха *регионализм* способен, вероятно, сыграть компенсаторную роль. Не "сепаратизм". Не тоталитаризм "снизу".

Сегодня Регион - это продвинутая стадия гипертрофированного (по необходимости) предъявления культурного своеобразия (даже если таковое пока еще в "зародыше"), этно-конфессиональных и этно-национальных начал, хозяйственно-политической автономии, социального структурирования общества, социо-географической самобытности. И если в условиях тоталитарной государственности "регион" - не более чем синоним "территории", всецело подвластной "центру", то в переходный период к гражданскому обществу компенсаторная функция регионализма обеспечивается именно тем, что безликая прежде "территория" ("настер" по Д.Драгунскому?) становится "Местом". Вот именно "Место" и может выступать искомым посредником партнерских отношений Государства и Гражданина, ибо после долгого периода унижения статусом политической и духовной "периферии", "правом" быть "провинцией", Регион начинает обретать моральное достоинство "Лица" (гегелевское "будь лицом..." вероятно, применимо и здесь?!). И эта инновация - уже не итог прежних "удачных игр" местных элит с центральными, но закономерный результат нравственной ориентации на достижение, на модель успеха, присущую гражданскому обществу.

Какова *проблематизация* темы?

1. Элиты Центра (политическая, предпринимательская, бюрократическая, интеллектуальная и т.п.) и элита Региона замыкают собой полюса системного конфликта постперестроечного общества. Народ все еще безмолвствует. Власть

"варится в собственном соку". Хотя Центр продекларировал отказ от тоталитарности государства, он по-прежнему является источником авторитарного господства над регионом. В то же время Регион, оставаясь еще в социо-культурном пространстве тоталитаризма, содержит в себе высокий потенциал посреднической функции между государственностью и личностью, возможность выступать "повивальной бабкой" гражданского общества.

2. В то время как в Центре процесс становления (и переформирования) элит протекает в режиме их дальнейшей дифференциации, а потому главная проблема Центра - построение межэлитного баланса (в разделении власти, ресурсов, влияния), в Регионе элита становится таковой скорее на синкретической основе; тем самым баланс здесь оказывается как бы преднайданным, а потому главная проблема - мобилизация элиты как таковой, ее институализация.

3. "Старая" элита (как в Центре, так и в Регионе) практиковала скорее "модель удачи". Не просто надежда на случай, упование на стечение обстоятельств, а - в условиях распределительной и расточительной экономики и политико-организационного абсурдизма - конкуренция такими "достижениями", которые были иррациональными как по целям, так и по средствам. Пример: характерное для региональной элиты усердие в превращении региона в гомогенную территорию, проявляющееся в борьбе за снижение спускаемых "сверху" планов и показателей или, наоборот, в инициативном рекордизме, реализуемом "любой ценой". Процессы нового освоения нефтегазовых ресурсов Тюмени весьма наглядны в этом отношении. Иной деловой стратегии, впрочем, и не могло быть в условиях тотальной несвободы.

"Новой" элите предстоит вырастить и освоить "модель успеха", воплощенную в рациональных достижениях. Такая модель предполагает этос свободной воли, рациональный выбор, самонахождение стратегии ответственности.

4. Жизненная философия "старых" элит вступает в культурный и этический диссонанс с "моделью успеха" в ее общецивилизационной версии. Жизненная философия "новой" элиты, этос делового успеха, этически оправданы и валидны институтам и ценностям гражданского общества.

5. Элиты Центра продолжают ориентироваться на "модель удачи" (в процессе распределения ресурсов и авторитарной власти над все еще патримониальной государственностью и посттоталитаризмом общества). Элита Региона обнаруживает в себе значительный потенциал согласия и солидарности, что предполагает как "свободную близость", так и "свободный антагонизм" внутри этой элиты во имя выживания и развития самих регионов, а значит - реформирования посттоталитарного общества.

Каковы *направления рефлексии*, рефлексии как "мотивации" так и "проблематизации" Программы "круглого стола"?

- Сколь эвристично противопоставление условно выделенных моделей "удачи" и "успеха" как этосных характеристик современных отечественных элит?

- Каково соотношение параметров "этоса элиты" и "этоса делового успеха"?

- Возможное содержание "правил игры" в этосе делового успеха?

- Является ли "регионализация всей страны" оптимальным путем ее обновления, возрождения?

- Вероятна ли консолидация региональных элит? И если "да", то по каким сценариям?

- Сколь содержательна приведенная в "мотивации" диагностическая фраза "народ безмолвствует"? Отлучен ли он или самоотлучен от успеха в парадигме достижения? Сдвигает ли на обочину задача мобилизации элит проблему мобилизации масс? В отношении каких элит "народ безмолвствует" более? менее? Не приведет ли к десинкретизации региональной элиты одновременность веро-

ятного прекращения состояния "безмолвствования" по разным сферам жизни общества (политической, хозяйственной, бюрократической и т.п.)?

* * *

Замысел предполагает, а жизнь располагает. Пилотаж по-своему расставил акценты первоочередного совершенствования концептуального замысла исследовательского проекта в целом.

Во-первых, речь идет о мере адекватности той характеристики "вакуума", каким он представляется в ситуации разрушения этатистской системы нормативной регуляции поведения и соответствующих ей ролевых схем социализации, в том числе "удачи".

Такая ситуация (полагает Г.С. Батыгин) обуславливает нарастание аномического процесса, результатом которого является "естественное состояние" в его гоббсовской версии войны всех против всех. "Успех" здесь ограничивается сферой борьбы за выживание в условиях разрушения социальной инфраструктуры и общественных институтов. Однако, революционный процесс характеризуется наряду с разрушением институциональной организации возникновением (до времени в латентных и эпифеноменальных формах) новых "элементов порядка". При этом структуризация элементов нового порядка может совершенно не зависеть от инициативы "верхов", которые в данном случае являют собой лишь видимость власти.

Задача заключается в том, чтобы обнаружить жизнеспособные элементы в распадающемся общественном организме. Этот организм имеет примечательное свойство: процесс дифференциации целого сопровождается интеграцией частей. Г. Спенсер назвал это свойство нарастанием "определенности". Нарастание определенности сопровождается выраженной самоизоляцией частей от влияний извне. Подобного рода самоизоляция присуща "поведению" художественных стилей; в "этосах" акцентируются моменты, подчеркивающие их дистанцирование от массовых стандартов; неформальные сообщества и "колледжи" возникают по принципу "против кого будем дружить"; в науке и в идеологии все стремится к обособлению и оно обосновывается словами "парадигма" и "менталитет"; в хозяйственной жизни начинает проявляться автаркическое начало; в политике развивается синдром "регионализма". Казалось бы "единое" капитулирует перед "многим", торжествует софистическое многообразие - что так нравится женщинам и детям. На первый взгляд незаметно, что "во многом" содержится мощный потенциал структуриации и социальной стабильности. Коротко говоря, социальный порядок и стабильное человеческое существование (хозяйственное, политическое, этическое) начинают свой рост из *клеточки*, которую можно обозначить как "регион". Здесь надо заметить, что регион - не обязательно губерния, уезд либо национальный округ. Это то, что идентифицирует себя как "единицу", вынужденную нести за себя всю полноту ответственности. "Регион" - название условное, но его смысл становится совершенно отчетливым, когда в области-регионе возникают властные структуры, вполне отдающие себе отчет, что надеяться на "Москву" бесполезно. (Равным образом происходит регионализация Москвы - город обнаружил себя обособленной единицей, независимой от "Москвы" как центра Большой Системы). Возникает позиционное противостояние центральной власти и "региона", причем исход противостояния двоякий: либо Центр устанавливает режим чрезвычайного управления и ликвидирует "регионы" как класс, либо регионализм возобладает и порождает *базовые* структуры гражданского общества.

Что же касается формирования "центральной" и "региональной" элит по моделям "УДАЧИ" или "УСПЕХА", то этот процесс означает возможность рационализации жизни сообщества: нормативную регуляцию вертикальной мобильно-

сти, артикуляцию должностных и ролевых ожиданий, эффективный контроль правопорядка. Фактически речь идет об экспертизе принципиально для любой революции вопроса: когда и при каких условиях элита *авантюристов* уступит место элите *служащих*? Если брать более широко, то вопрос приобретает совсем простой вид: когда социальная дезорганизация сменится порядком и относительной стабильностью?

Во-вторых, речь идет о необходимости прояснения метафорически заявленной идеи "регионального акушерства над гражданским обществом", о переводе "плавающих" метафор на дискурсивный уровень. Так, тезис о региональном посредничестве между Государством и Гражданином должен (как полагает Н.В. Колотова) быть проблематизирован по меньшей мере тремя вопросами. А) Имеется ли в виду традиционная технология осуществления власти через регион, т.е. фактическое делегирование властных полномочий на места, превращение региона в мини-государство? Б) Имеется ли в виду географическая напряженность регионального пространства, где интересы государства ("рука Москвы") и интересы гражданина ("мой дом - моя крепость") не могут не пересекаться наподобие различно направленных векторов и тогда региональное посредничество обретает смысл конфликтологического полигона, который надлежит реформировать по критериям некоего оптимума? В) Имеется ли в виду, что регион и есть тождество гражданского общества и, следовательно, находящееся "рядом" государство здесь воспринимают как неизбежное зло, помня, что "трудней ему без нас, а нам - наоборот"?

В этой связи уже сам тезис о регионе как субъекте гражданского общества спорен - достаточно распространенным является суждение о невозможности географического деления гражданского общества, вытекающего из спонтанности гражданских интересов и их заведомо условной и даже искусственной институализации. Не целесообразнее ли обострить эту спорность уже на стадии "мотивации" программы, а не только в завершающих рефлексивных вопросах?

Адекватна ли метафора о "повивальной бабке"? Она сужает предполагаемые функции региональной элиты в процессе формирования гражданского общества. Если быть дотошным, то любая повивальная бабка - лишь технолог, заранее знающий как осуществить вспомоществование организованному без него процессу. Разве не должна региональная элита претендовать и рассчитывать на большее - на сотворчество в самом процессе?

В-третьих, уже на старте коллективного поиска особое внимание (полагает Ю.В. Казаков) надлежит уделить характеристике региональной элиты с точки зрения ее "вчерашнего", "сегодняшнего" и "завтрашнего" состава и, значит, интересов и ролей в формировании (или торможении формирования) гражданского общества. Спорны в этом смысле гипотетические тезисы о *единстве* региональной элиты в отличие от федеральной, соответственно, и моделях успеха-удачи в ее этосе. Иначе говоря, кто предопределил ориентацию региональной элиты именно на ценности гражданского общества?

Можно ли без четкой характеристики "постсоветского" региона адекватно ответить на этот вопрос? Не очевидно, но возможно, что в зависимости от характера региона его элита (или, скажем так, существенно важная, влияющая на характер становления нового регионализма часть региональной элиты) будет заметно специализированной: где-то сущностным фактором ее становления окажется национальный, где-то - именно советский, где-то - административно-хозяйственный. А где-то уже и сегодня - выходящий на эти рычаги управления криминальный по характеру, мафиозно-уголовный.

Можно ли отказываться от рассмотрения этого последнего фактора формирования региональной элиты, выстраивая ее образ как стерильный, заведомо

граждански-общественный по интересам и методам их реализации? Обещающий резко, вспышкой проявиться вирус "иммунодефицита" политического связан и с этим достаточно новым обстоятельством, а не только с появлением "новых крайних", объединяющих такие, казалось бы, разные установки и имена.

Другой аспект, характеризующий ценностный потенциал этоса региональной элиты. Во времена Союза такие элиты существовали как временные: и не только потому, что их фактически формировала и переформировывала Москва, но и потому, что значительная часть этих элит рассматривала свой "местный" статус не как самоцель, а всего лишь только как ступень к продвижению в управляющий Центр, в Москву. В итоге в Москве формировались свои специфические "властные" землячества (республиканские и областные), как формировались они и на уровне региона вытасченными туда "с места". Что изменилось по этой части сегодня? Удовлетворится ли новая региональная элита своим положением "первой на деревне"? Будет ли она рассматривать, как и прежде, желанным и только временно потерянным "городом" Москву? Приступит ли к формированию своего собственного "Нова-города" в лице "сверхрегиона"?

А как будет реагировать на процесс формирования новой региональной или суперрегиональной элиты разномастная и разнознаковая элита федеральная, которая тоже ведь с ситуацией естественной децентрализации долго мириться не будет? Пойдет ли она путем обратной перекачки представителей собранных некогда у себя представителей бывшей региональной элиты? Попытается ли она вмешаться во властные конфликты на местах, перекупая ли часть местной элиты, стремясь ли другими способами, и в том числе воздействуя на регионы через центральные средства массовой информации, перетащить региональную элиту на сторону нового федерализма в целом, но именно на свою сторону? Учитывая антагонизм власти в центре, такая политика сильно ударила бы по региональной элите, помешала ее формированию в качестве существенного элемента гражданского общества, вывела бы наверх только "партию победителей" в регионе. (Там к гражданскому согласию, к общественному договору придти, вероятно, будет не менее трудно ввиду низкой политической культуры приходящих во власть, да и нарастающей люмпенизации жителей, избирателей. Психологическое влияние острейших социальных проблем, связанных со структурной перестройкой промышленности, с закрытием предприятий, в частности, во многих регионах будет сказываться еще сильнее, чем в центре.)

И тут неизбежны вопросы: возможно ли в принципе, и если да, то каким путем, создать разумные условия для формирования серьезной региональной элиты? Как защитить ее от заморозков раннедемократического периода? Кто именно мог бы этим заниматься и какова во всем этом роль научного сообщества?

Необходимость социального контроля от имени ценностей гражданского общества, с одной стороны, потребность осмысленного и упорядоченного становления механизмов самозащиты региональной элиты - с другой, распознавание и той, и другой сторонами угроз и поиск эффективного противодействия им очевидны. Процесс становления таких механизмов, конечно же, будет идти и сам по себе, даже в отсутствие неких экспертно-консультативных структур. Но в этом случае процесс может оказаться не просто замедленным и малоэффективным, но и ложно направленным. И более того - потенциально катастрофичным в политическом, социальном и этическом смысле.

Можно предположить, что без независимого посредника-консультанта нуворишеская элита будет формироваться как элита, скорее противостоящая гражданскому обществу, чем работающая на него. (Ее органическое, инстинктивное побуждение - сесть прочнее, подгрести под себя поболее, вытащить максимум

личной выгоды из нового и неустойчивого своего положения; опыт такого рода уже в достатке набран во многих регионах). Эта новая элита, жестко негативно относящаяся к любым попыткам "Центра" направить или хотя бы скоординировать ее деятельность, разорвав традиционное силовое поле, способна и сделать очень много полезного, и наделать немало бед, от экономических до экологических, двигаясь методом проб и ошибок в плохо структурированном с точки зрения правовых отношений пространстве.

Будет ли такая элита, впопыхах возникшая, не имевшая ни времени на свое формирование, ни условий для этого, не страдающая моральной рефлексией, но уверенная в своем праве устанавливать в регионе "правильные порядки", исповедовать ценности гражданского общества? Свободу? Будет, но, вероятнее, прежде всего для себя, а не для "подданных" в регионе и не для "соседей". Модель успеха? Возможно, да, но скорее всего, успеха, сводимого к удаче-фортуны, случайному счастливому шансу, - особенно, если в регионе заметную роль станет играть элита мафиозная, с ее представлениями об этике, с ее моделью "успеха". Думается, что первой же жертвой такого развития событий стали бы правила "честной игры", и не только в политике.

И кто же может быть объективно, в интересах гражданского общества, требуемым (пусть и слабо востребованным именно на переходном, конфронтационном этапе) "садовником", "культуратором" новой региональной элиты?

У кого есть шанс быть воспринятым одновременно и в роли "гуру" и в роли делового партнера для всех, кроме крайних? Кто может эффективно работать и в режиме анализа и корректирующего прогноза, и в качестве консультанта, в качестве пожарной сирены, сиреной-мобилизатором?

Представляется, что выход из тупика могла бы образовать некая версия *межрегионального* научного центра, ныне отсутствующая. В весьма специфических условиях науке, чтобы стать подлинно полезной обществу, целесообразно было бы сознательно дистанцироваться от существующих институтов власти - и одновременно выйти за предел круга формирующихся региональных политических элит. Рациональное положение такой науки, как представляется, - над процессом этого формирования, но с прямой и обратной связью с ним через институт межрегиональных "мозговых центров" независимого характера, возможно - с участием коллег из зарубежных центров. Последний фактор важен не только прагматически (источник финансирования) и психологически (чужим в России и сегодня верят больше, чем своим), но и с точки зрения формирования устойчивой модели гражданского общества. И речь тут не только о прямой, но и об обратной связи с миром: представители зарубежного научного сообщества, *участвующие в исследовании и консультировании процесса формирования региональных элит*, - это и определенное спокойствие зарубежных политических кругов, дополнительная страховка политике реформ в России через институт международной политической экспертизы, формально становящийся на ноги одновременно с началом работы таких центров.

* * *

В заключение авторы концептуального замысла считают целесообразными следующие замечания.

1) Исследовательская интрига содержится прежде всего в объективной противоречивости (оппозиционности) *Необходимости* регионализации и опасности в ней содержащейся и/или ей приписываемой. Необходимость экономической независимости региона - и опасность регионального эгоизма. Политическая самостоятельность - и региональный сепаратизм. Этно-культурная уникальность -

и региональный национализм. Опасность обвинений в "эгоизме", "сепаратизме", "национализме" *региона*, заявляемая извне, сопровождается реальной опасностью внутреннего свойства: не справиться с противоречивой тенденцией и фактически пойти по пути эгоизма, сепаратизма, национализма.

2) Региональный успех определяется *цивилизационностью* освоения новых тенденций в развитии (становлении) *нового регионализма*. А носителем и главной движущей силой этого цивилизирующего процесса призвана выступить *новая* региональная элита. Успеть в ее формировании, не упустить время, - значит не дать возможности стихийного развития тенденций и тем самым купировать эгоизм, сепаратизм и национализм. Элита и призвана дозреть до готовности повести *регион* по пути самостоятельности, уберечь его уникальность.

3) Не менее интригует исследователей и каверзный вопрос о возможности/невозможности построения гражданского общества в "одном отдельно взятом регионе". Но точнее - с точки зрения концепции нового регионализма - проблема формулируется так: сколько и каких гражданских обществ может и должно существовать в России? Одно? По количеству субъектов Федерации? Или...? И какова роль элиты в со-творении *региона*?

Успеть в постановке этих вопросов, не говоря об их решении - одно из условий успеха в формировании гражданского общества.

¹ Авторы В.И. Бакштановский, А.Ю.Согомонов, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. Участники "пилотажа": Г.С. Батыгин, Ю.В. Казаков, Н.В. Колотова.

БИОГРАФИЯ УСПЕХА

Г.Э.Бурбулис

"...КОНКУРЕНЦИЯ С САМИМ СОБОЙ ВЧЕРАШНИМ"

Редакторы обратились к президенту Фонда "Стратегия" Г.Э.Бурбулису с просьбой откликнуться на идею выпуска нашего Вестника, сконцентрировав свои рассуждения на трех вопросах: традиции российской политической культуры и ценность успеха; ценность успеха в современной отечественной политике; ценность успеха в деловой карьере автора. Публикуется стенограмма интервью.

Я всячески приветствую замысел создания журнала и считаю его крайне актуальным, перспективным, жизнотворным. Для меня, бесспорно, что реабилитация в сознании российских людей понятия "успеха" необходима. И, если журналу удастся состояться как концептуальному органу, то и категория успеха совершенно оправдана.

Очевидно, что начать сразу рассуждения о том, есть ли в России традиции культуры успеха, могут ли в перспективе состояться какие-то устойчивые ценностные ориентации на успех, нельзя, не дав хотя бы какого-то рабочего определения. На старте беседы мы с вами как бы в чистом поле работаем, сознание свободно от каких-либо ограничений и предпосылок, но, вместе с тем, рассуждать хочет. Надо попытаться построить некую онтологию того, о чем в принципе может идти речь.

Первое, что бросается в глаза - это неизбежность фиксирования пары: успех - неуспех, удача - неудача, результат - и его отсутствие. Второе - о каком субъекте мы в данном случае пытаемся мыслить, что это за система? То ли это конкретный индивид, в его социально-биографическом качестве, личность, состоявшаяся в профессиональном и человеческом плане? То ли это некий вид деятельности, получивший достаточный престиж в обществе и звучащий как привлекательный и ценностно убедительный, и тем самым определяющий некоторую активность определенной среды? То ли это сама страна в ее текущем состоянии, выходящая из той бездны, которую мы сегодня без достаточных усилий обзываем тоталитарным режимом, и живущая в условиях очень сложной и длительной смуты переходного периода? При этом до сих пор не выявлены ни законы распада тоталитарной системы, ни формы становления жизнеразвивающих и жизнепродолжающих структур, не определены тенденции этой реальности, а есть некий вид заклинания: от мифологии перестройки к мифологии реформ. В этом случае как бы забывается, что на самом деле сегодня одновременно проявляются две сильные тенденции: процессы распада и формирования некой самоорганизующаяся, самовоспроизводящейся система жизнедеятельности, в которой можно найти перспективу для общества, страны, государства. Я буду иметь в виду все эти три уровня, пока не предпринимая никаких усилий для спецификации признаков успеха на каждом из них.

Кто я? Видимо, тот 48-летний человек, который никогда не стремился найти какой-то точной границы между своим исследовательским и человеческим стремлением к миро- и себя-пониманию, и своим должностным и профессиональным самоутверждением и самоопределением; личность в рамках того жизненного опыта и той мировоззренческой позиции, с которой на сегодня, 23 ноября 1993 года, мы ведем эту беседу.

Что касается вопроса о том, имеются ли в России традиции, связанные с ценностью успеха, мне кажется, что он немножко лукавый. Я так говорю потому,

что при всей неопределенности понятия "успех", при всей его многозначности и расплывчатости, оно является атрибутивным для любого системного субъекта. В данном случае - нет ни одной страны в мире, нет ни одного сознательно устремленного человека, который бы не оказался связан с этой ценностью. Что касается России, то у нее в отношении к ценности успеха богатейшие традиции, связанные с пульсирующей в разных веках энергией жизни, которая оформлялась через оценки-этикетки: "успех", "победа", "достижение", "достоинство" и т.д. Богатейшие традиции. Даже если ограничиваться теми сферами делового успеха, которые Ваш журнал выбрал в качестве своего предмета, легко можно увидеть историю нашей страны, ее периоды, в которых развитие культуры политического, предпринимательского, педагогического, менеджеристского успеха будет легко фиксироваться.

Я еще вернусь к этому вопросу, а сейчас предлагаю задать нашим рассуждениям некоторые конкретные параметры, систему координат, в рамках которой можно было бы эффективно думать и продвигаться к запланированным результатам.

Первый параметр - это профессионализм. Если журнал и весь Проект, на который журнал будет работать, сможет хоть как-нибудь повлиять на процесс восстановления, возрождения и культивирования ценности профессионализма в обществе, тогда и интеллигенция российская перестанет изображать из себя мессианскую силу и то ли злобиться, то ли скульпить от признания - непризнания, а займется самодостаточным профессиональным самоутверждением. Тогда любой вид Дела обретет, прежде всего, этот признак - любой деятель, пренебрегающий классическими требованиями профессионализма, превращается либо в опасного дилетанта, либо в еще более опасного спекулянта. Одним словом, для меня понятие успеха возможно для какого-то серьезного осмысления лишь на такой предпосылке, как понятие профессионализма, включающее в себя некоторые общие основания любой эффективной, полезной и результативной деятельности. Разумеется, не в любом случае можно говорить о полной мере успеха. Например, когда состязаются и сравнивают результаты доморощенных усилий, и в этом случае некто оказывается первым, то это отнюдь не успех, это нечто другое, это шкалирование усилий, но ни в коем случае не соотносимое с внутренним содержанием понятия "успех" в том смысле, который я пытаюсь сейчас с вашей помощью разыскивать.

Второй признак - это то, что можно назвать "экзистенциальная установка". Я категорически против опошления проблемы жизненного успеха через некоторые естественные и неизбежные формы психоаффектации. Для меня успех, жизненный успех - это обретение некоего состояния внутренней свободы, и чаще всего носители этой внутренней свободы не имеют внешних признаков какого-то всеми разделяемого, публично признаваемого результата. Но есть очень важная связка. Легко представить человека, который культивировал в себе состояние внутренней свободы и преодолел десятки, сотни соблазнов, естественных для любой нормальной деятельности, но при этом утратил волю, связанную с формированием в себе некоторых профессиональных базовых способностей, умений и знаний. Я допускаю, что в экзистенциальном плане ощущение себя как внутренне свободного может сопровождать человека без этой, базовой для меня, предпосылки - профессионализма. Но только в сочетании они для меня имеют смысл, приближают к такой перспективе, которой для меня является жизненный успех.

И, наконец, третий признак - очень близкий ко второму, но для меня существующий в специфической форме. Речь идет о том, что я называю смысло-жизненной ориентацией субъекта деятельности, позволяющей ему находить глубинную связь между личными усилиями и тем, что мы называем "общественный, со-

циальный процесс". В известном смысле я могу допустить ситуацию, когда человек достиг весьма высокой степени профессионализма и обрел состояние внутренней свободы, но не обрел по каким-то причинам внятного понимания своей связи с миром, своей зависимости от мира и того, что и наполняет любую деятельность реальным содержанием, - системы смыслоценностных ее проявлений. Но для меня понятие "успех", индивидуализированное вне историко-смыслового контекста, как бы не существует, и я бы воздержался квалифицировать его без этой координаты.

Почему я веду рассуждение столь серьезно и столь многомудро? Потому что я имею собственную базовую систему жизненных ценностей, в том числе не всегда совпадающую с той классической, которой мы часто соблазняем друг друга, наших студентов и детей, стремясь к возвышенному и одухотворенному мировосприятию. Я имею в виду классическую триаду: истина, добро, красота.

Я исхожу из позиции, согласно которой эта триада не является исчерпывающей. Если говорить о базовых жизненных ценностях, то недостижима Истина, недостижима Красота и недостижимо Добро без еще одной, столь же онтологически фундаментальной ценности, каковой является Польза. И если этот тезис принять, то тогда мы могли бы схематично представить жизнь любого человека, любой социальной группы, любого общества, любого поколения в рамках такой системы координат, на высших точках которой, мерцая и постоянно, как в зеркале, друг в друге обнаруживая свое-иное, пульсируют истина, добро, красота, польза, а мерой их сопряженности и созвучности выступает то как раз вожделенное состояние свободы, которым мы сегодня столь заражены.

Я бы еще более отчаянно порассуждал и связал бы в большей степени жизненный успех с той осью на системе координат человеческого существования, которую мы сейчас зафиксировали, с тем, как отражаются на оси Пользы эти три составляющие любую фундаментальную деятельность человечества и человека ценности - истина, добро и красота. Нельзя избежать связи любых наших устремлений с тем, что характеризует исходную потребность. Ценность Пользы не столько утилизирует жизнь, сколько ее реабилитирует в естестве и в данности, преодолевает рафинированное устремление к высшим ценностям - либо в познании, либо в художественном творчестве, либо в нравственном самосовершенствовании - и возвращает его на естественное основание жизнедеятельности.

Возвращаясь теперь к теме традиций России и перспектив культивирования ценности успеха, полагаю, что, конечно, категория успеха становится и будет все более и более внятной в нашей деятельности. Мы долго добивались, чтобы жизнь стала полна этой энергии преодоления и созидания, и признак экономически свободного человека, приглашающегося к конкурентному сосуществованию с себе подобными, будет все более и более требовать каких-то внятных и ясных параметров. Успех в жизни - это будет нормальное состояние и, надеюсь, что оно не будет вызывать ни ревностного, ни раздражающего, ни презрительного восприятия, а станет совершенно естественным и востребованным в системе наших каждодневных ценностей.

Естественно, мы научимся отличать подлинный успех от случайных, скороспелых результатов, подлинный успех - от торжества победы над маломощным соперником и оппонентом. Подлинный успех - от разовых достижений, не закрепленных в систему эффективной и полезной жизнедеятельности. И, наконец, отличать подлинный успех, созвучный общественному прогрессу, созвучный теме общественного служения, и в этом смысле нравственно обеспеченный успех, от тех "достижений", которыми сопровождаются страшные и опасные формулы типа "все средства хороши".

Третий вопрос редакторов я понял так: какое место занимает ценность успеха в моей собственной карьере? Я сегодня стремлюсь быть профессиональным политиком и хорошо знаю, как много еще нужно работать, чтобы соответствовать этому качеству. Вместе с тем, никогда не скрывал ни от себя, ни от окружающих, что имею сегодня редкое для своих 48 лет устойчивое состояние достаточной внутренней свободы.

Если говорить о том, чем я всю свою жизнь занимался, если соотносить сегодняшние мои интересы, формы деятельности, характер решений, поступки, которые я совершаю, с одной только шкалой - с самим собой вчерашним, то, конечно же, я достаточно удовлетворен и могу считать свою сегодняшнюю деятельность успешной.

Если же говорить о том, какие серьезные ошибки лично мною совершались и совершаются, если говорить о том масштабе ответственности, без которого вообще очень трудно претендовать на осмысленную оценку понятия "успех", если говорить о той последовательности усилий, которую необходимо осуществлять человеку действительно профессионально занимающемуся каким-либо делом, то мне кажется, что здесь еще очень много резервов и очень много серьезных недостатков. По этой шкале, конечно, мало что достигнуто, и впереди очень сложная, интересная и трудная работа.

Еще раз вернемся к теме политического успеха. Нередко подчеркивают в ней игровую - в смысле театральности - сторону. Я считаю, что это преувеличение, причем, чаще всего со стороны тех, кто собственно политикой не занимался, или занимается ей как театром, пытаюсь в ней "ставить спектакли". Профессиональная политическая деятельность нередко нуждается в актерском типе политиков, а в силу своей неизбежной публичности политика предполагает естественные аналогии с театром. Но существо ее и ее содержание не дает оснований искать какие-то серьезные исследовательские, эвристические моменты, базируясь именно на этом признаке.

В то же время политика - чрезвычайно сложная профессия и я аттестую ее как высший вид творческой деятельности, ибо она связана с коренными интересами большинства людей, с формированием системы властных отношений, содержание которых предопределяет и определяет судьбы стран, государств, поколений. В этом своем фундаментальном смысле политика, конечно же, - это один из самых, может быть, неизученных, неосвоенных видов деятельности, видов профессий. Отношу же ее к высшему виду творческой деятельности хотя бы потому, что профессиональный политик обречен на то, чтобы сочетать в себе три вида достаточно самостоятельных способностей. Я их выделяю для себя в такой последовательности.

Это, прежде всего, способность к научному, аналитическому, объективному, системному видению жизни, мира, действительности, способность воспринимать действительность по законам научной, гносеологической позиции, с развитой эвристикой, с культивированной потребностью прогноза.

Второе - в политике столь часты ситуации полной знаниевой неопределенности, а решения подчас принимаются в таких режимах, когда информационная недостаточность имеет вопиющий характер, что совершенно необходима продуктивная способность воображения и умение видеть действительность по законам красоты, целостности, определенной гармонии. Это уже то качество, которое дается, прежде всего, художественным видом деятельности. Но если вы обладаете первым и вторым и вам удастся сочетать их, то этого совершенно недостаточно без развитой нравственной позиции в жизни, умения оценивать действительность прежде всего по нравственным критериям - добра, чести, достоинства. Без

этого внутреннего, духовного гироскопа нет политика-профессионала, а есть лишь шабашник, актерствующий фигляр или удачливый популист.

Вот почему, никого не обижая и не оскорбляя, я настаиваю на том, что профессиональная политика требует сочетания всех трех выдающихся качеств и способностей, которое и дает основание утверждать, что политика - это высший вид творческой деятельности. А если мы еще раз вспомним, что от решений политика, от его действий или бездействия зависят интересы миллионов людей, а последствия деятельности политиков имеют глобальный масштаб, не на одном поколении отражаются, то тогда цена этой профессии еще более возрастает. Возрастает цена политического успеха. В том числе - нравственная цена.

ПЕРЕВОДЫ, РЕФЕРАТЫ, РЕЦЕНЗИИ

Питер Бергер

КЛАСС: ЛЕСТНИЦА УСПЕХА

Несколько лет назад в небольшом парке фешенебельного пригорода Нью-Йорка мне довелось услышать весьма примечательную в социологическом отношении беседу между двумя женщинами. Они расположились на скамейке, приглядывая за своими детишками, игравшими в большой песочнице, устроенной создателями парка очень красиво. Одна из мамаш, вдумчиво посмотрев на своего малыша (как могло показаться со стороны, лет эдак двух), вдруг обратилась к своей собеседнице с вопросом: "Вы действительно полагаете, что ему уготована одна дорога - в Принстонский университет?". Вопрос этот можно было бы списать на счет патологической по своей природе установки на успех у высших слоев среднего класса Америки. Однако дело в том, что и остальные классы американского общества не в меньшей степени ждут от своих детей успехов, выходящих за пределы их "нотального" статуса, и по-хорошему верят в то, что шанс на подобный успех, собственно, и есть неотъемлемое право каждого американца от рождения (канонизированное как право на "стремление к счастью" в документах основателей американской республики).

Специфически американский культ успеха нашел отражение во множестве мифов. Один из них повествует нам о том, как некий юноша, начавши с разноски газет, приложив немало усилий и сопутствуемый удачей, пусть и не очень большой, завершает свой жизненный путь главой громадной корпорации. В этом обобщенном ожидании успеха Америка олицетворяет собой особо вирулентный тип модернизации общества.

Вообще же процесс модернизации нередко описывается общим штрихом как "революция возрастающих ожиданий", что впрочем не означает обязательно эгалитаризма в том смысле, что к исходу жизни все индивиды обретают унифицированно измеренный успех. Хотя под этим подразумевается, что каждому дается относительно одинаковый социальный толчок или, если поставить все с ног на голову, никто не принуждается к тому, чтобы оставаться навечно прикрепленным к своему теперешнему статусу. В этом смысле, модернизация как бы идет вразрез со всем тем, чего люди привыкли ожидать от жизни на протяжении многотысячелетней истории. Луи Дюмон, известный французский историк, показал в свое время, что отказ от непреложного закона иерархий разительно отличает современного человека от его "традиционных" предков. Дюмон предлагал поэтому последнего именовать *Homo hierarchicus*, в то время как человека современности можно было бы назвать *Homo aequalis*. Модернизация, где бы она ни происходила, означала на деле одно и то же: старый иерархический порядок рассыпался, а на смену ему во взаимоотношения людей врывался новый динамизм.

Допустимо предположение, что пять индивидов, проживающих изолированно на некоем острове, поддерживают между собой состояние равенства. Даже большее число людей может жить в равенстве, если они знают, что время их совместного проживания непродолжительно. Формы неравенства возникают там, где человеческое общество становится многочисленным, а историческое время - продолжительным. Вопросы о том, почему так совершается в истории, насколько это справедливо, в какой степени такой порядок вещей поддается изменению - долгое время занимали лучшие умы человечества.

Принято считать, что все категории социальной стратификации суть теоретические конструкции, фотографически отнюдь не отражающие социальную ре-

альность, а это предполагает в свою очередь, что данные категории нельзя ни опровергнуть, ни верифицировать эмпирическими данными. Они лишь могут быть использованы с разной степенью полезности в интерпретационных системах. Категория "класс", которая со времени Карла Маркса стала центральным интерпретационным понятием, является одной из категорий, но не единственной категорией стратификационного анализа. В этом смысле, говорить о "классовой системе" значит говорить о вполне определенном и отличном от остальных типе стратификации.

Определение: Классом является группа людей, выводящая свои привилегии из специфики ее роли в производственном процессе; он характеризуется общностью интересов и целостностью культурных черт. Классовым обществом является то общество, где класс является доминирующей формой стратификации.

Это определение - откровенно эклектичное. В нем говорится о привилегиях в смысле доступа людей к материальным благам и услугам, хотя при этом остается открытым вопрос об их отношении к власти и престижу. В нем утверждается, что класс обладает политическим статусом, ибо в классе сконцентрированы общие интересы, а интересы сами по себе могут существовать, если они противопоставлены другим интересам. Наконец, в нем утверждается, что класс реализуется в узнаваемых образцах общности людей, а посему они должны обладать специфическими культурными чертами. Так, некая группа людей, образованная по критерию их доходов, еще не есть класс.

Но это определение предполагает также и достаточную открытость классовой системы стратификации, по крайней мере, в сравнении с другими типами стратификации (к примеру, вспомним о типичной закрытости кастовой системы Индии). Открытость эта касается в первую очередь шансов каждого индивида на передвижение из одной общественной страты в другую. Вопрос о социальной мобильности, то есть передвижение индивидов вверх и вниз внутри некоей стратифицированной системы, не может быть разрешенным теоретически, а лишь - на основании эмпирических свидетельств, вскрывающих не только удельный вес социальных передвижений сквозь классовые границы, но и методы, к которым прибегают индивиды для этих передвижений.

В индустриально-капиталистическом обществе осуществляется прогрессирующая замена всех остальных форм стратификации на классовую. Подобно тому, как рынок определяет курс производственного процесса, также и общественные привилегии формируются и востребуются в рамках своего специфического рынка. В "идеально чистом" капиталистическом обществе оба эти рынка должны бы совпадать: все привилегии доступны по мере накопления богатств внутри рыночного хозяйства. В действительности же не все происходит так складно. В любом случае под влиянием происшедших в течение длительного времени изменений внутри капиталистического общества процесс социальной мобильности существенно динамизировался по сравнению с до-индустриальной эпохой человечества. Точнее сказать: именно индустриализация ускоряет социальную мобильность в обществе. Если же мы сравним социалистическое и капиталистическое общества (индустриальные - в обоих случаях), то последнее утверждение может быть сформулировано еще более обобщенно и категорично: динамическая индустриализация вне зависимости от социально-политической организации общества суть фундаментальная детерминанта социальной мобильности.

Что же касается теории капитализма, то теоретическое развитие этого утверждения вполне очевидно: модернизация, а не капитализм, ответственна за глубинные сдвиги в процессах социальной мобильности в западных обществах. Равно как каждый человек оценивает свои возможности в том обществе, в кото-

ром он проживает, скажем, как относительно высокие или, напротив, как недопустимо низкие (в значительной степени - это прерогатива субъективного выбора), так и капитализм не должно (и не надо) ни восхвалять, ни порицать за существующий порядок вещей. Марксисты приписывают капитализму (забывая при этом, что капитализм не более чем, одна из версий модернизации) черты, по сути присущие модернизации вообще.

Очевидно также, что это утверждение нетрудно было бы опровергнуть, подобрав эмпирические данные таким образом, чтобы показать, что социальная мобильность существенно варьируется в зависимости от социально-политической организации общества (особенно ясно это станет, если мы вновь сравним капиталистическую систему с социалистической). Но даже и в этом случае капитализм не должно ни восхвалять, ни порицать за существующий порядок в процессах социальной мобильности в западных странах. Во всех развитых индустриальных обществах происходит умеренное, но не драматическое, ускорение темпов восходящей мобильности.

Во всех развитых индустриальных обществах образование поистине превратилось в наиважнейшее средство индивидуальной восходящей мобильности.

В Соединенных Штатах люди склонны придерживаться оптимистического взгляда как в отношении свершенного всем обществом прогресса со времени поколения их родителей (прошлая мобильность), так и в отношении их собственных настоящих шансов. Любопытно этой связи заметить, что наиболее оптимистически настроенную группу составляют чернокожие американцы. И хотя в последнее время в дискурсе о шансах подрастающего поколения зазвучали все больше пессимистические нотки, все же среди американцев весьма популярно мнение о том, что классовая система достаточно открыта, и что упорный труд в сочетании с образованностью выступает главными факторами, детерминирующим успех личности, ее достижения в терминах социальной мобильности. Чрезвычайно слабым интересом у американцев пользуется идея равенства, особенно в смысле гарантированных эгалитарных результатов борьбы за успех, а отсюда - массовое несогласие с общепринятой эгалитарной критикой американского общества. Большинство американцев продолжает считать, что их классовая система справедлива. Они скорее обнаруживают специфически несправедливую ситуацию, связанную с расовой или половой дискриминацией.

В дополнение к упорному труду и образованию зачастую прилагается уверенность в значимости чистого везения и готовность принять фактор удачи как существенный элемент общественной справедливости, что, естественно, идет в разрез с эгалитарной критикой общества. Большинство европейцев гораздо в меньшей степени разделяют конформное мнение о функционировании своей классовой системы. Следует заметить, что эмпирические данные о классах и мобильности не опровергают ни одно из этих типичных убеждений. Скорее под влиянием индивидуальных оценок или норм человек воспринимает существующую социальную ситуацию как справедливую или несправедливую. В любом случае большинство американцев продолжает считать, что функционирующая в их стране классовая система не влияет каким-либо образом на их же стандарты "честной игры". Место удачи во всем этом (если угодно, в образах: от "колеса фортуны" к "лестнице удачи") заслуживает большего теоретического внимания. В популярных имиджах американского капитализма есть место образу "Лас Вегас", вполне конкурентоспособного по отношению к "Уолл Стрит", - образу особой символичности в силу своей игровой природы, хотя и в нем чрезвычайно педалирован эгалитарный элемент. В самом деле, Лас Вегас - воистину самое демократичное место Америки. Однако вернемся к нашей теме.

Допустим, что некоему индивиду в промышленном городе советской Средней Азии открываются возможности для его мобильности, по большому счету совершенно закрытые для всех предшествующих поколений жителей региона. Допустим также, что эти возможности, включая и те, что открываются современной образовательной системой, идентичны тем возможностям, которые открылись Западу в результате индустриализации. Обладает ли этот индивид возможностью и мотивацией к использованию открывшихся возможностей? Узбека отличает, к примеру, от бедняка из южных регионов "несовременной", традиционной Италии, - факт присутствия в его жизни репрессивной системы политического контроля над всей общественной структурой возможностей. В Советском Союзе был еще один дополнительный фактор - политические барьеры, с которыми каждому индивиду надлежало справиться - фактор, напроочь отсутствующий в западном, капиталистическом обществе. Является ли он членом партии или нет? Каковы его заслуги перед партией, каковы заслуги его семьи? Каковы его связи в системе политического контроля? - Эти дополнительные условия присутствуют во всех обществах промышленного социализма.

Если подвести под всем этим теоретический итог, то допустимо следующее предположение: каждое индустриальное общество создает свою структуру возможностей, детерминированную экономическими, технологическими и демографическими силами, которые по существу кросс-национальны и идентичны. Но индустриальный капитализм позволяет, так сказать, "духу" этой структуры существовать и функционировать относительно автономно. Напротив, промышленный социализм воздвигает над этим "духом" дополнительную духовную систему, по своему содержанию идеологическую и политическую. Громадное напряжение, которое возникает между этими двумя системами "духа", в значительной степени и объясняет нам, что происходит сейчас в (пост) социалистических странах. Это напряжение делает социалистические страны эмпирически менее открытыми, чем западные общества.

С точки зрения индивида оба общества предполагают ему одну и ту же игру в модернизационные возможности, но индустриальный капитализм позволяет ему играть в эту игру гораздо свободнее.

Перевод А.Ю.Согомонова

Питер Бергер (родился в 1929г.) - американский социолог, один из выдающихся представителей феноменологического направления в теоретической социологии. Директор Института экономической культуры Бостонского университета. П.Бергер - автор большого числа работ по социологии религии, социологии знания и теории модернизации. Одна из его последних книг "Капиталистическая революция" - итог его многолетних разработок в области теории модернизации. Безусловный сторонник капиталистического способа производства, Бергер показывает, насколько последовательно культура успеха в капиталистическом обществе реализуется через индивидуальную установку на достижения. Социальная мобильность - суть, смысл, и главный критерий успешного продвижения личности на ее жизненном пути, а "класс" - то социальное пространство, в котором осуществляются индивидуальные успехи. Публикуемый текст представляет собой "выжимку" из одноименной главы книги П. Бергера "The Capitalist Revolution". 2nd ed. New York: Basic Books, 1991.

НОВАЯ КНИГА О КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

П. Кокман, Б.Эванс, П.Рейнолдс.

Консультирование, ориентированное на клиента: Практическое руководство для внутренних советников и наставников. Нью-Йорк: МакГроу-Хилл, 1992.

Cockman P., Evans B. and P. Reynolds. Client Centred Consulting: A practical guide for internal advisers and trainers. New York: McGraw-Hill, 1992. ISBN 077076850.

Едва ли возможно сделать обзор этого отличного руководства на одной странице. Книга издана в серии учебников МакГроу-Хилл. Авторы познакомились, работая внутренними консультантами в 1975г. и, по-видимому, преуспели. П. Кокман - старший партнер в Компании Кокмана; Б.Эванс основал "Оксфордское Консультирование Менеджмента" в 1982 и в большей степени связан с человеческими аспектами проблемы. П.Рейнолдс имеет собственное консультационное агентство и является ведущим партнером "Оксфордского Консультирования Менеджмента"; он особенно интересуется управляющими влияниями в действии.

Консультирование - это способность захватить воображение людей так, чтобы другие взяли ваши идеи на вооружение и сделали их своими собственными; это задача представить другим возможности, а не контролировать их; консультирование чувствительно к потребностям людей; консультирование, случается, не избегает и конфронтации с ними в сфере своей компетенции. Короче говоря, ориентированные на клиента (ставящие в центр внимания клиента) консультанты - это "люди, влияющие на других людей, или дающие им советы относительно возможной последовательности действий для улучшения любых аспектов их деятельности, но без какой-либо формальной власти над этими людьми"... Специалисты в различных сферах, таких как медицина, закон, бухгалтерское дело, компьютерное и информационное управление, корпоративное планирование, производственные связи, профессиональное здоровье, OR, OD, персонал, продуктивность, контроль качества, исследования, развитие, здоровье и безопасность, обучение и развитие, профессиональное обсуждение - посвящают часть своего времени консультированию. Ориентированные на клиента консультанты имеют, конечно, специальные знания, высокий уровень самосознания, полное понимание наиболее вероятного поведения клиентов, как индивидуального, так и в группе, широкий спектр профессиональных и межличностных умений, достаточную гибкость стиля отношений с разными клиентами в разнообразных ситуациях, реальное понимание процесса помощи в контексте их профессиональной дисциплины. Ориентированное на клиента консультирование начинается там, где клиенты находятся в данный момент, а не там, где они думают, что находятся; оно помогает клиентам решить, какие данные или информацию собирать; позволяет клиентам прояснить для себя свои проблемы; помогает клиентам найти смысл в данных, а не делает это самостоятельно; обеспечивает теоретическую помощь клиентам в осмыслении данных или принятии решения относительно порядка действий; помогает клиентам достичь соглашения относительно плана действий; осуществлять решения и энергично принимать меры, если это приемлемо; убеждает, что клиенты не переложили свои проблемы на чужие плечи и не стали зависимыми от консультанта. Авторы предлагают полезный проверочный лист для оценки того, насколько вы ориентированы на клиента, и какие аспекты вашей работы и стиля необходимо развивать.

Труднейшие проблемы для консультанта: как использовать экспертизу без объяснения клиентам, что нужно делать, и как избежать роли "эксперта", который рассказывает клиенту, что нужно делать, когда эта роль так соблазнительна.

Консультанты могут выбрать одну из четырех основных стратегий вмешательства. Первая, - "одобряющая", включает попытки понять проблемы или затруднения с точки зрения клиентов. Эмоции могут сделать для клиентов невозможным принятие необходимых решений, поэтому задача консультанта состоит в том, чтобы помочь клиентам осознать свои собственные эмоции без какого-либо страха, за который они себя могут осудить. Авторы предполагают, что этот вид взаимоотношений может восприниматься неопытными консультантами как некомфортный. Очевидно, для решения данной задачи не помогут выражения типа: не надо плакать; возьмите себя в руки; я уверен, что все не так плохо; не хотите ли на несколько минут остаться в одиночестве?; не стоит так злиться из-за этого.

Каталитическое вмешательство подразумевает, что отсутствие данных или перегрузка данными вызывают трудности; что имеющие отношение к делу данные доступны и что помощь клиенту посредством прояснения существующих данных и сбора дополнительных, включая как объективные факты и цифры, так и более экзотические данные типа эмоций и поведения, будет способствовать прогрессу клиента. Каталитическое вмешательство может использовать различные методы сбора данных, их анализа и представления. Все они включают некоторый риск, но наибольший состоит в том, что консультант скатится до использования замаскированных предписаний. Авторы предлагают различные вопросы, полезные для получения информации, например: расскажите мне об этой проблеме своими словами; чего бы вы хотели добиться; когда вы впервые это заметили; что еще происходит; как вы узнаете о том, что добились успеха; каковы возможности выбора, каковы их преимущества, недостатки; какие шаги вам необходимо предпринять; с чего вы начнете и т.д.

Конфронтация включает заострение внимания на расхождениях между поддерживаемыми и практикуемыми клиентом действиями: на подтексте и импульсах поведения. Она подразумевает не порицания или приговоры, а чувства, которые нельзя предсказать. Эффективная конфронтация требует, чтобы консалтинговая фирма пользовалась доверием клиентов, причем противостояние группе клиентов неизбежно более сложно и занимает больше времени. Конфронтация основывается на предположении, что клиент является частью проблемы. Даже если он этого не осознает, будучи поставлен в ситуацию конфронтации, клиент найдет достаточные ресурсы, чтобы найти свое собственное решение. Конфронтация - это стратегия вмешательства, связанная с большим риском, наибольший риск в том, что данное вмешательство может породить конфликт. Противостояние группе требует особого внимания. Конфронтация в основном используется на промежуточных и заключительных стадиях задания.

Предписание, - вероятно, наиболее широко используемый стиль консультирования. Предписывающее вмешательство приводит к результатам быстрее, чем любой другой стиль консультирования. Следовательно, предписывающие решения типа "быстрой починки" могут быть очень соблазнительны. Предписывающее вмешательство предполагает, что консультант является экспертом и может обеспечить экспертное решение, которое клиент примет. Консультанту приходится проводить зондирующее диагностическое исследование, давать клиенту полное описание проблемы, экспертные советы по наилучшему решению и, если необходимо, предлагать руководство осуществлением предписания. Несмотря на свою привлекательность, предписывающие вмешательства имеют несколько рискованных моментов: порождают зависимость клиента; неприятие клиентом предписаний или консультанта; модификацию, ослабление или игнорирование

предписаний; в случае ошибки - обвинение в профессиональной некомпетентности; отсутствие у консультанта осознания того, где его шаги выходят за рамки экспертной области.

Мастерство консультирования включает самопознание, навыки общения, умение наблюдать (особенно слушать) и искусство обратной связи с собеседником, умение разрешать проблемы, формировать команду, иметь дело с чувствами людей и со своими собственными чувствами. Данная глава предлагает много полезных стратегий преодоления барьеров в использовании этих умений и их дальнейшем развитии. Здесь также имеются полезные упражнения и предложения для получения обратной связи, сигнализирующей о том, как ваше мастерство воспринимается клиентами и другими членами вашей команды, и контрольный (проверочный) лист для помощи консультантам в определении своих сильных и слабых сторон и выработки стратегии формирования новой структуры поведения и новых навыков.

Приступая к консультированию, прежде всего, постройте эффективные взаимоотношения с вашим клиентом. Если вам не удалось установить отношений взаимной открытости, доверия и честности, маловероятно, что ваши клиенты в достаточной степени откроют свои реальные проблемы. Результатом будет неудовлетворительный контакт. На ранних стадиях клиенты, вероятно, будут подозрительны или обидчивы в вашем присутствии, особенно если они почувствуют, что вы им навязаны. Встреча с клиентом может быть для консультанта столь же стрессующей, как и для клиента. Вам необходимо быть открытым, поделиться некоторыми из ваших собственных чувств и быть совершенно искренним. Если вы недобросовестны, преувеличиваете прошлые успехи или пытаетесь манипулировать вашими клиентами, вы преуспеете только в усилении барьеров и увеличении недоверия. Данная глава заканчивается полезным проверочным листом, выясняющим с помощью вопросов мнение клиента о причинах важности достижения успеха; о барьерах и трудностях, препятствующих этому; о построении отношений с вашим клиентом; об искренних и менее искренних мотивациях к изменению.

В учебнике есть полезный раздел о контрактах, с проверочными листами для контроля за целью контракта, за его сильными и слабыми сторонами, для тестирования контракта и сферы общих вопросов: кто может делиться данными, для кого действует консультант, отчет, кто может закончить консультацию, конфиденциальность, повторные переговоры, начало консультации, что необходимо сделать предварительно, за что отвечает консультант, и стоимость. Глава о сборе и осмыслении данных посвящена обсуждению преимуществ и недостатков различных методов сбора данных, таких как интервью, опросники, прямое наблюдение, анализ документов, опыт и интуиция; в ней предложен разнообразный инструментарий сбора и представления данных. Но авторы включают сюда и предостережения. Трудности организации - это не обычные затруднения, это проблемы и они редко имеют стопроцентное решение. Помощь клиенту может включать и выбор между несколькими сорокапроцентными вариантами.

Успешное решение проблемы зависит от права собственности, руководства, способностей и организации. Консультант может вообще ничего не сделать, используя подход "передачи" или играя роль "содействия". "Содействующая роль, вероятно, ... дает возможности клиентам, увеличивает их вовлеченность и уверенность, что ... изменения совершаются непрерывно. ... Вы можете: обеспечить поддержку и поощрение, наблюдать и осуществлять обратную связь, слушать и предлагать советы, когда дела идут плохо, помогать клиентам планировать модификации и осуществлять тонкую настройку, определять те стороны процесса, которые вносят вклад в успешное выполнение, собирать людей вместе для работы над неразрешимыми конфликтами, нарушениями коммуникации и т.п.,

помогать специалистам различных дисциплин или различных частей организации работать вместе, готовить группы для перемен, проводить тренировочные сессии с индивидуумами или группами, работать с менеджерами и помогать им поддерживать процесс изменения, открывать двери для других департаментов, если их участие может быть полезно, или противодействовать несогласованию между планами и реальными действиями. "Главная цель консультанта состоит в том, чтобы стать лишним. ...Всем консультантам необходим план "выхода из боя"... Формально осознание конца задания очень важно как для клиентов, так и для консультантов.

Оценивание задания по ориентированному на клиента консультированию включает полезный проверочный лист и опросник для получения обратной связи от клиента. Эпилог описывает авторский подход к подготовке внутренних консультантов. В учебнике есть также полезная библиография.

Компьютерный набор и макетирование выполнены в редакции

"Социологического журнала"

Москва 117259 ул. Кржижановского 24/35 строение 5

Редактор М.Г.Пугачева

Подписано к печати 1 марта 1994 года. Заказ №49 Объем 12 печ.л.

Тираж 990 экз. Цена договорная

Печатно-множительная лаборатория Института социологии РАН

Москва 117259 ул. Кржижановского 20/30